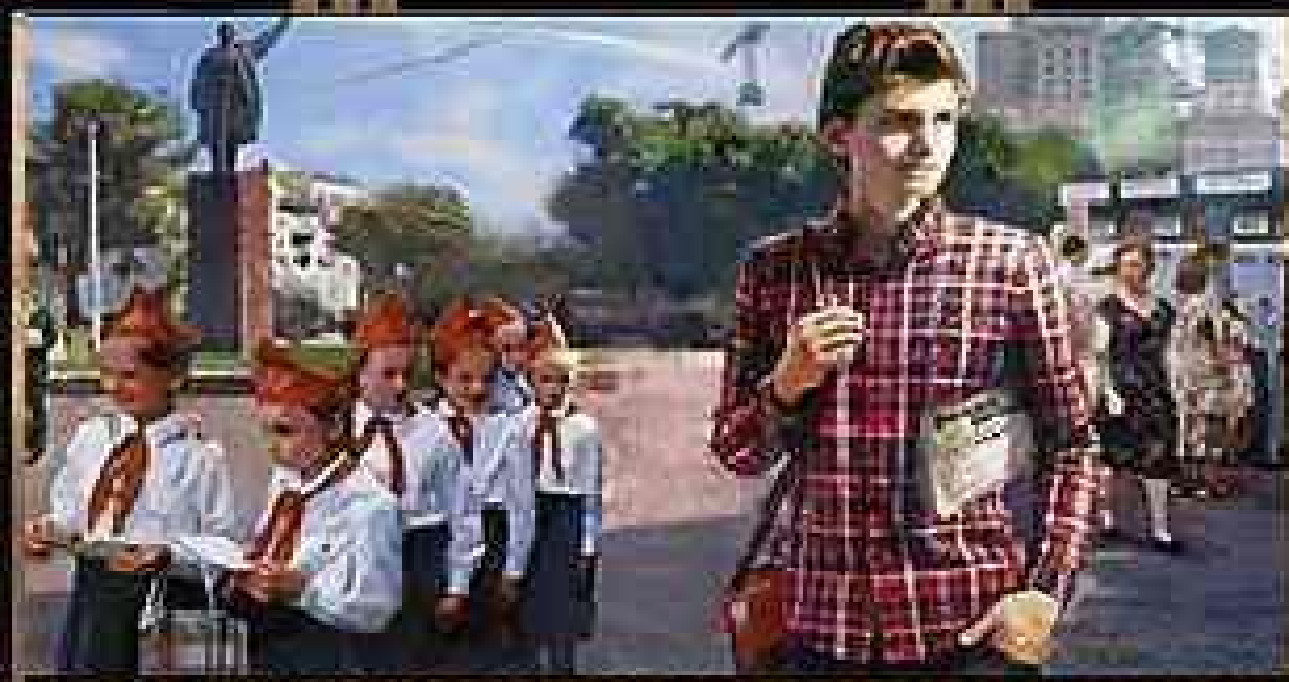

**Вадим
Яловецкий**

УДАР ТОКОМ

Рекуперация

2019

Annotation

После всех приключений в романе "Удар током", Петрушевского ждут новые испытания и путешествия. Смерть жены и внезапно появившаяся возможность повлиять на время, побуждает главного героя участвовать в эксперименте закрытой лаборатории.

- [Вадим Яловецкий](#)

-

-

Вадим Яловецкий

Удар током 2. Рекуперация

*Все вещи разрушает время,
И мрачной скукой нас томит;
Оно как тягостное бремя
У смертных на плечах лежит.*

(Н. М. Карамзин)

1. Петрушевский. Злополучие

Раннее утро взорвалось громким лаем Дуськи. Петрушевский открыл глаза, вскинул руку и посмотрел на часы - четыре утра. Беспородная любимица надрывалась злобно и громко. На этом фоне резанули слух тревожные крики жены. Дмитрия Сергеевича подбросило на кровати, он кинулся на выход. Пулей слетел со второго этажа, слыша за спиной топот другого представителя собачьего племени - кобеля кане-корсо по кличке Бублик. Хлопнул входной дверью и вывернул на участок, чувствую недоброе. Глаза тут же выхватили неправильную картину: жена как-то странно прислонилась к водительской двери семейного автомобиля, а Дуська ругалась на распахнутую калитку, но сдерживалась, подчиняясь собачьему инстинкту запрещающему бросать кормилицу.

- Света! Что случилось? - Петрушевский кинулся к жене, пока не понимая, что произошло в это тёплое июньское утро.

Светлана Петровна одной рукой держалась за грудь, другой

обнимала собаку. Тёмной волной накатил страх. Хозяин подхватил супругу, холодея от чуткого предчувствия выкрикивал:

- Что? Говори Света, что тут происходит?

- Воры, - срывающимся голосом тихо произнесла жена, - угнать машину хотели..., собака заволновалась, мы выскочили. Их двое, один наутёк, второй меня ударил... Ой, Дима, больно мне.

В ленинградской области, по географическому признаку, переход ночи к рассвету весьма условный - территория белых ночей предполагает светлое, словно выбеленное небо. Только сейчас Петрушевский увидел в призрачном свете чёрное расплывающееся пятно на левой стороне груди и тоненькую струйку крови, сочащуюся из уголка рта. Жена стала оползать.

- Света, не закрывай глаза, не закрывай. Сейчас вызову неотложку. Подожди, давай помогу, присядь в кресло, только смотаюсь за телефоном.

- Дима, закрой калитку сперва, потом врача. - окрепшим, как показалось Дмитрию Сергеевичу, голосом добавила. - Я им ору: прочь отсюда, собак спущу, муж дома, затем схватила одного за рукав, а этот гад меня уколол чем-то в грудь.

Петрушевский метнулся в дом, взлетел наверх, схватил мобильный. Бросился назад, на ходу выхватывая из телефонной книжки мобильника вызов неотложки и следующий за ним номер дежурной части УВД посёлка Советский. Вот и пригодилось, стукнулось в голове, не зря когда-то забил номера на подобный случай. Как знать какие напасти могут коснуться жителя дачного посёлка Ландышевка и вот... Жена была в сознании и безучастно смотрела, как супруг добежал до калитки, при этом вызванивал неотложку, а потом не сдерживаясь и орал на диспетчера, выяснявшего фамилию потерпевшей, имя, отчество и полный

возраст.

- Господи, да у пострадавшей ножевое в грудь, присылайте бригаду. Уроды какие-то напали и ранили жену, кровью истекает. Да, я понял, не буду переносить, сейчас она сидит в машине. Приезжайте: посёлок Ландышевка, улица Дачная, 4 А.

Дмитрий Сергеевич с трудом отвёл сопротивляющихся собак в дом, вернулся к жене держа в руке простыню, прижать рану. Полицейский наряд приехал раньше врачей. Стали допрашивать женщину. Чередуя рассказ стонами, Петрушевская как могла описала преступников следователю, голос её прерывался. Менты куда-то звонили, организовывали преследование по горячим следам. Наконец прибыли врачи, отвели в сторону суесящегося мужа: "не мешайте гражданин". Осмотрели рану, покачали головой и пошли за носилками. Затем стали хлопотать над распластавшимся телом, остановились и позвали следователя. Тот согласно кивал головой и печально смотрел на потерянного Петрушевского. Хозяин всё понял и шатаясь двинулся к носилкам, ноги подкосились, он потерял сознание. Очнулся, когда фельдшер водил ваткой с нашатырём под носом и монотонно твердил:

- Возьмите себя в руки. Смотрите на меня. Вам сделали успокаивающий укол, Дмитрий Сергеевич. Соболезнуем, удивительно, что супруга так долго держалась. Смертельное ранение в сердце, медицина тут бессильна. Тело увозим в областной морг, это криминальный случай, потому будет вскрытие. Следователь всё объяснит. Распишитесь пожалуйста здесь. Мы поехали, держитесь.

Через полчаса, после оформления протокола, полицейский наряд свернулся и выехал с участка. Петрушевский закрыл ворота. В голове гудело, на деревянных ногах вернулся в дом. Собаки рвались на участок к хозяйке. Машинально открыл дверь и выпустил животных. Те кинулись к воротам и устроили перелай, затем преданная Дуська, завывала - стало ещё горше. По щеке проскользнула слеза. Петрушевский уставился в одну точку - как же дальше, без Светочки? Вернулся, извлёк не использованную бутылку "Царской"

водки, проглотил рюмку и стал набирать номер сына. Каково сообщать страшную весть ребёнку, а внука? После жуткой паузы о смерти мамы, Павлик в далёкой Москве с трудом выдавил:

- Папа будь на связи. Закажу билеты и завтра приедем.

Петрушевский нажал отбой, но телефон словно проснулся, пошли звонки от агентов - ясное дело врачи, за процент поделились новой информацией с бюро похоронных услуг. Договорился, на свой взгляд, с менее борзым агентом и пригласил на переговоры. Пока ждал посредника, выпил ещё. Рассудок отказывался принимать жуткую правду. Вдовец клял себя за брошенный на участке автомобиль без включённой сигнализации, за неиспользуемый гараж, забитый топливными брикетами и всяким хламом. Боль утраты перемежалась с печальными хлопотами и мыслями о жизни без любимого человека. Вопросы роились и множились.

На отпевании кроме сына, невестки и внуки, пришло с десятков человек. Взгляд выхватил из жидкой кучки провожающих незнакомца, напоминающего самого себя по комплекции, внешности и возрасту. Мужчина поглядывал на Петрушевского. Где-то глубоко в памяти мелькнуло неясное воспоминание, что этот тип знаком Дмитрию. Но за печальными хлопотами не стал задумываться над эффектом отложенной памяти. Хрен с ним, с дежавю, сейчас не до того. Четвёрка кладбищенских рабочих водрузили гроб на передвижной катафалк и тихо покатила к могиле родителей. Петрушевский сдерживался и про себя с горечью констатировал вехи сопричастности к смертям родных жены: в середине девяностых хоронил тестя, пять лет назад упокоилась рядом тёща, теперь вот незабвенная Светлана Петровна. "Скоро и меня сынок отправит в путешествие откуда не возвращаются". От этой мысли неожиданно полегчало.

После погребальных процедур, люди неуверенно топтались перед холмиком захоронения. Организацией похорон занималась невестка, которая пригласила на поминки желающих почтить память Светланы Петровны. Кто-то тронул Петрушевского за рукав.

Обернулся - тот самый гражданин неведомо откуда взявшийся на отпевании в церкви Смоленской иконы Божией Матери.

- Здравствуйте, Дмитрий Сергеевич. Вы меня верно не помните, а я у вас на даче гостил полтора года назад. Меня зовут Чистяков Николай Фёдорович. Примите мои соболезнования. Извините, что выбрал неподходящий момент, но чтобы вы понимали, я тут не случайно. У меня большой разговор, касающийся супруги и вас. Поверьте, никакого негатива и притязаний, совсем другие проблемы, которые предлагаю обсудить в ближайшее время.

Петрушевский рассматривал свалившегося из ниоткуда гостя. Похож: плотный, с небольшим животиком, ямочка на подбородке, мешки под глазами, вытянутое лицо и умные коричнево-зелёные глаза. А ведь и правда, неуловимо знакомая личность. Но, когда этот Чистяков приезжал в гости, невдомёк. Вклинился не вовремя, а с другой стороны посторонний, проявивший уважение и соучастие к чужой беде, отвлекает от тягостной, давящей боли страшного момента прощания. Надо что-то ответить, человек ждёт.

- Хорошо, Николай Фёдорович. Вы поедете на поминки? Городская квартира рядом, на улице Кораблестроителей. Там поговорим. Согласны?

- Надеюсь не обременю. Помяну со всеми Светлану Петровну.

В городской квартире Петрушевских, сумрачно и темно. Лампочка в люстре перегорела, на кухне запустение. Дмитрий Сергеевич одно время сдавал квартиру, но аренда как правило чревата рисками от нанимателей, тут испорченное имущество, и задержки платежей, и пьянки в неурочное время. В общем, наевшись до сыта человеческой непорядочности, Петрушевские по обоюдному согласию испытание арендой прекратили. Лишние деньги не помещали бы, тогда Дмитрий Сергеевич предложил продать недвижимость, чему супруга резко воспротивилась. После смерти жены, Петрушевский заехал в обшарпанное, угрюмое жильё и твёрдо

решил, что теперь уж наверняка выставит трёшку в кирпичном доме на продажу. Завёз накануне похорон продукты и алкоголь. Женщины принялись готовить и сооружать закуски. Мужчины доставали из холодильника водку и сервировали стол на десять персон: трое мужчин, остальные возрастные дамы, плюс молодое поколение в лице заплаканной восемнадцатилетней внучки.

После первых скорбных речей и возлияний, алкоголь сбил остроту момента, стало оживлённей - притихшие голоса набрали силу, разговоры перемежались воспоминаниями о покойной, эпизодами из прошлой жизни, постепенно скатываясь к тяготам нынешнего бытия и старческим хворям. Из мужской части курящий только Чистяков. Дмитрий Сергеевич вызвался проводить гостя на лестничную площадку. После первой затяжки, Чистяков ошарашил несколькими предложениями, ставившими с ног на голову последние несколько тягостных дней.

- Дмитрий Сергеевич, сразу предупреждаю - я не шарлатан или маг, не экстрасенс. Я учёный изучающий проблемы времени в закрытой лаборатории. О наших достижениях знает ограниченный круг людей, приближенных к Российской академии наук и силовым структурам. Наши специалисты собрали и несколько лет испытывают экспериментальную установку по перенесению биологических объектов во временном пространстве, а попросту машину времени. Я, собственно, руководитель засекреченной лаборатории и имею прямое отношение к программам испытаний. Что хочу вам предложить? При вашем согласии и подписании соответствующих документов, мы готовы предложить вернуть вас, Дмитрий Сергеевич, в то злополучное утро и изменить, а точнее исправить трагическое происшествие с вашей супругой. Как у нас говорят "поиграть с историей". Это не шутка, не розыгрыш, в ближайшее время, когда будете готовы, приглашу в лабораторию и продемонстрирую установку. Затем подробно расскажу о сути эксперимента.

Петрушевский отказывался верить и в какой-то момент собрался выгнать самозванца, но твёрдая убеждённость в глазах Чистякова и абсурдность жестокого розыгрыша, остановила от

необдуманного поступка. Смятение и боль утраты сменилась слабой надеждой. Он растерялся, подобные ситуации подходят для научно-фантастических романов, а тут такое. С другой стороны на дворе двадцать первый век, техническая революция.

- Николай Фёдорович, не знаю что и сказать. Советоваться, я так понимаю, нельзя. Но ведь, как я понял, всё изменится и жена останется жива? Да ради такого, готов на любой фантастический эксперимент, поверю в подобную сказку. Слушайте, хочу выпить, голова идёт кругом.

Чистяков загасил окурок в жестяной банке, подвешенной на лестничных перилах, и без намёка на мистификацию молвил:

- Давайте выпьем, но в пределах разумного. У вас появятся вопросы, потому предлагаю встретиться в ближайшее время, чтобы обсудить. Вот, держите визитку, жду звонка.

*Рекуперация - от лат. recuperatio получение обратно, возвращение.

2. Петрушевский. Выбор

Петрушевский ворочался в кровати, думал над предложением Чистякова и делах насущных. В Ландышевку возвращаться рано, собаки конечно скучали, но за ними присматривает одинокий сосед по даче. Ещё при жизни Светланы, вдвоём ездили в гости к детям в Москву и оставляли на хозяйстве глубокого пенсионера Виктора Ивановича. Человек надёжный и проверенный. Соседу доверяли дом и животных, которые быстро привыкли к бородатому добряку Иванычу. Всем хорошо - у Петрушевских развязаны руки, а припольщику лишняя денежка в прок. В городе оставались дела в пенсионном фонде - оформить компенсацию, договориться со знакомым директором риэлторского агентства и передать тому ключи от квартиры, съездить на Смоленское кладбище и проплатить

переделку надписи на семейном надгробье. Стоп! А зачем эти хлопоты? Чистяков предлагает невероятное - упредить трагическую гибель жены, изменить историю и вернуть жизнь в прежнее размеренное русло. Это дачный отдых с чаепитием и домашним вишнёвым пирогом, садово-хозяйственные хлопоты и редкие радости пенсионеров, скрашенные спутниковым телевидением, да звонками из Москвы. Тут и думать нечего, решил Петрушевский, звонить немедленно и понять, что же толком предлагает незваный благодетель.

После завтрака съездил на Московский вокзал проводить сына с семейством в столицу. Петрушевский сдерживал себя, чтобы поговорить с Павликом о таинственном незнакомце. Благо сын вопросов о Чистякове не задавал, а невестка и вовсе погружена в московские заботы, что ей свекровь, с которой отношения изначально складывались не очень. "Сапсан" мягко тронулся вдоль перрона, Петрушевский последний раз помахал внучке. Тяжело зашагал на выход к площади Восстания. Рука полезла в карман за визиткой Чистякова.

- Добрый день, Николай Фёдорович, это Петрушевский. Готов переговорить по известной теме. - и с затаённым страхом спросил, - Ничего ведь не изменилось?

- Здравствуйте, Дмитрий Сергеевич. Ничего не изменилось. Когда готовы встретиться?

- Да хоть сейчас. Зачем откладывать важные вопросы на потом?

- Вот это правильно. Вы где находитесь?

- На Московском вокзале.

Чистяков подробно объяснил как доехать до загадочной лаборатории.

- Значит жду через полчаса, на проходной будет выписан пропуск, до встречи.

Машину Петрушевский оставил на даче - постоянное напоминание о произошедшем было в тягость. Старался не думать, что рано или поздно ездить придётся, но это потом. Уверенно нырнул в метро, благо прямая ветка до Политехнической, не предполагала пересадок. Поднимаясь на эскалаторе вновь ощутил дежавю - ведь это когда-то было. На выходе, ощущение ситуации уже случавшейся в прошлом, усилилось. Дорожка перехода, сотня шагов по улице Курчатова до проходной института Иоффе, вестибюль и пост охраны у лестницы. На втором этаже разыскал табличку с надписью "Доктор т. н., заведующий лаборатории Чистяков Н.Ф.". Это здесь, постучал. В просторном кабинете докучавшее чувство испытанного пропало - тут всё незнакомо. "Двойник" вышел из-за стола и крепко пожал руку.

- Присаживайтесь в кресло, Дмитрий Сергеевич. Чай, кофе?

По громкой связи заказал чай с конфетами и крекерами. Внимательно посмотрел на Петрушевского и подвинул к себе стопку исписанных листов.

- Начнём пожалуй. Сначала задам вопрос: вы помните такого Соболева Виктора Сергеевича?

Петрушевский поперхнулся глотком чая, сжался и настороженно уставился на заведующего лаборатории.

- Да, вспоминаю такого. Очень давно, кажется в декабре 68-го я стал свидетелем его гибели под колёсами грузовика. Вам и об этом

известно?

Чистяков заметно обрадовался и воскликнул:

- Отлично, значит помните. Отвечаю: я много лет знаком с Соболевым, ходил у него в подчинённых и он когда-то сидел на этом самом месте. Давайте по порядку. Насколько я знаю, вас с Соболевым связывали некоторые отношения, другими словами несколькими месяцам ранее он привлёк вас к негласной работе и являлся куратором. Эти события до гибели Виктора Сергеевича, вы, уважаемый Дмитрий Сергеевич, должны помнить. А дальше ваша жизнь пошла свои чередом, вас никто не беспокоил и неприятные связи с КГБ прервались. Не так ли?

Петрушевский смутился, об этом периоде он вспоминать не любил и в глубине души радовался, что случайная гибель человека освободила от неприятной обязанности наушника или попросту стукача. Сейчас, спустя полвека, Петрушевский не мог вспомнить, что такого натворил в прошлом и как превратился в объект внимания всемогущих органов. В этих воспоминаниях какой-то налёт гадливости и постоянной тревоги. К счастью для себя тогда история разрешилось дорожным происшествием. Молнией пронзила мысль: а чего Чистяков такой откровенный с незнакомым человеком. Он заёрзал в кресле, беспокойно оглядываясь. Чистяков понял это по своему:

- Подозреваете, что нас слушают или я записываю разговор?

- Да нет, так осматриваюсь...

- Да ладно, Дмитрий, начитались Юлиана Семёнова или насмотрелись сериала "Ментовские войны". Никто нас не слушает, не переживайте, кабинет оснащён блокировкой любых сигналов, уж поверьте, не стал бы так откровенничать. И наш разговор записывать нет смысла, что надо я и так знаю. А что будет - увидим. Кроме

благих намерений, мной движет, прежде всего, научный интерес. Ну и сострадание, я отлично помню Светлану Петровну.

Гость немного успокоился, про себя отметив, что страх быть подслушанным Чистяков уловил верно.

- Итак. Попробую выложить всё одним блоком. Слушайте. Летом 2016 года, в силу особых обстоятельств, после разряда тока вы вернулись в своё прошлое, вновь оказались в родном Ленинграде в апреле 1968 года. Ничего не вспоминаете? Дальше попали в поле зрения подразделения КГБ занимающегося попаданцами. Вас подписал к сотрудничеству старший лейтенант Соболев, но не в общепринятом значении "стучать" на врагов или инакомыслящих, а использовать ваши знания для анализа феномена машины времени, изучения истории страны и консультаций, а так же выявления "туристов" из будущего. Слово "попаданцы" пришло позже.

У Петрушевского разгорелись глаза, он подался вперёд и открыл рот.

- Не терпится спросить, Дмитрий?

- Да, да, спрошу. Я нашёл на даче фантастические дневники о путешествии в прошлое. Предполагаю, что наброски к роману из жизни попаданца, где выступаю от первого имени. Так это правда?

- Ну, батенька, вам это лучше знать, помнится читал автобиографию Петрушевского. О дневниках не ведал до этой минуты. Дадите ознакомиться?

Взволнованный Петрушевский вопрос пропустил.

- И что же дальше?

- На этом отрезке всё, а вот спустя почти полвека развернулась другая не менее драматическая история. После удара током, вы пролежали в коме три месяца и потеряли воспоминания о прошлом - типичный случай ретроградной амнезии. Но тут вас разыскал Соболев и предложил восстановить память с помощью экспериментальной установки переноса во временном пространстве. Таким образом вы оказались здесь, с лёгкой разницей в интерьерах, людях и дизайне машины времени. Вы подписали с тогдашним руководителем новый контракт о сотрудничестве. Многократно бывали в рабочем зале и с помощью моих программ, путешествовали в прошлое, писали отчёты, выполняли просьбы, а лучше сказать установки Виктора Сергеевича. Ваши безмятежные отношения стали быстро портиться из-за страшного характера бывшего куратора. Зимой я приехал в вас на дачу, мы подружились и решили остановить зарвавшегося тирана-учёного. Вдвоём выбрали вариант при котором, Соболев по воле обстоятельств, никак не с нашей помощью, погибает. История без Соболева изменилась, а мы с вами сотворили богоугодное дело - предотвратили теракт в ОЛИБ, так раньше назывался отдел. Но главное, спасли от смерти ни в чём не повинного начальника лаборатории. Как вам такая летопись событий?

Петрушевский взволнованно слушал и чем больше говорил Чистяков тем отчётливей проглядывала растерянность и непонимание. Словно сказка для взрослых, в которой он являлся главным персонажем. Невероятная фабула без начала и конца. Глотнув остывший чай, Чистяков продолжил.

- Чтобы связать концы с концами и отместить уйму вопросов, я предлагаю незамедлительно двинутся на экскурсию к нашей хроно-волшебнице под звучным именем "Клото". Сестричка Клото в древнегреческой мифологии одна из трёх мойр, что пряла нить жизни. Вижу, перегрузил информацией. Понимаю, ждёте конкретных предложений по Светлане Петровне, а я тут с какими-то мойрами.

В кабинете повисла тишина. Издалека прорезались смутные

воспоминания подобного разговора, где-то глубоко в подсознании, игнорируя абсурдность сказанного, зрело решение - к чёрту химеры, верни мне жену маг или волшебник по имени Николай Чистяков. Хватит пудрить мозги, сотвори чудо и я поверю в сестричку Клото. Чистяков тем временем поднялся, открыл дверцу настенного шкафа, извлёк бутылку "Абсолюта" и две стопки. Тут же появилось блюдо с хрустящими солёными огурчиками.

- Когда-то мы вместе встречали Новый год и пили как раз такую славную водочку. Думаю не помешает, если не возражаете? Ведь я тоже волнуюсь, дорогой Дмитрий Сергеевич, а как же - встречаю уникального испытателя побывавшего многократно в прошлом и будущем. Абсурд, но это так. Человечество так мало знает о времени. Ваше здоровье!

Петрушевский чокнулся и опрокинул в себя жгучую жидкость. Он молчал, словно невидимая рука зажала рот, чтобы не ляпнуть глупость или колкость, не задеть человека от которого так много зависело в эту минуту.

- Ну что, соловья баснями не кормят, приглашаю на экскурсию.

"Сам ты соловей" - почему-то зло подумал Петрушевский. Тут же приструнил мысли, тяжело поднялся из уютного кресла, скользнул взглядом по изумрудным кронам деревьев за окном и двинулся за Чистяковым. Путь по коридору не занял много времени. Подошли к тяжёлой железной двери со штурвалом замка, как на подводных лодках. Но крутить и отпирать ничего не пришлось, Чистяков приложил карточку электронного ключа к устройству считывания и набрал код. Дверь приоткрылась освобождая путь учёному и подопечному к преобразователю времени. На постаменте стояла капсула, напомнившая Петрушевскому газовую камеру из фильма "Лики смерти". Одёрнул себя - мало ли что подумалось, важен функционал, а не сослагательность к орудию умерщвления. Хотя определённые параллели чувствуются в переносном смысле.

- Ну вот, знакомьтесь, наш образец. Насколько мне известно, такого прототипа в мире пока не существует. При Соболеве машина выглядела иначе и работала по иным алгоритмам. Наш коллектив создал "Клото" несколько лет назад, испытал и отчитался перед учёным советом Академии наук. Вы войдёте в группу испытателей, но после подписания необходимых документов. Я сделал запрос на разрешение изменения вашего персонального временного пространства, ответ положительный. Пока только покажу и попробую объяснить принцип действия. Ну как, Дмитрий Сергеевич, желаете прикоснуться к будущему человечества?

Петрушевский шагнул к капсуле и протянул руку к покрытому бежевой краской прохладной броне устройства. Коснулся и погладил словно живое существо.

3. Петрушевский. Внимание, пуск!

- Всё буднично, - рассказывал хозяин, гостеприимно распахнув стальную дверь Клото, - заходите в камеру, пространство внутри рассчитано на четырёх человек. Подаём питание, задаём программу. Щёлк и та часть личности, которая осознаётся как "я" и находится в контакте с окружающим миром посредством восприятия, переносится в заданную точку времени. Раздвоения в прямом смысле не происходит. Ваше нынешнее эго, как бы переселяется в прошлое и остаётся в молодом теле, но мозг уже отягощён прошлыми знаниями.

- А нынешний, сегодняшний "я" куда денусь, рухну замертво, что-ли?

- Да ладно, Дмитрий Сергеевич, нести околёсицу. Продолжаете жить с тем мироощущением, которое остаётся в памяти с учётом корректив прошлого. Не поняли? Через несколько часов мы отправим господина Петрушевского в день накануне преступления. Сами вмешиваться в вашу историю мы не имеем права, слишком велики риски необратимых последствий. Что и как делать, дабы избежать гибели супруги, решать вам. В памяти уже будут знания о фатальных

последствиях при попытке угона машины. После предотвращения убийства, в новом сценарии бытия Петрушевского не будет похорон, нашего знакомства и визита в лабораторию. Но эти события наложатся, но из памяти не сотрутся. По логике такого быть не должно - здесь кроется парадокс времени, который мы научились корректировать. Не забивайте голову, впереди много работы.

Какое-то время Чистяков водил его по лаборатории, объясняя базовые принципы работы установки, увлечённо рассказывал о системе управления, питании и массе других частных. Петрушевский пропускал научные тирады мимо ушей, голова занята лишь одним - скорее бы выволить из непонятной временной турбулентии дорогую супругу и вернуться к устоявшемуся образу жизни без наглых угонщиков, мудрых технологий и волшебника учёного.

- Ну ладно, вижу вам не до технических тонкостей. Вернёмся в кабинет и займёмся бумагами. К двум часам подойдёт вторая смена и решим эту проблему.

В знакомом кабинете, на столе перед вымотанным первопроходцем появилась стопка документов: договора, подписка о неразглашении, техника безопасности, страховой полис и другое. Не разбираясь, Петрушевский подмахнул бумаги.

- Дмитрий Сергеевич, вас также осмотрит наш врач. Мы не должны рисковать здоровьем пациента, особенно его психологическим аспектом.

Вновь, как по дороге сюда, включилось размытое воспоминание когда-то испытанного. Вдовец попросил воды и махом выпил два стакана минералки без газа.

- Николай Фёдорович, меня не покидает чувство, что в прошлой жизни со мной подобное происходило. Вы что-то не

договариваете или это игры подсознания?

Чистяков улыбнулся, убрал файл с подписанными документами в сейф и присел напротив.

- Вы правы, не договариваю, но главное, Дмитрий, уже знаете: по воле куратора, полковника КГБ в отставке, господина Соболева, вы уже побывали в прошлом и не один раз. А господа Чистяков и Петрушевский сообща изменили событие декабря 1968 года и повлияли на биографию отрицательного персонажа, а заодно на историю создания отечественной машины времени. Это событие попросту стёрло из памяти прежние мытарства и оставило обновлённые вехи жития после дорожно-транспортного происшествия. Судя по реакциям в подкорке чего-то сохранилось и будь я нейрофизиолог, как-нибудь разъяснил суть явления, а так комментировать дежавю не берусь. Не будем спешить, вернём к жизни незабвенную Светлану Петровну. Затем продолжим разговор - у лаборатории на вас большие планы.

Чистяков взглянул на часы и предложил:

- Послушайте, Дмитрий, ещё два часа ничегонеделания. Хотите отдохнуть и собраться с мыслями? На днях отремонтировали комнату отдыха для гостей, готов отвести.

Петрушевский мысленно отметил, что начальник лаборатории уже в второй раз называет его по имени. А почему нет, судя по рассказу они в прошлом друзья. Вдовец поднял голову, замер словно прислушался к себе, впервые улыбнулся и буднично произнёс:

- Давай на "ты", Николай. Веди в свои хоромы.

- Вот и славно, сам хотел предложить. А хочешь спустись в нашу столовую, пекут собственный хлебушко, обедение. Не до еды?

Ладно потопали.

В уютных покоях, Петрушевский расслабился и прикинул, чем заняться после возврата. Первое: освободить чёрттов гараж, с весны руки не доходили, второе: поставить машину на сигналку, а брелок с ключами занести в дом под охрану четвероногих... А дальше? У Николая какие-то планы с моим участием, посмотрю что предложит. Подвинул к себе стопку журналов, полистал не вникая в содержание. Включил зомбоящик, тут вечная засада - засилье реклама, оружие и мечущиеся, словно в жопу раненные, собственные корреспонденты, шибко умные аналитики, ругающие почём свет всех и вся, тупые сериалы. Петрушевский поймал себя на мысли, что телевизионная чехарда раньше не особо докучала. Да и хрен с ней, надо сосредоточиться на грядущем. В дверь постучали, во как быстро время пролетело, а будет ещё быстрее, скаламбурил мозг. На пороге симпатичная девчушка, на вид слегка старше внучки.

- Добрый день, Дмитрий Сергеевич! Николай Фёдорович вас ждёт в кабинете.

Петрушевский открыл дверь. В помещении помимо Чистякова находилось четверо незнакомцев. Они с интересом рассматривали вошедшего.

- Знакомьтесь, наш врач широкого профиля, Неболей Нестор Николаевич, для краткости "Три Эн".

Петрушевский прыснул и протянул руку эскулапу. В ответ тот так сжал кисть пересмешнику, что Дмитрий сморщился и улыбка исчезла с лица.

- Не обижайтесь, ради бога, уж очень неожиданная связь фамилии и профессии, - Петрушевский замялся.

- Ничего я привык, больной, - зловеще улыбнулся в ответ Три Эн.

Вторым оказался программист Сергей Иванцов, белобрысый парнишка от силы двадцати пяти лет с хвостиком волос, забранным в пучок. Далее представлен техник-испытатель Максим Леонидович Шепитько, угрюмой внешности зрелый мужчина с пронзительным взглядом. Последняя - миловидная девушка Юля Широва, ни много ни мало кандидат физико-математических наук, помогавшая Иванцову составлять точки входа и выхода из пространства.

- А это наш испытатель из прошлого, мой старинный друг Петрушевский Дмитрий Сергеевич. Как я уже объяснял, Димина супруга трагически погибла и потому сегодня, в рамках программы "Защиты от преступлений", мы вернём нашего товарища на шесть дней назад. Пострадавший откорректирует алгоритм действий, предотвратит убийство, чем изменит маленький отрезок своей истории. Всё просто и понятно. Нестор Николаевич займитесь пациентом. - Чистяков усмехнулся и шутливо добавил. - В испытательный зал, шагом марш!

За ширмой Три Эн мерил давление, снимал кардиограмму и подключал Петрушевского к диковинным приборам, кучка учёных возилась у пульта. После резюме доктора Неболей о допуске к испытанию, внимание переключилось к Петрушевскому. Пока Дмитрий одевался, Чистяков отвлекал того разговорами:

- Дима, спокойно вернёшься на свой второй этаж. Ровно как было накануне трагедии.

Испытуемый прошёл к капсуле. Распахнулась "волшебная" дверь и Петрушевский оказался в замкнутом пространстве. Следом пролез Чистяков.

- Не переусердствуй там в новых обстоятельствах, всё

останется как обычно, с той разницей, что ты обладатель нужной информации. Сейчас закроем дверь, общаемся по внутренней связи. Для тебя момент перехода покажется мгновением. За эти дни, я вас с супругой навещу, якобы новый сосед по даче. Познакомимся заново, я расскажу тебе и супруге о предложении новой работы. Такую легенду ты уже использовал с Соболевым. Жена ничего не должна знать - это, Дима, главное! Ежели чего забыл сымпровизирую на месте. Вроде всё.

- Стой, Коля! Так а я-то куда денусь потом?

- Ещё раз объясняю, вникай: ты проживёшь эти шесть дней дома, здесь в камере пройдёт секунда, другая и выйдешь через дверь в которую вошёл. Для супруги ты вроде как поедешь в город на новую работу. Умнее ничего придумать не могу, как взять за основу гэбэшные приёмы Соболева. К этой личности мы ещё вернёмся. Всё!

Учёный вышел, глухо стукнулась массивная дверь. По громкой связи Петрушевский слушал команды Чистякова, тревожно и как-то даже страшно. Затем начался отсчёт, прямо как на космодроме, успел подумать испытатель. Наконец финальная команда "Пуск!". Что-то щёлкнуло, мигнуло и погасло дежурное освещение.

...Дмитрий Сергеевич очутился в любимом кресле из качественного кожзаменителя. Напротив ноутбук на экране которого, картинка макета обложки научно-фантастического романа "Удар током". В потной ладони зажата компьютерная мышка. Бац, словно не было этих напряжённых, трагических дней, необычного знакомства с Чистяковым и машины времени со странным именем "Клото". Выдохнул воздух, прислушался к себе - всё как обычно, лишь странное состояние перехода, словно не полностью проснулся и перебираешь яркие сновидения. Чистяков и его лаборатория осталась где-то там далеко, зато на первый план высветилось страшное воспоминание о трагедии, которая должна разыгаться с рассветом.

Посмотрел на часы, полдень, за окном привычная выкошенная лужайка перед домом, тёмным массивом выделяется злополучный Хёндай "Санта Фе". С кровати воззрился на хозяина Бублик. Петрушевский подскочил с сидения и чуть ли не бегом ринулся вниз.

- Дим, ты чего летишь, как оглашенный? - жена вопросительно уставилась на хозяина.

- Светочка! Ты как? - не нашёлся ничего больше как спросить Петрушевский.

- Нормально, а чего случилось? Вздрюченный какой-то.

- Ничего, вспомнил, что хотел освободить гараж для "Кеши".

- Вот это правильно, давно пора перенести брикеты в сарай, нечего машине на солнце плавиться, сам говорил.

Обалдевший Петрушевский выкатил тележку из сарая и стал перевозить упаковки берёзовых брикетов марки "руф". В голове пульсировало: "Светка жива! Получилось". Через три часа усталый и вспотевший работник, констатировал - гараж свободен. Аккуратно загнал железного коня задом. Заглушил двигатель, включил сигнализацию. Успокоился только после щёлкнувших замков и мигнувших стоп-сигналов - теперь всё, пусть только попробуют, гады! Подбросил и поймал брелок с электронным ключом. Спасибо Коля, не подвёл. Эйфория заполнила каждую клеточку, счастье вокруг, все люди - братья. Внутренний голос с опозданием отреагировал: "все, да не все, забыл, как "братья" уколошили твою жену?"

- Светик! Давай выпьем?

- Ты чего, сбрендил? С какого перепуга пить днём, в жару или праздник какой?

- Праздник, жёнушка, праздник жизни, любовь моя...

Петрушевский осёкся, поймав испуганный взгляд супруги. Смущённо хмыкнул, не рассказывать же несостоявшуюся трагедию и неожиданные последствия. Не поверит, начнёт предлагать успокоительные таблетки и докучать расспросами. Бочком протиснулся к буфету, достал безалкогольное шампанское, купленное на всякий случай и дожидавшееся своего часа. Под пристальным взором жены извлёк вдогонку к бутылке два бокала и поставил праздничные атрибуты на стол.

- Светик, ты не волнуйся, всё в порядке. Просто хорошее настроение, жизнь так прекрасна!

- Что-то здесь не так, Дима. Ладно, сейчас накрою стол, будем обедать.

4. Петрушевский. Посвящение

Через пару дней Петрушевский выгуливал собак, собрался было вернуться в дом, как снаружи раздался голос Чистякова:

- Хозяин! Можно на пару слов.

Перекрывая лай, Дмитрий Сергеевич громко откликнулся и попросил подождать. Затем увёл животных и чуть ли не бегом вернулся к калитке. Крепко пожал руку учёному, хотел было обнять, да воздержался.

- Ну, как? Все живы и здоровы? Настроение бодрое, наша сестрёнка Клото не подвела?

- Здравствуй Коля, здравствуй дорогой волшебник. Уж не знаю, как благодарить. Всё помню и капсулу и сотрудников, старт. Удивительно просто и продуктивно. Вот только ответь, как сам здесь оказался, ведь мы встретимся лишь через три дня?

- Дим, мне второй раз кажется, что ты придуриваешься. Догадайся сам.

- Значит ты в след за мной "улетел" в прошлое? Как я не допёр, старый баран.

Чистяков рассмеялся и укоризненно погрозил пальцем, - зачем обзываешься, я тоже не молод, но бараном себя не называю. Легенду помнишь - я новый сосед, зашёл попросить диск для болгарки. Говорить буду сам, чтобы не путаться, а ты запоминай. Важные разговоры у нас впереди, а пока мы с тобой обыкновенные дачники. Приглашай что ли, пошли знакомиться, да чай гонять.

- Подожди, Коля. Я требую рассказать жене обо всём. Не могу врать, изворачиваться. Она обязательно поймёт, что происходит неладное. Не придётся юлить и сочинять историю нашего знакомства, объяснять поездки в город. Признаюсь - дома я подкаблучник. Если угодно, это моё условие. Вот тогда и поведаешь о своих планах в отношении меня. Мы со Светой вместе с 1972 года, прошли все невзгоды и сохранили отношения. Возможно это уже не любовь, но точно глубокая искренняя привязанность и доверие. Не буду лгать жене, Коля. Решай сейчас или... ну сам понимаешь, расстанемся, несмотря на неоценимую помощь.

- Сбавь обороты, я ещё сказать ничего не успел, - Чистяков перестал улыбаться и задумался. - Дима, ты толкаешь меня на должностное преступление. В нарушение всех инструкций, я должен

посвятить Светлану Петровну в работу нашей лаборатории. Брать подписку о неразглашении, мне неловко, это значит ставить её в зависимость системы, охраняющей этот проект. И не уверен, что моё начальство согласится. Сам понимаешь - программа государственная, под семью замками, а тут человек со стороны, абсолютно не в теме, просто жена испытателя. Помнишь договор, там прописана именно такая специальность - испытатель. И получается, подталкиваешь самому нарушить обязательства? Ладно, в этом особом случае, беру ответственность на себя, но убеждать придётся обоим, реакцию предсказать не берусь, вспомни своё состояние. Теперь пригласишь, спасителя?

Они медленно прошли по дорожке с залысинами от автомобильных шин и успели перекинутся тонкостями предстоящей беседы. На пороге, гостя встретила хозяйка дома.

- Батюшки, Николай! Здравствуйте, сколько вы у нас уже не были в гостях, года полтора не меньше. Как ваши дела. Я что-то не так сказала? - Светлана запнулась видя реакцию обоих мужчин.

Петрушевский и Чистяков испытали шок по разному. Учёный про себя гадал, как может помнить женщина подробности встречи и что послужило толчком к воспоминаниям. Петрушевский - с испугом за жену, её знаниями зазеркалья времени. Ведь новая биография мужа возникла в её жизни, а затем стёрта изменениями, со слов Чистякова, устроенными заговорщиками в самом начале истории попаданца. Тут он сам начинал путаться. Похоже сегодняшние сюрпризы не закончены, время вопросов и ответов впереди.

Замешательство и неловкую паузу нарушил гость:

- Здравствуйте, Светлана Петровна, как здорово, что помните меня. Вот с оказией нагрянул вам в гости. Примите?

Хозяйка пригласила гостя к столу и стала хлопотать на кухне.

Мужчины сидели и многозначительно переглядывались. Первым не выдержал Чистяков, он приподнялся, отодвинул стул и обратился к Петрушевской:

- Позвольте я помогу вам. Право не ловко гостевать не принимая участия.

Светлана Петровна не возражала. Гость принёс тарелки, приборы и вместе с хозяином быстро сервировали стол. Светлана Петровна поставила початую бутылку "Абсолюта", на немой вопрос Чистякова, кивнула и улыбнулась.

- Да, да, Николай, та самая водочка, во и дождалась продолжения. Мы ведь почти не употребляем.

Во время обеда за общими разговорами постепенно подобрались к главному.

- Светлана Петровна, я ведь не случайно приехал в гости. У меня серьёзный разговор к вам и Дмитрию. Для начала ответьте пожалуйста, что вы запомнили из последних событий позапрошлого года?

- В смысле? Если про Диму, то всё помню. Как его ударило током, как лежал в коме три месяца. Затем выписался с диагнозом "диссоциативная амнезия", то есть, как мне объяснили, забываются факты из личной жизни, но сохраняется память на универсальные знания. Потом мы ездили на обследования, память ему восстановил какой-то доктор наук, кажется Соболев его фамилия. Ведь вы у него работаете? Потом вы приезжали чинить электросчётчик, гостили у нас, потом встречали 2017 год. Ну и всё, кажется. Димка после комы изменился, о прошлом не вспоминал, избегал вопросов.

Оба посмотрели на Петрушевского. Тот пожал плечами, мол

где-то так и было. Чистяков тем временем разлил водку по рюмкам и предложил выпить за здоровье хозяина дома. Настороженные супруги вяло поддержали тост. После обязательной церемонии шумного выдоха и немедленной закуски, все, в том числе и обе собаки, вперились в необычного гостя. Тишину нарушала кошка, точившая когти о деревянную полку и приглушённый голос диспетчера со стороны железнодорожной ветки Выборг -

Приморск.

- Поясню своё любопытство. Дело в том, что в настоящее время я заведу лабораторией, где в своё время восстанавливали память Дмитрию Сергеевичу. Появились новые обстоятельства и потребовалась наша встреча. Я сейчас постараюсь доходчиво объяснить, что произошло после несчастного случая в хозблоке. Потом спрашивайте, отвечу со всей откровенностью.

Чистяков начал свой рассказ. Если реакцию Петрушевского можно назвать условно-понимающей, то у его жены, как у любой женщины, стала заметна повышенная эмоциональность - результат склонности к внутренним переживаниям и обострённой чувствительности. Когда Чистяков дошёл до трагического случая трёхдневной давности, она не выдержала, протестующе вскинулась и раздражённо воскликнула:

- Николай Фёдорович, да что вы такое говорите? Мы же взрослые люди, я слышу от вас какой-то бред - смерть, машина времени, ещё скажите воскрешение!

- Не воскрешение, а изменение матрицы времени. Послушайте и постарайтесь понять, да, мы взрослые люди, разменявшие седьмой десяток. Но с какой кстати я буду дурачить вас сказками, всё гораздо глубже и значимей. В мире давно идут работы по созданию машины времени, той самой о которой грезит человечество. Вспомните, электричество, радио, космос - два века назад подобное считались фантазией, химерой. Мне ли убеждать, когда вы не задумываясь пользуетесь мобильной связью, интернетом. А генная инженерия, а

доказанная теорема Пуанкаре, а вода на Марсе и космические вояжи на Луну? Так отчего не существовать экспериментальной установке переноса во временном пространстве? Просто об этом не кричат на каждом углу дотошные журналисты и молчат научные журналы - уж слишком невероятное открытие, способное перевернуть историю человечества.

Чистяков остановился и стало видно, что учёный сам взволнован. Опрокинул в себя без приглашения рюмку и хрупнул домашним малосольным огурчиком. Слушатели заворожённо молчали.

- Но продолжу. Я хочу предложить Дмитрию Сергеевичу пройти второй раз процедуру восстановления памяти в нашем центре. Подобный опыт проводится в рамках программы изучения возможностей будущего серийного образца. Но это в недалёком будущем, а пока абсолютно безопасные эксперименты. Почему именно господин Петрушевский? Как я уже сказал ранее, Дмитрий, первый человек на планете, в рамках эксперимента и, у меня есть основания так предполагать, использовавший возможности установки для изменения истории своей семьи. Фактически спас вам жизнь или отвёл смерть, если угодно. Испытателем может стать любой желающий, но ваш муж особенный, первопроходец, как Юрий Гагарин. И наша лаборатория обязана наблюдать его, а так же задействовать по ряду программ. Если на бытовом уровне, то Дмитрий принадлежит вам, а историческом аспекте - науке.

... Петрушевскому показалось, что прошёл миг. Зажглось освещение, высветив унылые стены камеры и пластиковые сидения. Он вернулся в обычную среду, где течение времени воспринимается привычным поступательным течением, отмечаемым в подсознании минутами, часами, годами. Распахнулась дверь и на пороге капсулы возникла улыбающаяся круглая физиономия Чистякова.

- Здорово, путешественник! С возвращением, вылезай и пошли чайку похлебаем.

В кабинете начальника лаборатории, как обычно, но Петрушевский крутил головой словно попал сюда впервые. В мозгу роились воспоминания последних дней: дача, гибель жены, лаборатория, отмена трагедии, приезд Чистякова, непростой разговор и шумные дебаты под оказавшийся востребованным алкоголь. Всё произошедшее напоминало странный гиперреалистичный сон, увязанный в цепочку как бы логических и правильных событий. Но здравый смысл протестовал и требовал объяснений. Реальность текущего момента, словно вспучивала и множило ирреальность недавнего прошлого. Принесли чай. Чтобы отвлечься Петрушевский нарочито энергично жевал сырные крекеры и хлебал ароматный напиток. Не торопился и Чистяков, давая время испытателю обдумать и упорядочить случившееся.

- Дима, я не стал вдаваться в подробности на даче, хочу сейчас сказать о главном и зачем ты мне понадобился. Это глубоко личное, надеюсь на понимание. История со смертью Соболева, все эти годы не давала мне покоя. Как ни крути, мы с тобой виновны в его гибели. В первый раз ты прервал неотвратимость гибели гэбиста и поступил руководствуясь гуманными принципами, второй - сознательно отказался внести коррективы в судьбу человека, своего хорошего знакомого и фактически снова изменил ход событий. Как заноза сидит во мне и саднит бесконечное воспоминание, что мы с тобой сознательно потворствовали смерти талантливого учёного, пусть даже честолюбивого негодяя.

Петрушевский внимательно слушал, но принять откровения учёного не мог. Ведь он просто не помнил прошлого и воспринимал его только со слов Чистякова. Как и когда это произошло? Начисто стёртые воспоминания, благодаря изменившейся истории, а следовательно и биографии Дмитрия Сергеевича, словно чужие мемуары, оставляли место сопереживанию, но никак не духовным терзаниям, сидевшего напротив пожилого человека, похожего на себя. Тут до испытателя дошло.

- Коля, уж не предлагаешь ли мне повторить подвиг и спасти куратора заново?!

- Вот именно, Дима, и собираюсь это с тобой обсудить. Пей чай, чего замер?

5. Петрушевский. Меню ресторана "Метрополь"

Чистяков оживился, откашлялся и неожиданно предложил:

- Дим, рабочий день закончился, а давай махнём, как в январе семнадцатого, в "Метрополь"? Ты не помнишь, а я расскажу, как созрел план известить Соболева. Мы тогда славно побухали и на следующий день изменили историю. Что скажешь, спасатель-испытатель?

Возражений не последовало, всё ещё переполненный воспоминаниями, Петрушевский легко согласился - требовалось расслабиться и выговорится. Чтобы не мудрствовать, ловить такси, да торчать в бесконечных пробках в центр города, заговорщики спустились в метро и с пересадкой вышли через полчаса на станции Гостинный Двор. Достаточно перейти по подземному переходу под Садовой, как оказались перед входом в старинное питейное заведение. Как и в прошлый раз, арендовали малый банкетный зал на втором этаже. О деньгах Чистяков попросил не беспокоиться и считать сегодняшний ужин, компенсацией за стресс от непростого эксперимента.

Пока гости разминались холодной водочкой "Царское село" и щучьей икрой с тостами солодового хлеба, на столе возник красочный натюрморт. Оба заказали "похмельные щи" в горшочке с шапочкой из хрустящего слоёного теста. В компанию к щам пошли котлеты "Фаберже" с грибным перлотто и соусом "Тартюфа", а так же

нежная облепиховая панакота с миндальным грильяжем и малиной, вдгонку к кофе американо следовал десерт "Щелкунчик" с ярким ореховым кремом на хрустящих миндальных коржах. Вкусно, уютно и изыскано. Глядя на это изобилие, Дмитрий Сергеевич по старой халдейской привычке прикинул стоимость заказа и аренду зала. Вышел итог совокупный вместе взятым пенсиям супругов Петрушевских. "Однако, господин Чистяков, наверное оно того и стоит".

- Вот также сидели полтора года назад, только зал другой и меню не столь изысканное. Виктор Сергеевич загнал нас в угол. Предстояло решить как существовать дальше в рамках диктата Соболева. Вот ты и предложил отправить себя в 19 декабря 1968 года с целью не вмешиваться в ДТП, а предоставить судьбе вершить приговор над злым демоном и убийцей. Вот благодаря тому несчастному случаю, я спустя много лет занял место Соболева, а когда лаборатория достигла ощутимых результатов. С тех пор задумывался о смысле содеянного. Дима, ведь наше зло во благо, до сих пор имеет последствия. Не дано знать, останься Соболев жив, как бы сложилась твоя и моя биография. И всё же я хочу попросить тебя смотаться в прошлое и выдернуть его из-под сумасшедшего грузовика. Мы не в праве убивать человека, пользуясь своими возможностями, если имеется гуманная альтернатива!

Петрушевский косо смотрел на увлечённо вещающего учёного, блин, ещё один придурок на мою голову. А с другой стороны, ронял бы сейчас скупые слёзы - вдовец без будущего. Но в этих схемах, чёрт голову сломит, ведь если я...

- Постой, Коля, давай рассуждать. Мне сложно ориентироваться, ведь помню только тот случай, потом на заводе сделалось плохо, а дальше по накатанной - биографию подробно изложил в романе. Но дело не в этом. Вот ответь, если следовать теперь уже твоей инициативе, то как же смерть начлаба, а ещё ты рассказывал на даче про взрыв, организованный Соболевым?

- Ты сильно удивишься, Дима, но адскую машину по заданию

своего куратора где-то достал ты, а в лабораторию привёз я. Понимаешь теперь, что виноват не один Соболев, а все трое. Тут такой узел, как ни крути, а причинно-следственные связи замыкаются на тебе, мне и старшем лейтенанте КГБ Соболеве. Но я хочу откорректировать историю, помешать Соболеву взорвать лабораторию. И вот как я это сделаю, слушай внимательно.

Но в этот момент дверь в небольшое помещение банкетного зала распахнулась и на пороге качнулась фигура растрёпанного человека, на вид не больше сорока и откровенно поддатого, тут сомневаться не пришлось.

- Мужики, вы кто? А где Люська?

- Гражданин, вы чего-то перепутали, наверно ваши гости в другом зале, - резонно возразил Петрушевский.

Учёный и испытатель с любопытством рассматривали бухарика, но здесь он был лишним. Дмитрий Сергеевич приподнялся.

- Погодь, мужик, а где Люська, она сюда завернула, я видел, - с обидой и пьяным упрямством громко выдохнул неожиданный гость.

Петрушевский подошёл и мягко взял люськиного хахаля под локоток. Но где-то в глубине отравленного алкоголем сознания родился и быстро вырос упрямый чёртик, мужчина выдернул руку и рявкнул:

- Где эта сука прячется, покаж и я уйду. И лапы убери, а то...

Тут заволновался Чистяков и двинулся к неуправляемому дебоширу. Но Дмитрий Сергеевич не стал дожидаться подмоги и вытолкал досадную помеху за дверь. Когда-то в молодости

Петрушевский занимался в секции бокса, дотянул до кандидата в мастера, но из-за травмы глаза спорт пришлось оставить. Накопленного за четыре года опыта хватало для редких потасовок, где он как правило одерживал вверх. Но с возрастом эксцессы случались всё реже и сошли на нет. Размеренная жизнь пенсионера не предполагала столкновений, а если они и возникали, то побеждали не кулаки, а здравый смысл и умение ладить с людьми. Так случилось бы и сегодня, но упрямый посетитель резко распахнул дверь и толкнул Петрушевского. Это был прямой вызов, для своих шестидесяти восьми лет, Дмитрий Сергеевич выглядел лет на десять моложе, чему был несказанно рад, хотя специально не поддерживал форму, а просто работал на земле и по дому умелым дачником. Рука отработала автоматически, вес под девяносто придавал удару весомую мощь. Обидчик мгновенно оказался на полу и удивлённо хлопал глазами. Петрушевский помог тому подняться, миролюбиво похлопал по лечу и выдворил за дверь.

- Лихо ты его, - восхищённо заметил Чистяков.

- Опыт не пропьёшь, - самодовольно усмехнулся испытатель, - наливай!

Выпили, закусили и собрались было продолжить разговор, как дверь распахнулась вновь, на этот раз вместе возмутителем спокойствия, потерявшим свою пассивность, ворвались его собутыльники и началась глупая и бессмысленная драка. Тут подоспели дамы и растащили клубок тел. Довольный организатор, на прощанье успел рассказать помятым Чистякову и Петрушевскому, много нового о их ближайших родственниках. Упоминание жены всеу, придавало новый импульс бывшему боксёру. Мазурик вновь оказался на полу и утихшая было потасовка разгорелась с новой силой. Но пенсионеры быстро выдохлись - победила молодость и тут появился полицейский наряд. Чистяков рассчитался за стол, вместе с испытателем и другими участниками покинул помещение. Отдел полиции располагался под боком в переулке Крылова, граничившем с бывшим доходным домом А. А. Коровина и К. Гаврилова, где в начале века и обосновался ресторан Первого Петербургского товарищества официантов

"Метрополь".

После выяснения обстоятельств, при отсутствии претензий обеих сторон, поникшие драчуны были отпущены. Петрушевскому показалось, что начлаб сунул старшему наряда что-то в ладонь.

- Ну что будем теперь делать? - Чистяков взглянул на припухший глаз приятеля, потрогал распухшую губу и рассеялся. - Красавец, Дима, но махаешься ты славно, с тобой весело и не страшно.

- Во первых мы не договорили. Во-вторых пришла в голову смешная мысль - не убрать ли из истории этот инцидент с помощью Клото?

- Можно конечно, но все запуски фиксируются. Они строго регламентированы, прописана мотивировка в задании программы. Я так и запишу: "стереть драку в ресторане"Метрополь", инициированную испытателем Петрушевским"? Смею предположить, что членам учёного совета и кураторам из ФСБ подобные вольности не понравятся.

Настроение испорчено, но продолжения банкета возможно на другой территории. После памятного визита Чистякова, Светлана Петровна дала добро на обследование и эксперименты. Договорились, что нечастые поездки в город на день, другой, предполагают ночёвки в гостинице или на худой конец в квартире на Васильевском.

- Предлагаю поехать ко мне, предварительно затарившись в универсаме и продолжить разговор. Имеется уйма вопросов. Есть возражения?

- Если только позвонить домой и предупредить жену, что вернусь поздно, время вон уже восьмой час. Подожди.

Чистяков достал мобильный и набрал домашний номер. Пока разговаривал, они неторопливо дошли до метро. Путь занял десять минут. Выйдя из вестибюля станции "Приморская", заглянули в маленький магазинчик, коих рассыпано вокруг немерено, прикупили кофе, продуктов, заодно, по обоюдному согласию, бутылку водки и заправку. Как резонно заметил Петрушевский: "Начали с беленькой, ей и закончим".

В квартире расстелили стол, вывалили закуску. Петрушевский включил холодильник, сунул туда продуктовый набор на завтрак. Вытащил из шкафа подушки и одеяла, постельного белья не оказалось - придётся спать по-походному. Сделал звонок жене, объяснив, что переночует в городской квартире и подсел к столу.

- Так чего ты там собирался изменить, Коля?

Чистяков задумался и ответил:

- Всё-таки мне придётся тебе подробно объяснить, что тогда произошло. Мы это уже обсуждали в той жизни, которую мы с тобой изменили, но эта информация стёрлась у тебя. Так вот, тщеславный Соболев, обиженный невниманием заведующего Германа Ивановича, задумал сместить того. И не придумал ничего лучшего, как организовать взрыв лаборатории, якобы из-за утечки газа. Для этой цели он дал тебе задание раздобыть взрывчатку и часовой механизм. Я так думаю, что информацию взял через своё ведомство в отделе по борьбе с терроризмом. Как он тебя убедил для меня загадка. Чтобы замести следы, ты должен был оставить адскую машину в камере хранения Финляндского вокзала, а забрать и привезти в лабораторию - я. Соболев объяснил, что это управляющий блок от поставщика. Курьер якобы опаздывал и оставил коробку в камере хранения. Была такая практика в экстренных случаях. Ну и привёз я бомбу в лабораторию, а негодяй запустил механизм и подложил в испытательный блок. Но было и второе взрывное устройство, которое оказалось в квартире Дооса. Хитрый план заключался в отстранении

завлаба от должности, как организатора взрыва, выделении средств на восстановление ОЛИБ и теперь уже под руководством Соболева возглавить новый этап работы, чтобы все лавры снискать себе. Представляешь какое злодейство и это сотрудник КГБ, курирующий и участвующей в работе лаборатории? Блин, он же присягу давал и учёный незаурядный, и вот такой фортель. Не понимаю.

Чистяков передохнул, махнул стопку и закусил. Петрушевский последовал его примеру, закусил и спросил:

- Коля, но ведь мы стёрли ту историю, как ты это узнал?

Чистяков усмехнулся, бросил загадочный взгляд и негромко поинтересовался:

- А сам как считаешь? Попробуй догадаться.

- Значит ты "съездил" в прошлое до ДТП и смерти Соболева. Но как знания из двух жизней наложились в одной голове? Опять чертовщина?

- Сказать по правде, не знаю. Коллектив создал рабочую машину времени, мы разработали программы, научились закладывать точки прибытия, изобрели чёткий алгоритм создания "четвёртого измерения", успешно ковыряемся в матрице времени и знаем как управлять энергией поля, а вот понять и разобраться в гениальном изобретении сущности человеческого бытия - мозгах, не можем. Мозг, это вторая вселенная, не менее загадочная и закрытая для учёных. Не устаю удивляться метаморфозам времени, оно работает по своим законам, а память по своим. Существуют закономерности после возвращения испытателя в прошлое, одна из них - наложение памяти. Кстати с тобой так и поступили после комы. Ты вспомнил все события своей биографии, затем многократно возвращался в прошлое, уже обременённый новой и старой информацией. Я считал, это только твоя неповторимая особенность, оказалось, что и я, далеко

не уникам, могу увязывать параллельные истории в логические цепочки. Пока нет ответа.

6. Петрушевский. Фантомная боль прошлого

- И это значит, что?

- Это значит, что завтра, ты вернёшься в тот злополучный день и будешь знать свою прошлую жизнь вплоть до нашей встречи. А затем я предложу тебе, Дима, из нашего времени провести коррекцию в прошлом.

Чистяков взглянул на часы и начал собираться домой.

- Завтра ещё более ответственный день, подтягивайся в полдень. Позвонишь из проходной, напости чтобы организовал тебе пропуск. По ходу обсудим подробности и возможно внесём изменения в план. А пока будь здоров, мне по Северо-западному скоростному диаметру с Васьки до Лахты десять минут езды, - Николай Фёдорович неожиданно рассмеялся. - Будем считать сегодняшние приключения лёгкой разминкой перед решением главной задачи.

Хозяин закрыл дверь за гостем и задумался. Прошёл на лоджию, посмотрел на дорогу. Чистяков вышел через пару минут и стал голосовать. Его тут же подобрал частник и машина унесла учёного в сторону развязки.

.... Мгновенье и Петрушевский маячил у главного фасада Финляндского вокзала под огромными зеркальными окнами, над которыми парила башня с часами и шпилем. Одноимённый памятник на площади Ленина указывал на здание Большого дома через Неву.

Дмитрий Сергеевич знал, что сегодня оба направляются туда. А вот и Соболев, элегантный, подтянутый, энергичный. Поздоровались и неспешно тронулись к переходу на улице Комсомола.

- Чего это так смотрите на меня, Дмитрий?

- Да так просто, Виктор Сергеевич, не обращайтесь внимание. А вот хотел рассказать: во времена поздней перестройки, в прессе муссировались слухи, что между Крестами и внутренней тюрьмой Большого дома - "Шпалеркой", проложен туннель под Невой. Кстати, административное здание, предназначенное для ОГПУ-НКВД, построено по инициативе Кирова, а одним из авторов проекта являлся товарищ с говорящей фамилией Троцкий. В будущем я часто засиживался в Интернете и изучал историю родного города там и встретил эти домыслы.

- Надо же, а я и не знал. И зачем такие сложности с туннелем?

- Так ведь слухи, не более. Скорей всего, чтобы тайно конвоировать осуждённых на допросы, мало ли у Конторы особых задач.

За разговорами подошли к трагическому переходу через улицу и двинулись на противоположную сторону. Петрушевский напрягся, его стало потряхивать. В голове пронеслось: спасти куратора сейчас, а затем пустить на самотёк или обречь человека насмерть? Заново вырвать из фатума, чтобы в недалёком будущем пресечь зло - за пределами сознания, сюжет на грани абсурда.

Соболев, ни о чём не догадываясь смотрел под ноги, аккуратно ступая по грязным разводам на асфальте.

А вот и роковой, неизвестно откуда взявшийся, грузовик. В последний момент включилась реакция боксёра, Петрушевский

схватил куратора и вместе с ним отскочил назад от механической громадины. Машина не сбавляя скорости вильнула в сторону и влетела в стену, прихватив по разрушительной траектории пару пешеходов. Заголосили бабы, народ не сразу пришёл в себя после столь непонятного чудовищного происшествия. Соболев вскочил на ноги, подхватил с асфальта портфель и потянул за собой информатора.

- Дима, уходим! Уходим срочно! Нечего тут смотреть, потом узнаем подробности.

Оба рванули с места ДТП пересекли улицу и бегом к набережной. Остановились у Литейного моста, отдышались и уже шагом двинулись через мост.

- Б...дь, вы что-нибудь поняли, Виктор Сергеевич?

- Не очень, шальной водитель, возможно потерял управление или тормоза отказали, так случается. Придём на место, свяжусь дежурным по городу и узнаю по сводкам, что за псих за рулём. Уж не по наши души надеюсь. Дим, а ведь ты мне жизнь спас!

Петрушевский замер и удивлённо взглянул на куратора:

- Получается так, но ведь и свою жизнь тоже. Сам-то как, Сергеич? - не сговариваясь оба перешли на ты. - Я не сильно помял, извини, так вышло. Ты кстати перепачкан в грязи, всё-таки я нанёс ущерб внешнему облику.

Взволнованный Соболев стал отряхиваться.

- Он ещё извиняется, доложу сегодня шефу, состоял бы ты в штате, выписали премию. Но с меня и так проставка, не забуду!

Спасибо!

"Клото" равнодушно выпустила из своего чрева испытателя. Петрушевский зачем-то отряхнулся, словно пытался сбросить пыль скопившуюся за десятилетия, бодро отрапортовал Чистякову и присутствующим научно-техническим сотрудникам лаборатории:

- Полёт без происшествий, задание выполнено. Докладываю подробности...

- Сейчас не надо, - перебил его Чистяков. - Изложишь позже. Готовимся к следующему этапу, а пока давай в кабинет.

После шума вентиляции и силовых установок, жужжания приборов и команд операторов, тишина кабинета успокаивала и подталкивала к серьёзному обстоятельному диалогу. Чистяков заказал чай, но не выдержал и достал из холодильника бутылку минеральной воды без газа, налил в высокий бокал. Вопросительно кивнул Петрушевскому, мол будешь? Дмитрий Сергеевич старался держаться бодрячком.

- А там, на переходе отходняк отсутствовал, адреналин - да. Вроде пил вчера не так уж много, но и этого хватило. У тебя та же фигня?

- Есть немного, расслабились два старпёра. Ладно, что с воспоминаниями из параллельной реальности?

- Вообще-то сумбур, но стоит сосредоточиться, как вспоминаю каждую деталь. Включились резервы долговременной памяти, о чём ты предупреждал. Соболев жив, а значит история уже другая. Образно выражаясь, сценарий номер два - Соболев и я. Твоё место

по-прежнему в ОЛИБ, я так понимаю и всё движется к роковому дню. Ты должен точно помнить дату, я чего-то тут буксую, а должен помнить. Ага, июль 1972, так?

- 22 июня, памятная дата не только для страны, но и для советской науки. Твоя задача пресечь на корню взрыв после следующего броска. Давай обсудим подробности, попробуем исключить логические дыры и чётко выстроить дальнейшую цепь правильных поступков. Тебе фамилия Серебряков ничего не говорит?

- Да, помню такого - важная шишка в КГБ, начальник Соболева. Я его несколько раз видел, вроде даже отвечал на вопросы.

Петрушевский вспомнил, как Соболев привёз его на Литейный. И долгое собеседование при первой встрече. Как в допросную заходил пожилой мужчина с пронзительным взглядом, военной выправкой и умением слушать, этакий киношный эталон большого начальника во властной структуре.

- Да, Николай Трофимович Серебряков, тогдашний начальник особого отдела, курирующий работы ОЛИБ и, насколько я тогда понимал, занимавшийся вопросами попаданцев. Он у нас частенько появлялся, хороший дядька, умный и справедливый, фронтовик. Он и представил коллективу нового сотрудника Соболева, тогда ещё молодого кандидата физико-математических наук, без погон и званий. Я-то только институт закончил и числился лаборантом. При поступлении в лабораторию именно Серебряков беседовал со мной и брал подписку о неразглашении. Но Витя Соболев быстро пошёл в гору, закончил спецшколу КГБ, получил старлея и начал вести "двойную жизнь" - там у себя в Большом доме и научную деятельность в ОЛИБ.

Чистяков подошёл к пластиковой доске на стене и достал фломастеры. Набрosal четыре окружности с подписал каждую.

- Смотри, это ты, проводим линию к следующему объекту. Это наш Соболев, это я, а это Серебряков...

Чистяков словно военачальник чётко обозначил задачи каждого. После совещания оба двинулись к стенду - Клото ждала своих подопечных. Испытатели, а сегодня их было двое кряхтя забрались в тесную капсулу. Чистяков подмигнул и спросил:

- Хочешь анекдот пока идёт подготовка стенда.

Взволнованный Петрушевский удивлённо пожал плечами.

- Если начальник считает, что сейчас самое время, то валяй, рассмеши старика.

- Изобрели машину времени. Надо испытывать... решили смотаться и спасти Пушкина от смерти, чтобы стихов побольше написал. Приезжают за день до дуэли, подходят к нему "так мол и так, Александр Сергеевич, у вас завтра дуэль, но негодяй Дантес обманет и пристрелит. Вы с ним лучше не на пистолетах стреляйтесь, а на кулаках деритесь". Пушкин поверил и согласился. Настал день дуэли, Пушкин и говорит: "Дантес, что мы как дети на пистолетах, давай по взрослому на кулаках биться". Когда Пушкина хоронили, гроб не открывали.

Петрушевский заржал. Раздался щелчок...

Оба застыли неподалёку от проходной в институт на улице Курчатова. Всё ещё смеющийся Петрушевский взглянул на Чистякова и тут вовсе согнулся пополам. Смех сотрясал молодого Дмитрия и был следствием нервного напряжения.

- Что проняло? Я анекдотов много знаю.

- Да нет, не анекдот, а твой внешний вид, после респектабельного учёного, убелённого сединами, в шикарном костюме от Армани и профессорской лысиной, вижу худосочного юношу в затёртых джинсах и штопаной на локтях рубашке.

- На себя посмотри, скиталец во времени. Правда шмотки у тебя знатные, на Гостинке прибрахлился?

На странную парочку стали обращать внимание прохожие. Кто-то поздоровался, Чистяков ответил.

- Ладно, разбегаемся, чего стоять-то. Поболтайся пока, через часик подходи сюда и жди, вынесу номер, дальше по плану.

Будущий начальник лаборатории, а пока ещё младший научный сотрудник Николай Чистяков скрылся в проходной. Петрушевский развернулся и неспешно двинулся к пустырю, где через три года будет стоять павильон станции метро Политехническая. Бесцельно болтаясь по Тихорецкому проспекту обдумывал будущий разговор и варианты ситуаций. Реакцию опытного разведчика и мастера оперативных комбинаций представить трудно, может временно упечь в каталажку, провести анализ и допросить подчинённого. А может и поверить, благодаря особому статусу Петрушевского. А может послать куда подальше и заставить молчать, под угрозой тюремного срока или психушки. Им, сталинским чекистам, прошедшим закалку в НКВД, а во время войны в СМЕРШ, человеческая жизнь пустяк, лишь подспорье в чекистских играх и заговорах. Остановился у витрины гастронома и наконец разглядел себя со стороны. "А и ничего так, молодой, да умудрённый". Пора возвращаться.

У проходной нервно переминался Чистяков.

- Сказал же: через час! На держи телефон полковника. И постарайся встретиться сегодня, помни дату - конец рабочего дня 21 июня, а не июля. Июня! После встречи позвони мне на мобиль..., тьфу хотел сказать на домашний, номер на шпаргалке. Успеха, Дима.

Петрушевский поспешил к телефону-автомату, запримеченному во время вынужденной прогулки. Достал кошелёк, порылся в увесистом нутре из кождаменителя, ага - разминивать железную мелочь не надо, двухкопеечных монет в достатке. Расправил шпаргалку и набрал номер. На другом конце взяли трубку, давно забытой мелодией провалилась двушка в монетоприёмник.

- Полковник Серебряков, слушаю.

- Здравствуйте, Николай Трофимович. Мой оперативный псевдоним "Попаданец". Прошу о срочной встрече по очень важному делу. Поверьте, информация "горячая" речь о моём кураторе и ОЛИБ. Извините, что открытым текстом, иначе боюсь, что не смогу вас убедить.

Трубка помолчала, гебист переваривал услышанное. Наконец ответил ничуть не показывая своего удивления, вот ведь старая школа:

- Фамилия куратора?

- Старший лейтенант Соболев!

- Вы где территориально?

- Рядом с лабораторией, так вышло.

- Хорошо, запоминайте адрес, через час жду. Дайте три звонка, я пойму что это вы.

7. Петрушевский. Сила слова

Конспиративная квартира располагалась на первом этаже в трёх шагах от Большого дома на улице Войнова. Петрушевский сразу среагировал на старое название - в будущей России имя пламенного революционера-агитатора заменили на историческое - Шпалерная. Вход со двора по пологой железной лестнице к квартире к длинному приступку типа балкона. На три звонка дверь открыл Серебряков. Пригласил в комнату и предложил чаю. "Уже хороший знак", - подумал Петрушевский. Несколько мгновений мужчины изучали друг-друга.

- Видел вас четыре года назад, Дмитрий, повзрослели, - усмехнулся полковник, - если мерить мерками нашего времени. Рассказывайте.

- Сперва тезисно: ваш подчинённый, старший лейтенант Соболев Виктор Сергеевич, предатель и террорист. Он готовит взрыв лаборатории. Мотивы: амбиции, честолюбие, желание занять место заведующего ОЛИБ, а главное получить средства для восстановления объекта и разрабатывать прототип в своих интересах. Факты: Соболев задействует меня и Чистякова для доставки взрывчатки с часовым механизмом, также планирует вторую адскую машинку подбросить в квартиру Дооса в качестве компромата после теракта.

У Серебрякова брови полезли вверх, похоже, он ждал чего угодно, только не такого. Но сдержался, выдержки старому чекисту не занимать.

- Теперь всё по порядку. Но сперва откуда у вас информация о

лаборатории и сотрудниках. Насколько я знаю, Соболев в дела секретного объекта вас не вводил, или я ошибаюсь?

- Давайте по порядку. В будущей жизни, полковник запаса КГБ Соболев, на частные средства спонсоров из олигархов в правительстве Ельцина, выкупил помещение и отстроил лабораторию по последнему слову техники. К началу нового века был создан прототип и начались испытания с участием переноса человека в прошлое. В работе лаборатории принимал участие Чистяков Николай Фёдорович. Из-за аварии в хозблоке у себя на участке, я впал в кому, а личина перенеслась в 1968 год. Спустя какое-то время попал в ваше поле зрения, не подозревая о том, что из-за сбоя системы по индивидуальной программе Соболева вернулся в прошлое. После выхода из комы, а это поздняя осень 2016 года, Соболев разыскал меня и предложил восстановить память. Обследовал в своём центре изучения проблем природы времени. Потом привлёк работе и стал влиять на меня в прошлом, я не сразу раскусил его планы. На днях должен я должен разыскать рецидивиста, у которого куплю два комплекта взрывчатки. Один экземпляр обязан доставить в камеру хранения на Финляндском вокзале, другой по адресу данному мне Соболевым, должен подложить в квартиру завлаба этот рецидивист по кличке Балабан. Кстати, вы должны были получить анонимку на Дооса. Соболев заложит взрывчатку в конце смены вечером 21 июня. Часовой механизм сработает ночью, точное время не знаю. Где-то так.

Николай Трофимович постукивал кончиками пальцев по стакану с чаем. Во время монолога Петрушевского сканировал его взглядом, словно прогоняя на детекторе лжи.

- Если принять на веру то, что вы мне рассказали, то возникает вопрос: это добровольная явка с повинной, ведь получается вы с Чистяковым пособники Соболева?

- Чистяков вообще не при делах, его Соболев использовал втёмную, а что касается меня, то тут вопрос сложнее. Как объяснить следствию, что я попаданец из будущего? Сказать по правде, Соболев

мной манипулировал и влиял на подсознание, что меня, с точки зрения здравого смысла, никак не оправдывает. И всё же, как примерять закон к человеку из будущего? Меня можно нейтрализовать, устранить наконец. Но Соболев останется и найдёт других пособников или изменит план, например, тихо устранит Дооса и займёт его место? Червоточина в его честолюбивом мозгу рано или поздно займёт всё пространство и он, обладая машиной времени, может натворить много бед. Сейчас я разговариваю с вами, уважаемый Николай Трофимович не как двадцатидвухлетний пацан, а как зрелый аналитик из 21-го века.

- Но зачем громоздить такую конструкцию? Отказались бы и всё. Мы возьмём под наблюдение вашего куратора. Зачем взрывчатка? Уголовника достаточно просто проверить по нашему ведомству, никаких закладок в квартиру. Где логика, Дмитрий?

- А затем, что это не мои фантазии, а чёткий план врага, придуманный на холодную голову профессионалом, которого вы сами готовили и... проглядели. Если бы не наша встреча сейчас, произойдёт взрыв, начнётся проверка, у Соболева алиби, у Чистякова тоже, я вообще человек со стороны. Доос скончается во внутренней тюрьме в ста метрах отсюда от сердечного приступа. Дело о взрыве уйдёт в архив, Соболев вернётся в ОЛИБ или продолжит службу. Понимаете меня? Вы примеряете ситуацию к только что полученным знаниям. Во всей комбинации слабое звено только я. На мне доставка адской машины в камеру хранения и уголовник Балабан, подкинувший невинному человеку страшный компромат. А так задержание с личным, да какое резонансное. Контора выжмет из бывшего сотрудника все подробности, но он ни слова не расскажет о будущей машине времени, спроектированной в его центре. Не скажет потому, что этого не знает, ведь условия поменяются и лабораторией в будущем станет управлять другой человек.

Впрочем, Петрушевский закусил губу, а если этот гад прилетал из будущего? Ведь я его спас, вернул жизнь! Б...дь, какой же я мудака! И Коля хорош, вместе считали, считали, да всего не учли. Не надо было вытаскивать из под колёс куратора, ведь мудро поступили

тогда. Это Чистяков всё твердил: "По закону! По закону!", вот и вылез косяк по закону временной зависимости и фатальной заданности бытия. Не надо было звонить Серебрякову, не надо! Обрѣк на свою голову несчастье. Серебряков всё равно упечѣт меня в за решѣтку, скорей всего в дурку, ему такой попаданец не нужен. Тогда не будет будущего, загнусь вскорости и Чистяков или Соболев будут ставить свои опыты без меня. Нет, должен быть выход, должен.

Искоса посматривал на Серебрякова, тот в свою очередь на свалившегося с убойной информацией человека из будущего. Петрушевский размышлял о позиции полковника в этой головоломке. Обманывать время учёные пока не научились, а ведь это страшнее атомной бомбы - чуть что не так и повернул историю в нужную сторону. Задумывается ли Серебряков о страшных последствиях, окажись машина времени в руках недобросовестных учёных. А тут, пожалуйста, привет из будущего. Старый прожжённый опер, не разглядел, не прочувствовал в Соболеве грязные помыслы и отвратительный потенциал. Должно быть гоняет по кругу этот расклад, словно в центрифуге отжимая лишнее и вычленяя главное. "А ведь я не сказал о ключевом месте Чистякова в этой истории, ладно, полкан молчит, значит проняло". Петрушевский не выдержал первым.

- Николай Трофимович, простите за навязчивость, но хотелось бы услышать ваше мнение.

- Мнение такое - пока это слова, их требуется закрепить на бумаге. Берите ручку и подробнейшим образом изложите всё что рассказали. Отдельно меня интересует личность Балабана, пока эта история выглядит наиболее достоверно. В конце изложите свои соображения по ситуации. Я на время оставлю вас и подожду в соседней комнате, заодно отзвонюсь куда надо. Хотите ещё чаю?

Дмитрий Сергеевич отрицательно покачал головой, про себя гадая, а вдруг Серебряков вызовет наряд и задержит? Подвинул к себе стопку бумаги и принялся заполнять кондовым канцеляритом: "Источник сообщает. В силу сложившихся обстоятельств, сообщаю,

что старший лейтенант КГБ Соболев Виктор Сергеевич, приписанный к ОЛИБ намеревается 21 июня ...".

Полковник не задержал. Расстались при устной договорённости связаться в ближайшее время. Звонить Чистякову из дома не решился, могли уже поставить на прослушку, как впрочем и Николая Фёдоровича. Воспользовался уличным таксофоном. На другом конце провода раздался знакомый голос. Петрушевский потребовал немедленной встречи. Пересеклись уже при свете белых ночей, часы показывали десять вечера.

- Всё пропало, я боюсь за себя. Мы не учли изворотливый ум гэбэшника, Соболев мог деформировать сознание из будущего. Оставить трезвый расчёт во исполнение плана смещения завлаба, при этом блокировать такие качества, как верность присяге, справедливость, добродетель, жалость, сострадание и прочие штучки из обоймы общечеловеческих ценностей. Если Серебряков возьмёт его на месте преступления и начнёт крутить, то я пойду как соучастник, поскольку уже рассказал об этом на сегодняшней встрече с полковником. Меня упакуют в психушку и в будущем, Коля, рулить станешь в одиночку. Мы не знаем, нырял ли в прошлое наш Виктор Сергеевич. А если да, то мог подстраховаться, что-то изменить. Не надо было спасать этого сумасшедшего! Послушался тебя, а теперь что?

- Паникёр! Ты забыл, что пока 72-й год, а не время действия прототипа. У тебя логика заточена на реальность, а у меня на абстракции временных парадоксов. Через сорок шесть лет мы с тобой вылезем из душных объятий Клото, для нас это крохотный отрезок времени. Как в той песне у Дербенёва: "есть только миг между прошлым и будущим..." и в праве отредактировать свои сегодняшние поступки. Например отменить встречу с Серебряковым и разрубить гордиев узел своими силами. Раз мы с тобой разговариваем, значит течение истории не претерпело изменений и твои домыслы бессодержательны, стратег хренов. Всё движется в заданном направлении. Ты не врубаешься, уважаемый испытатель Петрушевский, что мы с тобой в далёком будущем ничего не

изменили, а значит всё делаем правильно. Спи спокойно, мы с тобой возможно единственные на земле, знающие события на десятилетия вперёд.

Петрушевский выдохнул, его отпустило. Слова напарника звучали убедительно и логично. Но как же с показаниями Соболева в отношении его, соучастие и злой умысел налицо. Повторил сомнения вслух.

- Нет Дима, для Серебрякова ты слишком ценный кадр, чтобы пускать тебя под молоток. Что-то полковник придумает, чего мы пока не знаем, но скоро выясним. Он тебя наверняка дёрнет на "собеседование", может приоткроет свои планы. Главное - молчок, что я из будущего и знаю весь расклад, пока это наш козырь. Иначе схема поменяется и весьма вероятно не в нашу пользу.

Они не спеша двинулись по Гренадёрскому мосту в сторону Ботанического сада. Чудная белая ночь завораживала. "Прямо как в день убийства жены", - подумал Дмитрий Сергеевич. И тут же оборвал себя: "этого не было, не было никогда", зачем терзать себя жуткими воспоминаниями. Вдоль набережной гуляла молодёжь, скоро праздник выпускников "Алые паруса". Мрачные мысли отлетели прочь. Как прекрасна молодость, не отягощённая тяжёлым грузом знаний будущего. Заговорщики развернулись и потянулись к проспекту Карла Маркса. Петрушевский посадил Чистякова на такси, тому ещё ехать на улицу Савушкина, а сам скорым шагом двинул к дому, где ждала добрейшая на свете бабушка, вечно молодая мама и славные ветераны - дед и дядя. Дома его любили и он любил всех. В этой жизни, завтра истекает срок увольнительной, необходимо вернуться в часть, до дембеля пять месяцев. Юный Дима ощутил, как тревоги сегодняшнего дня потеряли остроту и значимость. Жизнь продолжается.

8. Серебряков. Лубянка

На перроне Ленинградского вокзала полковника Серебрякова и

сопровождающего офицера встречал комитетский порученец. Чёрная волга донесла гостей до площади Дзержинского за пятнадцать минут. Железный Феликс безучастно смотрел вдаль, в то время как смежники из Ленинграда отметились уважительным взглядом. В иной раз Николай Трофимович добирался бы до служебного входа на метро, кабы не документы особой важности, что лежали в портфеле фельдъегеря, пристёгнутом наручниками к кисти руки. Под пиджаком курьера внимательный взгляд мог заметить утолщение от плечевой кобуры. Предъявив дежурному удостоверения офицеры разошлись. Фельдъегерь пошёл приходить документы, Серебряков на приём к шефу, генералу Семёну Ильичу Арефьеву, руководителю структурного подразделения "Ф", прикрепленного к 5-му экономическому управлению. "Ф" от латинского futura - будущее, а если глубже, то отдела по изучению аномалий и парадоксов времени. Генерал подчинялся непосредственно председателю. Председатель в свою очередь знакомил со сводками отдела Арефьева членов Политбюро, в отдельных случаях Генерального секретаря.

В СССР истории с бесследным исчезновением людей и возникновением из ничего, давно перестали являться секретом. Аналитики Лубянки ещё во времена создания атомной бомбы, представили Берии теоретическое обоснование учёных о создании машины времени. Факты о попаданцах и другие временные аномалии, явилось основанием для подготовки специальной группы, занятой исследования проблем будущего и создания прототипа машины времени. При Хрущёве исследования заморозили после того, как во время доклада тогдашнего председателя КГБ Семичастного, генеральный секретарь возмущённо воскликнул: "Что вы мне тут сказки рассказываете. Нечего заниматься хернёй". И лишь после Хрущёва исследования обрели новый толчок. Подразделение "Ф" сформировалось из звена учёных, ведущих исследования в Ленинграде на базе института имени Иоффе, а так же организационно-аналитической группы, группы оперативного реагирования, следственного отдела и подразделения экспертно-технической экспертизы.

Пока полковник ждал вызова, вернулся из особой части фельдъегерь и вручил Серебрякову папку с зарегистрированными

документами под грифом "совершенно секретно". На столе секретаря звякнул телефон.

- Товарищ полковник, генерал Арефьев вас ждёт.

Серебряков поднялся, шагнул к знакомой двери и потянул на себя массивную, но легко поддающуюся сворку. Поздоровались. Оба знакомы с войны, перенесли немало, но редко вспоминали о прошлом. Довольствовались настоящим, своими дружескими отношениями, полным доверием, умением руководить непростой деятельностью, связанной с появлением "туристов" - попаданцев во времени, работой ОЛИБ, а так же защитой секретов.

- Здравствуй, Коля. Скучать тебе не приходится. Чайку с дорожки, да перекусить?

- Здравствуй, Семён Ильич. Это точно, скучать некогда. Как снег на голову убойная информация от источника. От чая не откажусь, разговор долгий.

Пока секретарь расставлял чашки, блюдо с бутербродами и сладости, генерал молчал. Кивком головы поблагодарил вышколенного капитана и повернулся к Серебрякову.

- Теперь по порядку. Ксерокс твоего рапорта читал, но вопросов масса.

- Вот ознакомься, Семён Ильич. Это подробный отчёт источника.

Генерал неловко нацепил очки. Серебряков, про себя усмехнулся: "И ты туда же, в общество возрастных очкариков. А давно ли сам для работы с документами начал пользоваться очками

для дальнорзоркости?" Отложив донесение, генерал недобро взглянул на подчинённого.

- Если это правда и твой Соболев слетел с катушек, чтобы делать карьеру таким способом, то у меня вопрос - сам куда смотрел? Твой протеже не просто подающий надежды учёный, но офицер, который давал присягу. Я помню этого Соболева, ты возил его на представление, а я знакомил твоего мальчишку с особенностями подразделения. А почему мы должны верить какому-то источнику? Без подписки о сотрудничестве, он вообще никто. И тут такое заявление - взрыв, подставка начлаба, где логика? Как лейтенанту гозбезопасности такое пришло в голову? Может вербовка под гипнозом наших западных коллег? И почему сейчас, а не раньше?

- Товарищ генерал, реагировать мы обязаны. Информатор из будущего, видит такую картину и хочет предотвратить преступление. Мотив у Соболева распространённый и понятный: почувствовал свой потенциал, а Доос пытался осадить сотрудника. В итоге рождается авантюрный план, где участие старшего лейтенанта не просматривается. В конце концов - оперативная комбинация, пусть даже такая отвратительная, но убойная, имеет право на жизнь. Западный след исключаю - уж больно топорно и нелогично. Хотя мы с тобой всякого насмотрелись. Вспомни негодяя Хохлова, а материалы по будущим предателям Гордиевскому, Левченко? Здесь идеологии не вижу, но подняться по карьерной лестнице на наших плечах и чёрт-те что творить в будущем с помощью прототипа, исключить никак нельзя. А вот какого ляда "Попаданец" вывалил нам такую информацию, пока не понимаю.

- Коля, вот и я спрашиваю, а ты не пробовал выстроить логическую цепочку почему твоему "Попаданцу" пришло подобное озарение? Как и когда он успел пережить эти события, чтобы воспользовавшись коридором времени из будущего, транслировать нам предупреждение о теракте?

Вместо ответа, полковник потянул к себе лист бумаги и стал чертить схему. Закончив передал генералу и медленно, словно

прислушиваясь к своим резонам пояснил:

- Это моё видение, пока не ставил задачу перед аналитическим отделом и ни с кем не советовался. Просто так Петрушевский со мной встречаться бы не стал. Кто-то его надоумил, поскольку, фигурант осознавая соучастие, заинтересован забыть и спрятать подальше жуткий негатив. Нет, Семён Ильич, это не муки совести, что-то другое.

Серебряков кивнул на схему. В трёх окружностях с вписанными именами Соболева, Петрушевского и Чистякова, стоял знак вопроса, между информатором и лаборантом. Полковник отхлебнул чай и продолжил:

- Сговор Петрушевского и Соболева невозможен по понятным причинам. Инициатор, если верить нашему "туристу", воздействовал на его подсознание из будущего, внушив личине сегодняшнего Петрушевского благость своих намерений и неременное исполнения. А именно: войти в контакт с рецидивистом, убедить того и склонить к преступлению по нескольким статьям. Тут всё ясно, корысть и вера в безнаказанность. Следующий шаг - закладка взрывчатки с часовым механизмом в бокс камеры хранения. Тут появляется ничего не подозревающий, действующий втёмную Чистяков, доставивший опасную посылку в лабораторию. Соболев, прикрывающийся двумя посредниками, собственноручно делает закладку и ждёт развязки. После резонансного взрыва, всё стоит на ушах, начинается расследование, где причастность Соболева не прослеживается. Как явствует со слов Чистякова, в посылке находится блок для оборудования лаборатории, заказанный на оборонном заводе и подтверждённый смежниками. После события, ОЛИБ закрывается, в квартире Дооса находят взрывчатку и картина маслом - у следствия есть подозреваемый с такой уликой. Кристально чистый Соболев - потенциальный преемник и при удачном раскладе, занимает место завлаба. Так вижу события и последствия по имеющейся информации. Согласись, не знай мы расклада сейчас, примерно так и произошло

Внимательно слушавший генерал, прервал подчинённого:

- А где связь, Тимофеич, остаётся вопрос - зачем это Петрушевскому? Патриотические или благие намерения отменяются. Зомбированный "турист" при таких порывах обязан придти и повиниться, что собственно он и сделал. Я поверил бы, если информация шла сегодняшним временем. Но "террорист" прибыл из какого там года, - Арефьев заглянул в записи, - ага 2016-го. Значит был особый мотив. Чего ему париться и ворошить, то что уже случилось и быльём поросло? Вспоминай, Коля, подыми личные дела, прошерсти по связям, тебе на месте должно быть виднее.

- Вот и я о том же. Был один странный случай два года назад, я докладывал. Речь о дорожно-транспортном происшествии, когда Петрушевский буквально вытащил своего куратора из под колес грузовика и спас тому жизнь. Мы крутили случай на предмет преднамеренности, попробовав исключить случайность. Но тогда водитель не справился с управлением из-за приступа эпилепсии, в заключении врачей диагноз подтверждён и статистика показывает, что подобные несчастья случаются. Никаких намёков на комбинацию для поднятия репутации и глубокое внедрение Петрушевского. Другими словами - случайность, как часть плана исключена. Но я вот что подумал, а если бы наш негласник оплошал, не выручил куратора, как бы потекла история ОЛИБ?

- Интересный вопрос. А как причинно-следственные связи увязываются с теорией заговора?

- Вот! Тут самое интересное. А не мог ли Петрушевский с кем-то в сговоре повлиять на историю? Воспользовался машиной времени и сознательно не спас Соболева. Ход истории поменяется, тогда завлабом, в обозримом будущем, может стать Чистяков, морально более подкованный советский учёный.

- Но Соболев жив! Происшествие, как сам говоришь, состоялось почти четыре года назад.

- Точнее три с половиной. Не задолго до Нового года, стало быть в декабре 1968-го.

Оба чекиста задумались. Тишину кабинета нарушает жужжание случайной мухи и позвякивание ложечки в стакане Арефьева. Генерал поднял глаза.

- А ты разговорить Петрушевского сможешь? Нам важно знать всю эту мудрёную временную конструкцию. Всю информацию в мельчайших подробностях о готовящемся взрыве, помощниках, в общем всей цепочки. Значит работа на опережение, не мне тебя учить, кстати план мероприятий подготовил? - Серебряков кивнул. - Сам понимаешь, если что пойдёт не так и произойдёт катастрофа, не уверен что останусь служить, не говоря о тебе. Следовательно, встретишься не только с Петрушевским, но и Чистяковым. Сведи их и попробуй расколоть, дело серьёзное. Обещай что угодно, а затем реши кого выводить из операции, кого миловать, а кого закрыть. На твоё усмотрение, подробности мне в рапорте. Сколько у нас времени?

- Сегодня пятнадцатое, осталось семь дней, с оговоркой если принимать заявление Петрушевского за правду.

- Вот и дерзай, полковник. Давай свой план, что там ещё? Справки по фигурантам, очень хорошо. Позже ознакомлюсь. А теперь извини, текущие дела не ждут. Вечером доложу председателю. Будут коррективы, извещу. Всё, Коля, будь здоров, привет супруге.

Серебряков спускался по лестнице и прикидывал, как провести время до вечернего поезда. Руки развязаны от документов особой важности, а голова, после беседы с начальством, когда мера ответственности недвусмысленно определена генералом, работает на результат. Вопрос огласки исключён, такие вещи не должны всплыть ни в печати, ни в милицейских кругах. Другой вопрос, как решить судьбу подчинённого, которого подтянул к себе, определил в

спецшколу КГБ и видел в Соболеве потенциального преемника. Теперь же после шокирующего донесения источника, предстояло определить свою долю ответственности и повернуть ситуацию в плюс, исключив ледяную формулировку о потере бдительности.

Если всё подтвердится, то высвечивается мучительный вывод. Соболев, как носитель секретной информации, перспективный учёный, ставший на путь предательства - потенциально опасен и больше не нужен. Серебряков скрипнул зубами. Вот ведь гадёныш: выстрелил из будущего, похерил веру в незыблемость долга и растоптал клятву чекиста. При Хозяине, подобные отступники незамедлительно расстреливались, после них оставались архивные дела в назидание будущим разведчикам. Нынче времена иные, но если Родина прикажет, полковник не посмотрит на прежние тёплые и доверительные отношения. Решить эту задачу может лишь один человек - он сам.

9. Петрушевский. Искривление пространства

- Смотрю я на этого модного парня и про себя думаю может природа времени дала сбой, искривила пространство представило стилигу образца семидесятого. Это чудо мне и говорит: "Где учёный, убелённый сединами, в шикарном костюме от Армани и профессорской лысиной, вижу худосочного юношу в затёртых джинсах и штопаной рубашке?" Ну я психанул и ему: "На себя посмотри, скиталец в другую реальность".

Все рассмеялись. В кабинете начальника лаборатории собралась рабочая группа сразу после возвращения Петрушевского и Чистякова из семидесятого. Громче всех смеялась Широкова. Угрюмый Шепитько улыбался из вежливости. Оживлённые испытатели обсудили технические вопросы, Чистяков подписал новое расписание и отпустил сотрудников. Когда закрылась дверь, улыбка сошла с лица Николая Фёдоровича.

- Ну что, мы там с тобой наделали шуму? Думаю, полковник

нас вызовет, ведь ему решать непростой вопрос карьеры, жизни ОЛИБ и главное - судьбу подопечного. Раз ничего не изменилось и в этом кресле сижу я, а не наш злой гений, значит вопрос Соболевым был закрыт правильно. Как именно не знаю, но в государственной программе работы ОЛИБ, он больше не участвует. Вот почему-то я событий тех дней не помню. Похоже мы привязались к точкам матрицы и двигаемся во времени параллельно тем событиям. И что это значит, уважаемый Дмитрий Сергеевич?

Петрушевский, осознав сказанное замер, в голове пронеслись вихрем воспоминания двух параллельных жизней - существование до и после. Стало нестерпимо страшно от мысли, что вот так просто можно ступить в прошлое и так же легко менять его словно переставлять блоки в конструкторе LEGO. Что Соболев, что Чистяков - два гениальных мастера, видящих прошлое и будущее наподобие Нострадамуса и Ванги, но мало того, держащие в руках рычаги управления судьбой. Соболев в таких обстоятельствах быстро осознал всемогущество и попытался направить фатум на службу злу. А Чистяков? Голова пошла кругом, в самый раз задуматься о Всевышнем. Задуматься? Да вот он в облике российского учёного - весёлый, домашний, внимательный, эмоционально взвешенный человек... Петрушевский собрался и остановил свои размышления. Надо ответить собеседнику.

- Это значит, что я ничегошеньки не понял. Кроме того, что мы живы, здоровы и у нас есть прошлое.

- Прости Дима, мы мыслим разными категориями. Давай проведу неглубокий ликбез по нашей теме. Затем хочу услышать твои вопросы, если не возражаешь? Очень коротко: время, это особая субстанция, матрица состоящая из квадрильонов ячеек, условно это запись всего сущего, но не в философском аспекте, а физико-математической модели бытия. Соболев и я разгадали секрет и подобрали ключи к изменениям пространства времени. Любой физик поймёт на пальцах суть такой возможности, но способ доступен единицам. Рано или поздно, нашу планету ждёт либо полное самоуничтожение, либо путешествие по мирозданию и управлению

судьбами человечества. Мы с тобой не доживём, бессмертие пока не изобрели.

Чистяков рассмеялся, затем стал рыться в столе, наконец достал магнитную карту.

- Извини Дима, у тебя такое лицо. Безумно интересно, но ничего не понятно. Я меня на первом курсе универа такое же было, мама рассказывала. Сейчас покажу тебе кое-что.

Он подошёл к сейфу приложил карточку, открыл дверцу, отпер замок внутреннего отделения и достал флешку. Подошёл к внимательно лицезревшему за его действиями Петрушевскому.

- Держи! Ты прикоснулся к тайне машины времени. Здесь схемы, чертежи, формулы, расчёты и прочая лабуда. Другими словами секрет машины времени. За него кто-то очень богатый готов предложить миллиарды. Но беда в том, что это копия, оригинал находится в Академии наук. И прототип уже готов, а эти документы надо изучить, а уж затем построить. История напоминающая создание атомной бомбы, понимали все физики многих стран, а довели до реальных испытаний Штаты да мы и то вторыми. То чем мы с тобой занимаемся отсебятина, реальные задачи ставит государство, на деньги которого создавался прибор. Если уж совсем пафосно, то можно сказать, что наша страна впереди планеты всей. Вопрос - надолго ли? Подержал, теперь верни.

Чистяков вновь засмеялся.

- Ну и рожа у тебя, не обижайся. Может лекарство для снятия стресса?

- Ну уж нет! Мне от бухалова головная боль по утру и повышенное давление - здоровье не то. Вот молодым мог маленькую

водки из горла опустошить и вперёд. Давай думать что дальше. Лично я почти ничего не помню, лишь отрывочные фрагменты Серебряков-Соболев-Чистяков.

Опять смех Николая Фёдоровича:

- Завязывай смешить! Как пил "малька" он помнит, как вербовал уголовника и возил взрывчатку - не помнит. А Серебряков? А наши пересечения? Что, эффект отложенной памяти?

Чистяков вдруг споткнулся и перестал улыбаться. Сквозь Дмитрия Сергеевича вглядывался куда-то вдаль учёный, одетый в деловой костюм от Армани. Затем начальник лаборатории, взял со стола Parker Premier цены немеренной, извлёк из ящика стола чернильный картридж и стал его менять. Петрушевский заворожённо наблюдал за ловкими манипуляциями начальника и ждал продолжения. Наконец, ручка готова к работе, Чистяков встряхнулся от своих мыслей и закончил.

- Мы, Дима используем свой мозг якобы на пять процентов и если повлиять на клетки, то откроется бездна. Это давно доказанный нейромиф. Призвание науки - выработать и систематизировать объективные знания о действительности. Но порой, выполняя свою миссию, учёные сталкиваются с непониманием. Выхваченные из контекста гипотезы, доказательства и факты превращаются в мифы. Но! Учёные никогда не пользовались нашим опытом, я имею ввиду моим и Соболева, возвращения человека в изменённое временное поле, где предыдущие события стираются матрицей времени взамен на новые. Мы с тобой давным-давно повлияли на события и по логике вещей, обязаны помнить что там произошло. Первое: ты разоблачил планы коварного Соболева во имя моих гуманных мер к предотвращению смерти пусть и негодяя, но человека. С другой стороны, зло с твоей подачи, будет наказано. А как, мы можем только предполагать, следовательно и помнить не обязаны. На сегодня смело утверждаю, что наш план состоялся. Вот он - я и вот он - ты! Ясно?

Дима курил на лестнице, когда к нему торопливо вышел, разминая в пальцах папиросу, дядя.

- Дима, тебя к телефону, какой-то Николай Трофимович.

- Спасибо, бегу.

Виктор Ильич Петрушевский получил контузию в 1944 году. Был списан по чистой. После войны оформил инвалидность и ветеранскую надбавку. Пока Дима шёл к телефонной трубке аккуратно положенной на полочку рядом с телефонной книжкой, успел вспомнить, как не так давно всей семьёй отмечали сорокапятилетие родственника. Подумалось, ещё не старый, а сколько пережил.

- Алло!

- Это Серебряков. Надо увидеться. Где в прошлый раз, адрес помните? - получив утвердительный ответ, добавил. - Жду к трём часам.

Петрушевский поморщился - как увольнительная, так сторонние дела вне дома. С другой стороны грех жаловаться, ведь днями мотается на служебном газике по области и Ленинграду, всегда имеется возможность с оказией посетить отчий дом. Увольнительные каждую неделю, да и дембель по осени - каких-то пять месяцев. Надо срочно связаться с Колей Чистяковым и скоординировать действия, их план вступает в решающую фазу. Он спустился и вышел на улицу, вот и свободный таксофон.

- Коля, привет. Меня приглашает наш общий знакомый. Мои

действия?

На другом конце слышно как хмыкнул научный сотрудник. Вот ведь весельчак, всё ему нипочём.

- Слушай, меня тоже хотят видеть, на улице Войнова к двум часам. А тебе во сколько назначено? Ага, значит на час раньше - будет подготовка к очной ставке. И вот как мы поступим, товарищ боевой, запоминай.

Первое, что увидел Петрушевский зайдя в комнату, улыбающееся лицо Чистякова. Тот потягивал чай и аппетитно похрустывал сухариками. По его виду ясно, что переговоры проходят успешно.

- Знакомить вас не надо. Давайте продолжим. Я теперь в курсе всех подробностей и знаю ваши совместные планы из далёкого будущего. Что ж, попробуем сообща решить нашу проблему. Дима, чаю будешь? - Петрушевский отрицательно покачал головой. - Повторю для Дмитрия: моё руководство уже в курсе, такую информацию я скрывать не имею право. Потому составлен план, с которым сейчас ознакомлю в рамках своих полномочий. Затем обсудим и решим.

Полковник зафиксировал многозначительную паузу и продолжил:

- Признаюсь, информация шокировала и поставила нас в тупик. С одной стороны вы гражданские люди, причастные далеко не в полной мере к секретным разработкам, курируемым нашим ведомством. С другой - ваша компетенция и знания намного опередили сегодняшний уровень науки и других областей, скажем

так, сегодняшнего дня. Вы, по предварительному сговору, а я придаю этим словам положительную коннотацию, решили предупредить руководство в моём лице о готовящейся диверсии в ОЛИБ. Инициатором преступления является наш сотрудник, ставший на путь предательства. Моральные аспекты обсуждать не будем, тут всё ясно. Меня интересуют мотивы, побудившие вас, господа хорошие, сделать это сейчас, а не раньше или вообще не вмешиваться в ситуацию, никак не угрожающую вам? Отбросив умные слова, объясните какого ляда вывалили всю эту х**ню, которую ещё проверять и перепроверять? И не дай бог, это искусно состряпанная ложь!

Зловещая пауза полковника, не предвещала лёгкого разговора. Петрушевский поглядывал на невозмутимое лицо Чистякова, заведомо отдав тому инициативу главного переговорщика. Сказывался опыт административного лица высокого ранга. Дмитрий Сергеевич вспомнил скупые рассказы в будущем о встречах начальника лаборатории с шишками из Академии наук, высокими чинами и даже председателем ФСБ. Намёки на закрытые совещаниях, где присутствовали члены Правительства. Про себя в который раз подумал: "Коля дока, он знает, что творит, я надеюсь".

- Для начала, Николай Трофимович, давайте уберём из нашего разговора нотки угрозы. Вы сами сказали, что это особый случай, я не сомневаюсь, что обдумывали способы закрыть возникшую ситуацию. Самый простой - избавиться от нас и Соболева. И вы и мы знаем, как обставляются подобные действия. Как бы неприятно это слышать, разговаривая с позиции силы вы ничего не добьётесь, а устранив предателя Соболева и мутных гостей из будущего, только усугубите ситуацию. Прежде всего отбросьте научные разработки назад, это не самое страшное. Что ещё хуже, всплывут документы о нынешней ситуации, где подробно будут описаны ваши действия и ряд событий, о которых многим в руководстве КГБ не поздоровится. Бумаги лягут на стол председателя, поверьте мне. Простите, что вынужден говорить о этом человеку в полковничих погонах.

Серебряков усмехнулся. Не просто воспринимать слова едва оперившихся юнцов и беседовать на равных. Но факты говорят за себя. В течении часа, до прихода Петрушевского, полковник присматривался к Чистякову и диву давался глубоким познаниям истории спецслужб и возможностям машины времени. Убелённый сединами ветеран войны, в последствии офицер, отдавший себя борьбе с врагами отечества, испытывал когнитивный диссонанс. Бессознательное желание согласовать систему своих знаний с такими фактами и избавиться от противоречий, подталкивало полковника к различным способам воздействия на собеседника. К приходу второго попаданца, Серебряков был почти убеждён в правдивости Чистякова и видел перспективы дальнейшего сотрудничества.

Скромный лаборант ОЛИБ, выложил полную и правдивую историю с гибелью, а затем воскрешением Соболева. Убедительно объяснил мотив покарать отступника по закону, а не ликвидацией в интересах Конторы. Причём второй способ воспринимался Николаем Трофимовичем, как правильный и оправданный в создавшихся обстоятельствах. Сейчас же, убеждаясь в возможностях Чистякова и его прототипа, сильно пожалел, что решил надавить на необычных гостей. Прав тёзка, конечно прав, Ведь какие возможности открываются. Дело за немногом - взять на месте преступления и разоблачить настоящего врага. А что с ним делать пусть решает суд, полный абсурд ликвидировать его вторично, но уже осознано и тайно.

- Вот что ребята! Я снимаю свой вопрос, не обессудьте, силен во мне волкодав. Столько врагов прошло, а тут вы ещё на голову свалились, да с такой информацией. Если обобщать и абстрагироваться от вашего участия в смерти офицера КГБ, то получается решили исправить фатальный исход во имя закона и справедливости. Дружеская рука помощи из будущего.

Все рассмеялись, напряжение спало. Гости смотрели уважительно. Полковник легко поднялся, принёс из кухни запотевшую бутылку водки, стаканы и, видимо, заранее

приготовленную закуску.

- Давайте-ка, хлопцы, махнём "беленькой" в нарушение инструкций и покалякаем за дело.

Петрушевский незаметно, как ему казалось, переглянулся с Чистяковым. Соболев не подал вида, про себя махнув рукой на примитивную попытку напоить и разговорить необычных гостей. А вдруг и сработает проверенный временем приём "разговорчивого пьянчуги". Ветеран никак не мог предположить, что в эпоху перестройки на изумлённых обывателей обрушился шквал публикаций, а позже и фильмов о работе спецслужб и органов МВД. Молча выпили, закусили. Серебряков закурил первым, за ним потянулись к сигаретам гости. Полковник подробно разъяснил роль каждого в операции по пресечению диверсии. После вопросов и нескольких тостов, беседа потекла на отвлечённые темы. Дмитрий, многозначительно посмотрев на Серебрякова неожиданно спросил "будущего" начлаба:

- А вот скажи-ка Коля, можно ли изменить прошлое, например уничтожить Гитлера, перенеся нашего разведчика в 1938 год, незадолго до начала Второй мировой? Или нырнуть в предреволюционную Россию и скорректировать действия большевиков, дабы избежать гражданской войны?

Полковник заёрзал на стуле. "А ведь пацан может догадаться, что разговор пишется? И что? Наша организация для Петрушевского - вечный синоним тёмной и беспощадной силы борьбы с диссидентами и разведками вражеских государств. Оружие государственной машины подавления инакомыслия во все времена, когда все методы хороши. Может итак, но на данном этапе мы сотрудничаем с попаданцами в интересах будущего. Технари распечатают беседу, потом займусь анализом для доклада, Арёфьев пачкаться не станет". Внимание переключилось на Чистякова, учёный напрягся и с раскованного, ироничного разговора перешёл на серьёзный тон, в нём заговорил учёный и практик:

- Сколько раз ныне и в будущем подымался вопрос управления историей с помощью машины времени. Сколько написано научно-фантастической литературы. Вот моё мнение: всё это фигня! Гитлер, Наполеон, Сталин - неотъемлемая часть истории человечества, как египетские пирамиды, как костры инквизиции, как восстания и революции. Учёным влиять на обстоятельства категорически запрещено. Но незначительные коррективы, могут задеть отдельные личности и лишь косвенно что-то менять в системе координат бытия. Как в нашем случае. Тут возникает теория геометрической прогрессии реструктуризации причинно-следственных связей или теории хаоса, когда цепочка погрешностей приводит к обратимым результатам. Его называют ещё "эффектом бабочки", озвученной Рэем Бредбери в рассказе "И грянул гром". Не читали, товарищ полковник?

Чтобы скрыть замешательства, Серебряков, разлил остатки водки и потянулся за очередной сигаретой. Вместо ответа отрицательно покачал головой.

- Излагайте, Николай Фёдорович, весьма интересно, хоть и сложновато с восприятием.

- Так вот, идея с подобными десантами в прошлое с уничтожением мрачных фигур истории, поддерживает теорию "эффекта бабочки", но разрушается исследованиями нашей лаборатории в пока ещё далёком будущем. Допустим, найдётся ветеран внешней разведки, в своё время внедрённый в ближайшее окружение фюрера и нацеленный на ликвидацию главного негодяя. Если конкретно, то девяностолетнего дедушку уговорят с помощью машины времени вернуться в тело того разведчика, наподобие Штирлица.

Поймав удивлённый взгляд Серебрякова, учёный пояснил:

- Роман о подвигах разведчика Исаева опубликован в журнале "Знамя", если не изменяет память, три года назад. Почитайте обязательно, автор Юлиан Семёнов работал в архивах Лубянки с разрешения Андропова. Но это так, к слову. Подхожу к главной мысли - убрать Гитлера не получится. Причин возникнет много, все они будут объективными, но никому в голову не придёт подумать, что это простая закономерность одного из парадоксов времени. Вспомните покушение на фюрера в сорок четвёртом, все говорили о божественном промысле, отведшим смерть от бомбы Штаунфферберга. Нет! Это один из законов временной зависимости, который запрещает вмешиваться в историю, нарушающую баланс матрицы. То есть природы человеческого бытия, управляемой космическими силами. Почти то же, что некая божественная сила, наличие которой наука объяснить пока не может. В одних случаях, влияет на историю человечество, в других - нет. В случае с Гитлером - нет, правда теоретически, если размышлять категориями "если бы", то следовало повторить покушение ещё раз с другими действующими лицами и при других обстоятельствах.

Ветеран разведки, начальник сверхсекретного отдела КГБ полковник Серебряков, слушал человека, создавшего в будущем прототип машины времени, не столько удивлённо, сколько озадаченно. Заумь про божественное начало, никак не вязалась с образом советского учёного атеистических взглядов, приученного изучать и подводить объяснения под свои открытия в виде схем, таблиц, уравнений, основанных на материалистическом базисе. Первым прервал молчание Петрушевский:

- Ну хорошо, а как же наш проект по воскрешению Соболева? А если диверсия predetermined высшими силами и что-то якобы пойдёт не так?

- В этом случае всё пойдёт, как надо - частный мелкий случай, не способен повлиять на матрицу, изменить заданный космосом алгоритм. Да, кресло Соболева в будущем займу я, но возможно кто-то другой из научного окружения по данной тематике. Вина Соболева не в том, что он метит на должность Дооса, а в преступных

намерениях, могущих привести к смерти человека, материальному ущербу и отсрочке разработок ОЛИБ, что в свою очередь притормозит создание образца машины времени. Я не говорю о политическом резонансе и репутации советской науки.

Серебряков зашевелился и решительно взял разговор в свои руки:

- Ну и наговорили вы тут, хлопчики. По нашему вопросу разрешите всё-таки решать мне. Никаких "якобы" быть не должно. Вы убедили в преступных намерениях моего сотрудника. Если всё пойдёт по такому сценарию, то диверсию предотвратим и негодяй ответит по закону. Если понадобится то и я отвечу за свою близорукость, но это уже к вам не относится. Ещё раз пройдемся по плану.

В кузове служебного автобуса, за столиком сидел Серебряков, криминалист взрывотехник, оператор, несколько оперативников и следак. Полковник ждал возвращения источника, который по адресу, представленному Соболевым, отправился к уголовнику Балабану за взрывчаткой. В дверь постучали, это Петрушевский.

- Вот! Убедил уркагана, купился на лаве, - по инерции сказал на блатном. - Можно брать, там целый арсенал.

Осторожно передал коробку из под обуви, перетянутую крест накрест бечёвкой. Освободили место за рабочим столом, рядом с пишущей аппаратурой. Сапёр аккуратно срезал шпагат и вытащил адскую машинку. Пять кусков тротила, будильник, провода запал, батарейка. Эксперт осмотрел бомбу, поковырялся и проворчал:

- Надо бы по инструкции всех выгнать, да ладно, сборка

примитивная. Забирайте теперь не сработает ни случайно, ни преднамеренно. Я свободен? Мне ещё заключение писать, поеду в Контору.

Когда взрывотехник покинул автобус, обезвреженный заряд перекочевал в руки оперативника. Серебряков с сотрудниками вышел из автобуса и пересел в милицейский газик, стоявший поблизости. Газик фыркнул дымным облаком и резво покати́л в сторону пристанища Балабана. У дачи уже ждал участковый с понятыми. Окружили домик и стремительно вломились в пристанище террориста. Чекисты ловко скрутили обалдевшего хозяина, начался обыск. На столе, после ухода Петрушевского выдававшего себя за бывшего зека Раннего, ещё оставался комплект террориста: тротилловые шашки, провода, запалы. К ним добавилась пачка четвертных купюр с переписанными номерами, револьвер, патроны, кисет с золотыми монетами и другой компромат - на немалый срок Балабану хватило.

Потерянный бандит, так просто попавшийся на рассказ "залётного фраера", сидел в наручниках, злобно зыркал по сторонам и внимательно вслушивался в голос оперативника, монотонно перечисляющего для протокола криминальные вещдоки. Тут подъехал автобус. Когда бандита грузили, разглядел улыбающегося Петрушевского. Злобно плюнул и собрался что-то добавить на словах, но чекист ловко сунул тому в под дых, Балабан затих. Старший группы захвата расписался, забрал рапорт участкового. Милиционеры на газике рванули в отделение, а чекистский десант бодро погрузился в автобус. Серебряков, задержанный Балабан, Петрушевский и остальные тронулись в родные пенаты на Литейный, 4. Часть плана сработала, осталась вторая - самая главная фаза операции.

Два дня спустя у проходной института Иоффе стояла комитетская чёрная волга с сотрудниками привлечёнными к задержанию коллеги. Наконец появился запыхавшийся Чистяков с безликой картонкой.

- Как прошло? - поинтересовался полковник. Он, естественно, умолчал о перехваченном вызове прослушки. Звонок вызов адресован на телефон заместителя ОЛИБ, старшего лейтенанта гозбезопасности Соболева. Незнакомый сообщал, что посылка доставлена, а спустя несколько часов изъята. В сообщении указывались приметы Чистякова. Другими словами, предатель страховался через подставное лицо, в намерениях Соболева полковник больше не сомневался.

- Всё нормально, добрался на трамвае без происшествий. - Чистяков улыбался, ни тени волнения на лице. - Так я пошёл?

- Давай, всё по плану. Мы за тобой, только следователя дождёмся.

Посмотрел вслед Чистякову и недовольно хмыкнул: всё этому поганцу нипочём, мы для него вчерашний день, открытая книга...

Наконец подъехал следак. Серебряков и сопровождающие энергично двинулись на территорию института, предъявив на проходной грозные удостоверения сотрудников Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР.

11. Соболев. Финита

Утро не задалось. Мучило нехорошее предчувствие, вдгонку к этому болела голова, что для двадцативосьмилетнего учёного было не характерно.

- Витя, завтракать садись, - Нина Георгиевна Соболева с тревогой поглядывала на хмурого сына, на генном уровне улавливая тревожное настроение сына.

- Спасибо, мама. Только кофе и покрепче, ладно. Не смотри так
- всё у меня нормально.

Молодой учёный и по совместительству сотрудник КГБ, изучающий не только природу времени, но и необъяснимое до настоящего времени явления - возникновение в обществе развитого социализма странных личностей, "туристов". Так их окрестили в подразделении, занимающимся всякими временными аномалиями, отделе. С одним из "туристов" Соболев был знаком и подружился, после того, как попутанец вытащил чекиста из под колёс "взбесившегося" грузовика. Сегодня самый непростой день за всю карьеру учёного - кардинальная перемена в работе лаборатории, которой Соболев отдал последние шесть лет научной деятельности.

Соболев привык, пока трамвай медленно плёлся по Кондратьевскому проспекту обдумывать рабочие вопросы: задания сотрудникам, систематизацию и анализ испытаний, разборы у заведующего лаборатории Дооса, да доклады своему непосредственному начальнику полковнику Серебрякову. Но сегодня, Виктор Сергеевич вновь прогонял схему своего авантюрного и жестокого плана, который раз и навсегда изменит его жизнь и деятельность ОЛИБ. За скобками стоял моральный аспект от акции задуманной как авария. Соболев не задумывался с какого времени весь идейно-политический задел ревностного комсомольца, строителя самого совершенного в мире общества с его незыблемым кодексом строителя коммунизма, вдруг дал сбой. Отчего на первое место вышла жестокая карьеристская цель, умысел прибрать к рукам бразды правления секретной лаборатории, подчинить ход исследований своим планам.

Ему надоела опека, палки в колеса его инициативам, сомнения в компетенции, особенно после скандала с любовницей Дооса, когда тот во всеуслышание объявил его научной посредственностью, припечатав клеймом "любимчик Серебрякова". В тот раз Соболев положил конец истерике завлаба оборвав его жёстко в лучших традициях спецслужб: "Молчать! Хотите побеседовать в другом месте?!" Он помнил, как

Сдулся и потух полный ненависти яростный выброс Дооса. Сегодня любовника Колывановой, биолога, заведовавшей всей подопытной живностью лаборатории, ждёт куда как веселей сюрприз. Останутся в прошлом все эти дразги, рабочий роман, корпоративные посиделки с возлияниями и прочее дерьмо, отвлекающее от настоящей работы, подлинными исследованиями, решительно приблизившими монтаж прототипа машины времени. ОЛИБ под его руководством, а не депортированного во время войны немца.

Злость вновь затмила сознание чёрной волной, потушив, редкие блёстки здравого смысла, сострадания и жалости. Доос оставался не просто коллегой-соперником, а на голову превосходившим Виктора Сергеевича новатором и учёным, но Соболев боялся в этом признаться. Уверенность в безупречности плана теракта, а главное последствий расследования, гасила искорки сомнений и страха. Соболев рассуждал следующим образом: два ключевых свидетеля просто не смогут убедить следователей и членов комиссии о виновности кадрового сотрудника КГБ. Сама абсурдность пояснений Чистякова и Петрушевского о причастности заместителя начальника ОЛИБ, отводила подозрения на других лиц, и в первую очередь, на Дооса, у которого должны найти спрятанный компромат, да ещё какой! Чистяков будет твердить о рядовом задании, которое исполнял много раз - доставке в лабораторию посылки от смежников с уникальными запчастями для экспериментальной установки.

Петрушевский, посвящённый в план Соболева, будет молчать до конца, отлично понимая, что чистосердечное признание приведёт его в психушку или в камеру блока смертников. У этого парня мозги из двадцать первого века, осмысление акции проходит в заданном Соболевым ключе - всё во благо науки. Встряхнуть ОЛИБ, якобы технической неисправностью газоведа, убедить высокое начальство в ограниченном финансировании проекта и мер техники безопасности. А главное - вишенка на торте, Генрих Иванович, якобы сотрудник Bundesnachrichtendienst - службы внешней разведки Германии (анонимка о причастности Дооса лежит в сейфе Серебрякова). Пусть ищут, доказывают, Соболев тут ни при чём и тихо будет ждать своего часа.

Углублённый в свои мысли Соболев не заметил "особый" взгляд мужчины, читающего книгу Достоевского "Преступление и наказание. Конечно в школе КГБ, Виктор Сергеевич проходил дисциплины негласного наблюдения, отлично помнил ветерана 7-го управления КГБ СССР, читавшего лекции. Но молодой учёный был далёк от романтики "наружки" или "сбрасывании хвоста". Ему больше нравились оперативная психология, способы воздействия на подозреваемых и несколько десятков часов, отведённых на спецподготовку по рукопашному бою. Между тем мужчина сошёл на ближайшей остановке. Соболев не мог видеть, как поклонник Достоевского пересел в невзрачный "Москвич" и по рации передал: "Объект движется по маршруту. Принимайте на остановке "Кантемировская улица". На Кантемировской в трамвай заскочила молодая парочка, скользнув взглядом по ничего не подозревающему объекту, устроились рядом с кондуктором и весело щебетали до конца маршрута Соболева. Парочка выскочила вслед и проводила старшего лейтенанта до проходной института.

Соболев погрузился в рутину работы ОЛИБ: запланированные опыты, заполнение журнала, ничего не значащие фразы с сотрудниками, решение отдельных вопросов в кабинете Дооса, перерыв на обед и прочее. После обеда в лаборатории появился как всегда весёлый и легкомысленный Чистяков. Лаборанта любили за незлобивый и общительный характер, способность балагурить по поводу и без, за глубокое знание темы разработок. Как и Соболев, Чистяков окончил физмат университета с красным дипломом и появился в лаборатории почти одновременно с будущим чекистом. Виктор Сергеевич поглядывал на часы. Пора. Решительно направился к Феде Чистякову, ковырявшемуся в электронном блоке установки.

- Федя, не в службу, а в дружбу смотайся на Финляндский вокзал. Забери из камеры хранения коробку с автономным блоком питания. Мы заказывали в Архангельске в опытной мастерской при заводе "Красная кузница", помнишь? Встретить курьера было некому, а он вёз ещё один заказ в Москву и опаздывал на другой поезд. Договорились, что оставит коробку в камере хранения, вот номер и код ячейки. Полный бардак с доставкой, но сам знаешь, как

нужен образец. Сделаешь?

Поймав на лице сотрудника недоумение, добавил:

- Сам не могу, жду междугородный звонок, а в боксе держать изделие не стоит. Сам понимаешь, кругом секреты.

Через два часа в лаборатории появился Чистяков.

- Всё как вы просили, ну и жарница на улице.

- Спасибо, Федя. Положи на стол.

- Может откроем и посмотрим, что там северные умельцы наваляли?

- Сейчас снова звонить будут, подожди, мне надо зарегистрировать прибор, потом можешь колдовать. Я тебя позову.

Чистяков появился в лаборатории через два часа, положил на стол обыкновенную коробку из под обуви перетянутую несколько раз бечёвкой. Судя по усилию, посылка тянула на несколько килограммов. Когда закрылась дверь в комнату зама, Соболев преобразился. Молниеносно вскрыл коробку, аккуратно достал адскую машинку, завёл будильник на три часа и соединил провода импровизированного таймера. В коробку вложил блок питания, забранный утром из другой камеры хранения и ранее завезённый курьером. Сунул сопроводительные документы и заново перевязал. Вспомнил, как неудобно было пронести притянутый поясным ремнём блок через охрану корпуса. Натёртый живот того стоит, осталось занести бомбу в изолированный испытательный блок, находящийся напротив его крошечного кабинета. Выглянул в коридор, никого. Быстро прошмыгнул в аппаратную, оттуда в к прототипу. Открыл

дверцу распределительного щита и сунул взрывное устройство под кабели.

В тот же момент мир взорвался стальным окриком, неизвестно откуда появившегося Серебрякова:

- Стоять! Отпусти "машинку", подыми руки! Медленно повернись ко мне, гадёныш.

Внутри всё обмерло. Соболев сжался, в голове вспыхнуло - это конец! Он медленно повернулся с поднятыми руками. Помимо Серебрякова в помещение ворвались два сотрудника и ловко защёлкнули наручники на запястьях. С ними следователь в форме. Оттеснили к стенке. В дверь заглядывали испуганные сотрудники. Вперёд протиснулся начальник лаборатории:

- Разрешите?

- Да, да, проходите, Генрих Иванович. Нужен второй понятой.

- Где Чистяков, ему можно? Он последний общался с этим, - Доос презрительно бросил взгляд на потерянного и деморализованного подчинённого.

- Можно. Ну, что давайте начнём.

Соболев испуганно слушал и наблюдал, как следователь заполнял протокол места происшествия. Как отстранённым голосом зачитывал подробности изъятия "прибора, напоминающего взрывное устройство". Как сухо ставил вопросы и уточняющие реплики. Как в комнату прибыл специалист из управления и описывал составляющие адской машины. Как устройство упаковали в специальный кожух и вынесли. В мозгу стучалась мысль: как же так, этого не может быть,

как узнали?

Под презрительными взглядами Колывановой, Дооса, секретаря и других сотрудников, его провели такой знакомой дорогой из лаборатории и далее по коридору, вниз по лестнице к проходной. Постепенно приходило осознание, что эта дорога в один конец и он никогда больше он не вернётся в сюда. Вспомнил сегодняшнее утро, маму, её тревожный взгляд. Ужас, как она это всё перенесёт? Захотелось завывать и упасть в истерике на землю.

В машине взял себя в руки. Ведь Серебряков свой, кругом свои. Не будет огласки, внутриведомственный чудовищный скандал замнут. Никто не заинтересован. Надо на следствии бить на побудительные причины. Пусть чудовищно глупо, пусть, но ведь науки ради, для того чтобы всколыхнуть научное сообщество там наверху. Чтобы осознали насколько велика конечная цель, как важно дополнительное финансирование и устранение дефицита кадров. В этот миг поймал ненавидящий взгляд Серебрякова, лучше бы прибил на месте при попытке к бегству. Боже, что я натворил?!

На улице Войнова провели во внутреннюю тюрьму. Ага, значит допрашивать пока не будут, будет время собраться с мыслями. Ну да, Серебряков должен доложить Арефьеву, а там уже будут решать сообща. Всё ясно как день - измена, подготовка взрыва. Будут искать иностранный след. Вспомнят анонимку на Дооса, попробуют связать. Голова пухла от мыслей. Вот бы рабочий образец машины времени, да откатиться на несколько дней назад и не выпускать на свободу страшную химеру своего падения. За такое расстреливают. Закрытый суд и выстрел. А на политзанятих зачитают этот случай в качестве примера неотвратимости наказания за предательство.

После шмона, оставили сигареты и спички. В камере он никогда не был. Несколько раз присутствовал на допросах, плюс достопамятная командировка в Москву, где в следственном изоляторе N1, именуемым "Матросская тишина", допрашивали вместе с полковником лже-попаданца Панкратова. Сейчас с нездоровым интересом, в свете слабой лампочки, забранной

решёткой, рассматривал неровные стены, взъерошенные штукатуркой - "шубой", древний, ещё довоенный узкий унитаз - "толчок". Завалился на дощатую кровать "шконку" и стал читать редкие надписи, абсолютно не вдаваясь в их смысл. В сознании постоянно билась одна и та же мысль - я ценный кадр, в расход не пустят, создадут типа сталинской "шарашки" и запустят параллельные работы по созданию машины времени.

12. Соболев. Прыжок в никуда

Разбудил лязг, отпираемой массивной двери.

- Соболев, на выход.

Незабываемый тюремный запах, спрессованный из табачного дыма, баланды, человеческого пота и страха, осязаемого на уровне подкорки, спровоцировал воспоминания - подобным специфическим тяжёлым духом веяло в следственном изоляторе "Кресты" и "Матросская тишина". В отличие от устойчивого шума многотысячного человеческого общежития, здесь было очень тихо. СИЗО-3, КГБ СССР, именовавшийся в конце девятнадцатого века следственной "образцовой тюрьмой", а в народе "шпалерка", глушил шаги контролёра и подследственного. "Какая парадоксальная историческая связь, подумал Соболев, - когда-то здесь сидел Ленин, Савинков, Желябов, а позже Лихачёв, Бергольц, Рокоссовский". Память услужливо подбрасывала новые имена, но Соболев сосредоточился на своих проблемах и мысленно строил линию защиты. После нескольких восхождений и спусков по ажурным железным лестницам, постучал и толкнул дверь, пропустив вперёд Соболева. За столом сидел Серебряков. Соболев остановился, ожидая от старшего по званию команды к дальнейшим действиям. Полковник, как бы заново осматривал теперь уже бывшего подчинённого.

- Проходи, садись и рассказывай.

- С чего начать, Николай Трофимович?

- С начала, Витя, с начала! Только упусти, будь ласков и упусти всякую херню о радении за советскую науку и глупом Доосе, не понимающем перспектив машины времени, да высоких задач, поставленных партией и правительством.

Серебряков с ходу выбил идеологические лицемерные подпорки, линии защиты. Соболев собрался и жёстко ответил:

- Вы сами всё сказали, товарищ полковник. Могу лишь добавить, что, на мой взгляд, Доос откровенно мешал и ставил палки в колёса.

Серебряков пропустил мимо ушей не подобающее статусу подследственного "товарищ полковник" и вопрошая резанул:

- Поэтому надо взорвать ОЛИБ и крайним пустить завлаба. К тому же он немец, был выслан в начале войны, затаил злобу и рядился все эти годы под законопослушного гражданина. Витя, отчего не взорвать весь институт или спровоцировать пожар. Небось и такой вариант прорабатывал? Кончай валять ваныку, просто ответь зачем? Зачем такие многоходовки, свалить Дооса очень просто - проявить себя в работе незаурядным теоретиком и практиком, как можно быстрее создать прототип, доказать свою гениальность. Зачем варварские методы из арсенала террористов?

- Я вам неоднократно докладывал, что нужны неограниченные возможности, средства и переподчинение ряда предприятий министерства обороны и промышленности. Будь я трижды гений, как добиться результатов? После войны над атомным проектом трудилась вся страна и был результат. А что сейчас, сами что ли не знаете? Вот зачем понадобилось встряхнуть болото лицемерных

чинуш из столицы, выбить средства на реорганизацию ОЛИБ и заменить завлаба, погрязшего в своих амурных делах.

- Витя, ты дурак или прикидываешься? Кого ты хотел обмануть? Меня, Арефьева, Председателя, Совет Министров? Зато подставить меня, твоего наставника, вышло как нельзя лучше. Ладно, дело пока не получило огласку, пусть генерал решает. Могу предположить, если Семён Ильич даст твоему преступлению ход, то 68-я статья и "красная зона" на ближайшие лет пятнадцать обеспечена... или вышка, как повернуть. Сам понимаешь, тебе надо очень постараться, чтобы убедить руководителя подразделения "Ф" в своих "благих". На днях тебя этапируют в столицу московские коллеги, это не моё решение, приказ сверху, да и мне проще тебя слить на Лубянку, чем возиться с предателем в родном городе.

Соболев замер, дорога, пусть даже с конвоем, это шанс. Мысленная истерика улеглась, а с периферии сознания молнией пронзила мысль, а что если... Полковник внимательно наблюдавший за реакцией бывшего подчинённого, похоже уловил изменения в настроении подследственного. Соболев же обмер от собственной наглости и непредсказуемой реакции, мгновенно взвесив все за и против, закурил, чтобы оттянуть время и решился.

- Скажу коротко, подробности при личной встрече с генералом. Я - попаданец, явился из времени, когда построил реальный рабочий образец в начале двадцать первого века! В моих руках из будущего переиграть события и не дать повода для ареста!

Серебряков еле сдержался, чтобы не выдать смятение. Соболев ничего не заметил, обдумывая подробности подобного блефа. Ведь старшему лейтенанту в голову не могло придти о "подлинных" гостях из будущего, с которыми не далее как позавчера, буквально в ста метрах от СИЗО, встречался полковник. Пауза затянулась, Николай Трофимович потянулся за куревом, а Соболев просчитывал его реакцию. Тягаться в комбинационных ребусах Соболеву слабо, но информация, для простых людей дикая, здесь уместна и может быть принята. Надо торговаться. Наконец, полковник вместе с дымом

сигареты выдохнул:

- Вот что, Витя! Я вижу поиграть охота. Но, ты, "коллега", пока слабоват против меня. Ответь, раз такой особенный, отчего допустил разоблачение и не переиграл свой идиотский сценарий. Позабавится хотел, авось прокатит? Я тебе не раз повторял: "На то и щука в реке, чтобы карась не дремал". Хватит изголяться, подумай о матери. Я вчера звонил Нине Георгиевне, не в даваясь в подробности рассказал, что ты задержан и началось служебное расследование. Вот о ком подумай, стратег. Мне в общих чертах всё ясно, обидно, что проглядел в тебе червоточину, прощай старлей. Конвой!

В камере, Соболев расслабился. Закинув руку под голову, вперился в потолок и гонял сценарий попаданца в заданных обстоятельствах. Это было важно на будущих допросах в Москве. Надо, опираясь на свою легенду выстроить план, предложить сотрудничество, организовать секретный филиал лаборатории внутри ведомства. Этакая матрёшка, дублирующая ОЛИБ, но ведущая исследования по своим планам, составленным пусть даже опальным, но живым Соболевым. Почему бы и нет. А если его просто выпотрошат и сгноят в изоляторе или психушке. Для этого надо убедительно задвинуть Дооса с его планами и теориями. Умничать перед генералом не получится, чекисты прагматики, что им разглагольствования и жонглирование научными терминами. Значит надо убедить Арефьева в тупиковом пути Дооса, мотивируя своё молчание, боязнью и непониманием Серебрякова, по необъяснимым причинам покровительствующему Генриху Ивановичу.

Так и так, с понятными аргументами, мол довели до отчаяния вот и решил поменять в корне ситуацию, без человеческих жертв, упаси боже, без необратимых последствий и... И что? Что я скажу в своё оправдание. Генерал впитал главные сталинские принципы: нет человека - нет проблемы или более гуманный - незаменимых нет! А с чего я вообще взял, что Арефьев мне поверит и поддержит. Закулисных игр тамошних я не знаю, да и вообще они с военной поры друзья. Из протоколов работы с попаданцами известно, что МВД в контрах со "старшими братьями". Попробовать сыграть на

этом, заложить грязную химеру подозрения под кореша Серебрякова...

Неожиданно мысли вернулись к фразе полковника о маме. Волна стыда и страха накатила вновь. Если расстреляют, как же мама. Её сразу попрут из Смольного, с нищенской пенсией и клеймом сына-изменника. Размышления прервал стук в дверь - прогулка. После часового променада по замкнутому пространству тюремного вольера - возвращение в каменную клетку, процедура исполняемая тысячами арестантов до него и после. В камере он один, подселать стукача не стали, всё-таки не гопник с улицы, офицер КГБ. Места всем хватает, это не переполненные "Кресты", а надёжный загон для диссидентов, шпионов, террористов и прочей особой нечисти. Принесли обед. Баландёр передал через проём кормушки миску с баландой и ложкой без черенка - тюремные реалии к которым надо привыкнуть.

Его забрали через четыре дня. Москва выделила двух сотрудников с характерной внешностью и спортивными фигурами. Вернули вещи изъятые при поступлении в изолятор. Сопровождающие расписались в документах, с полнейшим равнодушием застегнули наручники и вывели в тюремный двор, где их дожидалась служебная машина. Просто и буднично. Но разменять мрачную камеру-одиночку на неблизкое путешествие с двумя соглядатаями, для новичка уже радость. Соболев сразу отметил у обоих плечевые кобуры под свободного покроя пиджаками, причём у одного слева, второго - справа. Ага этот левша, запомним. Инструктаж караула весьма специфический:

- Внимание, подследственный! При попытке к бегству и действиям противоречащим правилам этапирования, конвой имеет право на жёсткие меры воздействия, вплоть до применения оружия на поражение. Вам понятно? Распишитесь.

Судя по маршруту, Соболев быстро догадался, что едут на Московский вокзал. Теперь понятна схема перевозки: машина, вокзал, машина, Лубянка. Исподволь разглядывая конвоиров,

Соболев прикидывал свои силы и возможности противостояния к подготовленным амбалам с бездушным взором. Выводы явно не в пользу среднестатистического гражданина имеющему весьма слабую подготовку. Учёный Соболев, всё-таки не диверсант с обширным арсеналом контрдействий, с мгновенной реакцией и аналитикой в экстремальных ситуациях. Погрузились без происшествий и заняли купе. Пристегнули Соболева к ручке откидной полки и ушли решать свои дела. А экспресс "Аврора", медленно оставляя платформу с галдящими провожающими, тронулся в путь. Впрочем этого Соболев не видел из-за задёрнутой занавески, до которой дотянуться не мог. Вот она свобода в нескольких шагах, а нет, всё предусмотрено и учтено. Вернулись конвоиры, поставили на стол пару бутылок с минеральной водой. Кивнули - будешь? Соболев в ответ протянул свободную руку. Налили в стакан внимательно наблюдая, как пассажир пьёт, не дай бог шандарахнет по башке, стеклянный стакан в правильных руках - серьёзное оружие.

Затем конвоиры потеряли к Соболеву интерес и тихо разговаривали. Подследственный лихорадочно рассуждал борясь с внутренними противоречиями: рискнуть и сбежать, либо тупо ждать встречи с генералом. Авантюрное начало победило, Виктор вспоминал занятия по самообороне, особенно той части, где требовалось освободиться от соперника. План созрел быстро, осталось точно рассчитать порядок своих действий. Днём сопровождающие меняясь по очереди уходили в вагон-ресторан. Последний принёс салат, пожарские котлеты и клюквенный морс. После голодного тюремного пайка, такое меню просто объединение. Первый раз вывели в туалет вдвоём, внимательно присматриваясь к встречным пассажирам. Второй раз - сопровождал уже один, видимо успокоившись подавленным состоянием учёного. Соболеву было интересно узнать, как инструктировали конвой по его особе. Судя по поведению, угрозы в безобидном гражданине не видели, возможно и не знали, что везут офицера КГБ, а следовательно какую-никакую подготовку имевшего.

Последний раз, перед сном его выводил тот, что держал пистолет в кобуре справа. Процедура уже отработана - отпирается дверь в туалет, охранник прижимает массивной тушей, чтобы не

оставлять пространство для манёвра, отстёгивает браслет и запирает дверь универсальным ключом "трёхгранкой" снаружи. Левше было не очень удобно отщёлкивать наручник и в тот же миг, когда рука оказалась свободна, Соболев со всей дури носком ботинка вмазал по щиколотке амбала. Никакая подготовка не спасает от страшной боли, в следующий миг Соболев размахнулся и двинул сжавшемся и готовому закричать человеку по шее. Тело рухнуло. Соболев выхватил из кобуры "макаров", запасную обойму, служебное удостоверение и кошелёк. Из безвольных пальцев забрал ключ. На шум приоткрылась дверь служебного купе, беглец втолкнул испуганную проводницу назад, рывкнул: "Молчать или пристрелю", метнулся в тамбур и лихорадочно елозя ключом, отпер дверь. В лицо ударила спрессованная струя воздуха, а в уши грохот колёсных пар, сделал шаг и оттолкнувшись, нырнул в черноту ночи навстречу мелькающим кустарникам вдоль насыпи.

13. Серебряков. Работа над ошибками

Побег Соболева, да ещё таким дерзким способом, выбил ветерана из колеи. Да, что за чёрт из коробочки этот старлей. Ведь был абсолютно нормальным парнем, добросовестным сотрудником, Доос о нём хорошо отзывался. Отчего психика и поступки кандидата в КПСС, словно перевернулись с ног на голову. Полковник Серебряков читал рапорта конвоиров, высланные в ленинградское управление. Расследования и показания свидетелей ничего не дали. Пострадавший сотрудник отмечал умелое владение Соболевым специальными навыками рукопашного боя. В личном деле капитана Ерохина значилось, что тот недавно подтвердил на областных соревнованиях звание мастера спорта по самбо, а тут такой сюрприз от учёного физика, больше склонного к аналитической работе, чем к жёсткой расправе. Серебряков всё чаще возвращался к словам бывшего подчинённого о своей миссии из будущего. Если принять за правду, то немудрено представить чему только не научился в своём будущем этот попаданец. Но ведь чушь собачья, абсурд.

Серебряков затушил очередную сигарету. После дерзкого побега звон пошёл по всей цепочке, начиная от низового звена

ленинградского руководства подразделения "Ф", до московских генералов на самом верху. Искусный, коварный и опытный враг, иначе не скажешь. Резкий звонок оборвал рассуждения полковника. Длинный сигнал означал межгород, не иначе Москва, а кто же ещё.

- Полковник Серебряков.

- Здравствуй, полковник! У нас всё интересней: похищено табельное оружие, служебное удостоверение, к тому же твой Соболев разжился бумажником с казёнными деньгами и командировочным предписанием. Капитан отстранён до конца расследования, в лучшем случае уйдёт в народное хозяйство. Николай Трофимович, твой Соболев не учёный, а прямо Джейм Бонд, а служил под твоим началом, между прочим. Откуда у парня такая прыть?

Голос Арефьева не предвещал ничего хорошего. Серебряков с трудом сдерживался - в который раз вынужден отвечать за чужие ошибки. А ведь несколько дней назад, после успешного задержания, со стопроцентной доказательной базой, генерал сыпал панегирики. Какого ляда понадобилось тащить Соболева в столицу. Что не справились бы сами? В глубине души, ветеран даже гордился бывшим подчинённым, вон как ловко выкрутился и заработал временную свободу. Другой вопрос зачем, всё равно поймают и к статье терроризм добавят побег, разбой, угроза жизни сотруднику спецслужбы. Меж тем голос с Лубянки продолжил:

- Твой протеже объявлен во всесоюзный розыск. Срочно собери материалы по всем командировкам Соболева, родственники, знакомые, личная жизнь, ну сам знаешь и перегони в Москву. На своём уровне реши вопрос наблюдения за квартирой матери и в адресах выявленных связей. Узнай в спецзаведении, где старлей проходил подготовку и аттестацию, его способности по физическим дисциплинам, особенно по боевым искусствам. Подыми учёбу в школе, университете, короче всё, не мне тебя учить.

- Слушаюсь, товарищ генерал. Материалы уже начал собирать.

В адресе, где проживал Соболев дежурят сотрудники. Известно, что у него была знакомая и несколько товарищей по университету и школе. Из командировок на памяти всего три, одна совместная, когда допрашивали "туриста-самозванца" Панкратова. У меня всё.

- Ладно, Коля, не держи зла. Меня тоже шерстят и в хвост, и в гриву. Жду результатов. Будь здоров.

Серебряков трубку опускать не стал, а набрал домашний Чистякова. После всех событий, свалившихся на голову, полковник испытывал усталость и обиду. Конечно "подвиги" Соболева вызывали отторжение и праведное чувство гнева, но где-то в глубине Серебряков испытывал уважительное негодование, вот мол какой стервец - умный, инициативный, решительный и безжалостный. Хоть отправляй на переподготовку для кадров внешней разведки. И ведь уживается в одном человеке страсть к физике и авантюризм боевика. На другом конце ответили.

- Будьте любезны, попросите Николая Фёдоровича. Ах, на работе, извините. Моя фамилия Серебряков я перезвоню или пусть свяжется со мной по рабочему телефону.

Странно, какая работа? Лаборатория на время расследования закрыта и Чистяков решает, должно быть, свои проблемы из будущего, а может "квасит" с дружкой Петрушевским. Всё замерло, тупиковая ситуация в которой требуется действовать, а вот как - вопрос! В кабинете никого. Свободные сотрудники занимаются сбором информации по бывшему коллеге. Скучно, чего-то не хватает. Серебряков боялся признаться себе, что не хватает как раз Соболева. Разрушен баланс мудрого, опытного оперативника, мастера комбинаций - с одной стороны и юношеский задор учёного, готовность отстаивать мнение, интеллигентность, как выяснилось не только - с другой. Николай Трофимович, собрался было в служебную столовую, как проснулся телефон.

- Здравствуйте, это Чистяков. Искали, Николай Трофимович?

- Да, нужно встретиться. Подтягивай своего друга и дуйте на известный адрес. Сможете часика через два? Ага, спасибо, до встречи.

"Совещание" началось без общих разговоров и прибауток Чистякова. Полковник ошарашил попутанцев следующим заявлением:

- Нарушаю инструкцию и посвящаю вас в служебные дела: подследственный Соболев во время этапирования в Москву, напал на конвой и сбежал из поезда в районе Вышнего Волочка. Поиски пока ничего не дали, беглец объявлен во всесоюзный розыск. Мой главный вопрос вам: могло это случиться, при условии, что Соболев тоже из будущего, а значит знал всё наперёд?

Серебряков внимательно наблюдал за реакцией попутанцев. Петрушевский был ему понятен и предсказуем: трусоват, ведомый, то есть поддающийся чужому влиянию, но местами инициативен и не глуп. А вот Чистяков, с его шутками-прибаутками, умён, если не гениален в области физики времени, однозначно лидер, хитёр, сам себе на уме. Что будущий завлаб там готовит для седовласового, калёного временем ветерана КГБ? "Плевать на инструкции, мне важен любой штрих, малейшая подробность из короткой жизни предателя Соболева" - рассуждал Николай Трофимович. "Ведь я этому паршивцу давал характеристику на учёбу в спецшколе и рекомендовал в кадрах на аттестацию оперативника-аналитика. Собирался ходатайствовать о присвоении очередного звания. Главное - откуда в парне взялась червоточина и прыткость, граничащая с безумием".

- Николай Трофимович, поясните, что вы имели ввиду? Насколько я понимаю, действовать из будущего он не может. Во-первых, со мной и Дмитрием всё в порядке, а значит в будущем Соболев лишён возможности пользоваться машиной времени. Во-вторых, имея он такую возможность, зачем городить огород, а если и

совершил ряд фатальных ошибок, то можно откорректировать свои поступки.

- Другими словами, Соболев никак не мог из будущего управлять своей деятельностью в рамках ОЛИБ и повседневной жизни?

Чистяков задумался, зачем-то покрутил пуговицу на куртке. Размеренно, как на лекции, тезисно пояснил:

- Товарищ полковник, начну с азов нашей непростой и парадоксальной деятельности в области управления времени. Объект, физически не переносится в заданную точку, это расхожая версия писателей-фантастов. Если принять её на веру, то физическое лицо должно возникнуть в чём мать родила, поскольку процессы возникающие при попадании в матрицу времени могут воздействовать только на биологический объект. На самом деле, переносится личина индивидуума, его сущность. Подобная метафизика закреплена десятками опытов, я просто не смогу объяснить вам сейчас природу явлений вне их взаимных связей, вне движения, изменения и развития. Если проще, то наше сознание возвращается из будущего в мозг объекта, в заданную разработанной нашей лабораторией точку прошлого. Мы с Димой для вас молодые люди, но если закрыть глаза и представить нас пожилыми людьми, например вашего возраста, то это будет абсолютная правда. В голове остаются воспоминания и хронология всех событий до 2018 года. Мы словно писатели, следуем по страницам книги, написанной историей для каждого индивидуально. К слову скажу, что скачки в прошлое за рамки, отпущенные временем жизни, маловероятны. Скорей всего наука долгое время будет исследовать только эту данность - жизнь от рождения до смерти. Другой вопрос - обладая запасом знаний на десятилетия вперёд, появляется возможность влиять из прошлого на будущее. Не утомил?

Серебряков вникал в каждое слово, многое в своё время объяснял его заместитель по ОЛИБ, Соболев. Молодой учёный с пафосом раскрывал перспективы, открывающиеся перед

человечеством после изобретения машины времени. В голове выстраивались цепочки умозаключений. Первое - Соболев действовал сообразно обстановке и своего видения реальности. Второе - побег импульсивная реакция перед страхом наказания и неминуемого конца. Третье - природный ум вкупе с аналитическими способностями и навыками рукопашного боя, привитыми в школе КГБ, придали уверенности в совершении побега. Четвёртое - что беглец предпримет дальше? Это ключевой вопрос и ответ на него сегодня он не получит.

- Значит в ситуации с Соболевым влияние будущего исключается?

- Абсолютно. Ваш беглец, - Чистяков перехватил недобрый взгляд полковника, - мог довольствоваться знаниями из этой жизни. Он даже не подозревает, что его воскресили и вернули в русло повседневной жизни. Его планы, с нашей помощью, оказались под контролем. Но дальнейшие поступки мятежного злодея - вне моей компетенции. Остаётся пожалеть, что создали вам проблемы. Возможно и не стоило его воскрешать?

Повисла тишина. И Серебряков вдруг осознал - прав Чистяков, оставь всё как было, вернулись воспоминания похорон старшего лейтенанта КГБ Соболева, некролог в вестибюле управления, а затем коррекция кадрового состава ОЛИБ. Внутри зрело глухое раздражение на этих самодовольных пацанов с мозгами умников из далёкого будущего. Того будущего, где уже не было места для пожилого ветерана, а взрослая дочь водила бы внуков к дедушке на могилу Ковалёвского кладбища. Тут же оборвал себя - нет, всё правильно решили. Он всегда защищал главенство закона, смерть Соболева под колёсами, фактор непреодолимой силы на который осмелился повлиять учёный из двадцать первого века. Но ведь останься всё как было, не было попытки взорвать лабораторию. Тут Серебряков зашёл в тупик и перестал мерить поступки сослагательным наклонением. Надо разгрести дерьмо после старлея, найти и грохнуть при попытке к бегству, вот и вся недолга! Но озвучил лишь первую часть:

- Нам разгрести дерьмо после старлея. Мне было важно ваше видение. Ещё вопрос: никаких воспоминаний по этому эпизоду не всплывает? То что он больше не возник в вашей жизни и исследованиях лаборатории, наверно хорошо, значит зло победили, а как это произошло вопрос ближайшего, я надеюсь, будущего.

Чистяков и Петрушевский дружно изобразили неведение и отрицательно качали головами.

- Тогда ладно. У меня больше нет вопросов. - но уловив в глазах Петрушевского болезненное замешательство, добавил, - Может сами хотели спросить чего?

- Меня интересует такой момент, а вдруг беглец объявится в нашей сегодняшней повседневной жизни? Проявить своё знание или сделать вид, что ничего не случилось?

- Сделать вид, никакой инициативы и немедленно позвонить мне. Но такую возможность я исключаю, вы для него никто...

14. Соболев. Сбитый лётчик

Трава была мокрая. Соболев это сразу почувствовал, очнувшись после падения. Больно давил в кармане наспех сунутый пистолет незадачливого конвоира. Где-то вдали ещё были видны огни удаляющегося экспресса "Аврора", до ушей долетел тревожный сигнал электровоза. Значит вырубился ненадолго, а теперь бегом отсюда, благо воспользоваться стоп-краном гебисты не решились. Соболев представлял, как охрана подняла тревогу, вызвала бригадира и через диспетчера передали сообщение о побеге в линейный отдел милиции. Скоро узнает Москва, следом Питер, а там и всесоюзный розыск.

Система поиска беглых преступников отработана давно и в большинстве случаев, беглецов задерживали и добавляли новый срок. В случае с бывшим старшим лейтенантом, к 188 статье УК РСФСР (побег из-под стражи), приплюсуют статью за нападение на сотрудника при исполнении и завладение оружием. Хищение служебного удостоверения и бумажника с деньгами, в таком аспекте - дело второстепенное. А если добавить такую "мелочь", как терроризм, то жить Соболеву до исполнения приговора. Но пока приговор откладывается, надо сделать всё, чтобы уйти на нелегальное положение и как можно дольше. А там глядишь и... Что дальше не знал сам Виктор Сергеевич Соболев.

Пока энергично продирался через лес в сторону от железной дороги, вновь и вновь пытался разобраться, как за неделю из успешного учёного, ведущего исследования в закрытой лаборатории и по совместительству оперуполномоченному КГБ, он трансформировался в опасного преступника. А казалось всё так просто и ненаказуемо: взрыв (конечно без жертв), место завлаба уже без Дооса и его шлюхи, новые горизонты и через пару-тройку лет опытный образец. Затем доклад на научном совете, внеочередное звание, награждение закрытым приказом, новые горизонты и возможности. Увы! Но как же его выследил Серебряков? Этот вопрос висел в воздухе и не давал покоя. "Знал один Петрушевский, но я ему всё разложил по полочкам и дал понять, что того ждёт в случае сопротивления. Шантаж - действенный метод и без давления или особых обстоятельств, Дима ни за что не стал закладывать куратора. Чистяков вообще не в теме. Где утекло, почему его взяли с поличным?", - рассуждал Соболев и не находил ответа.

Остановился перевести дыхание, проверил свой "багаж". Корочка КГБ, ПМ с полной обоймой, кошелёк, но в темноте пока неясно сколько там денег. Своя расчёска, часы, записная книжка, спички, сигареты и носовой платок. Вот и всё - маловато, чтобы начать новую жизнь. Куда ехать он давно решил, главное добраться побыстрее до места. Адрес он запомнил ещё тогда, когда четыре года назад полковник Серебряков, дал ему почитать личное дело будущего физика-ядерщика Зуева Валерия Игнатьевича. Соболев впервые столкнувшийся с попаданцем, к тому же коллегой и с интересом

перечитывал рассказ Зуева о научных разработках лаборатории из 1998 года. С Зуевым не всё ясно, в будущем он тоже монтировал в своём отделе прототип машины времени. Оттого учёного отправили в Ленинград для собеседования с Соболевым, но по дороге Зуев пропал. Поиски ничего не дали, лишь спустя три года обнаружили тело Зуева. Виктор вспомнил слова Серебрякова: "Черепно-мозговая травма. Похоже выпал тогда из поезда или помогли. Труп опознан, пролежал в яме под откосом, первый раз искали халатно и пропустили разгильдяи линейщики, что с них взять, с ментов областных. Теперь это дело местной уголовки, нам же зафиксировать факт и вычеркнуть из списка разыскиваемых попаданцев". В итоге дело легло в архив.

Все эти подробности Соболев прорабатывал ещё в камере СИЗО, когда взвешивал и прикидывал варианты побега. План прост и оригинален: добраться до столицы. Далее по адресу: Ленинградский проспект, дом 64 корпус 1, квартира 256. Познакомиться с родителями, войти в доверие и напроситься переночевать, а ещё лучше остаться на несколько дней. Искать Соболева на квартире погибшего никому не придёт в голову, тем более в столице, в получасе езды от Лубянской площади. Главное, определиться по обстоятельствам, как-то изменить внешность, затем двигаться дальше. В школе КГБ Соболева готовили по индивидуальной программе, правда дисциплины по нелегальной работе не изучались. Зато проходили особенности психологии, умение общаться с людьми и другие навыки сотрудника спецслужбы. Сейчас беглец чётко сознавал, что спустя несколько дней в каждом отделе милиции и районных подразделениях КГБ, будут мозолить глаза ориентировки на Соболева Виктора Сергеевича - вооружённого и опасного преступника. Отдельной строкой: "при обнаружении и невозможности ареста, применять оружие на поражение".

Где-то за сплошной стеной деревьев прорезался чуть слышный звук мотора машины. Это прибавило сил и включило мысленный сценарий, как воспользоваться попутным транспортом. Остановился, зажёг спичку. Взглянул на часы и полез в кошелек, пересчитать наличность. Скучные средства в количестве пятидесяти рублей, позволяли как-то договориться с водителем и несколько дней

прокормиться на вольных хлебах. Прошло больше двух часов с момента прыжка в темноту. Трудно представить, чтобы из леса вдруг выскочили оперативники с собаками, но торопиться в его положении - главная задача на ближайшее время. Вперёд, быстрее! Побежал дальше путаясь и цепляясь за невидимые препятствия в мрачном сумраке леса. Шоссе появилось внезапно. Теперь пешком до первого дорожного знака. Если принять условное направление поезда на юг, а дорожную полосу посчитать параллельным вектором, то следует двигаться налево. Идти по асфальту, неизмеримо легче. Вдали обозначился свет фар, Соболев сошёл с обочины и присел в придорожной канаве. Грузовик двигался не слишком быстро, поэтому успел разглядеть подсвеченный автомобильный номерной знак МОЛ 19 46. Ага, первые две буквы московский индекс. Понадобилось пропустить ещё несколько автомашин, в том числе и с тверскими номерами, прежде чем понять, что движение в сторону столицы выбрано правильно. Пора голосовать. Беглец, отряхнувшись как мог, уже не скрываясь вышел на дорогу и поднял руку.

Гружённый под завязку ЗИЛ-130 тормозил долго. Пожилой водила распахнул пассажирскую дверь.

- Здравствуйте, мне в Москву. Не по пути?

- Привет, может и по пути, мне какой прок?

- Вот лишняя пятёрка завелась, на бензин. Больше не могу, возьмёте?

Машина тронулась. Соболев уселся поудобней и прикрыл глаза, чтобы не выдать волнение. Водитель внимательно посмотрел на пассажира. Ночью обычно голосуют дорожные проститутки иначе "плечевые", а тут странный мужчина в грязном костюме неизвестно откуда, без сумки. Минут десять ехали молча, водитель не выдержал:

- Откуда ты, браток в такое время, без багажа?

- У чужой бабы был, да муж вернулся, пришлось дать стрекача. Но заблудился в здешних лесах пока не выбрался на дорогу. А приезжали в командировку с друзьями, собрались в столицу, да тормознулись в кафешке. Выпили, познакомился с тёлкой, корешам говорю, мол захватите мой чемоданчик, я свои ходом вернусь.

Шофёр недоверчиво слушал, затем резко затормозил.

- Вот что, парень, не похож ты на гуляку. У меня глаз намётан, мутный та какой-то, взъерошенный. Лови другую машину, а со мной не по пути!

Замёрзший и вымотанный последними часами Соболев, покидать тёплую кабину не хотел. Привычным движением достал удостоверение и развернул перед водителем.

- А так по пути? Не задавайте, гражданин, лишних вопросов, иначе они появятся у меня. Поехали!

Шофёр успокоился и уважительно произнёс:

- Извините, товарищ капитан, так понимаю у вас особый случай, довезу в лучшем виде. Я власть уважаю.

Машина тронулась дальше, больше неудобных вопросов не возникало. Говорили на общие темы, о погоде, столичных заторах и плохих дорогах в Новгородской области.

- Если не трудно, "выкини" меня в районе Лубянской площади.

Попрощался с Иванычем на улице Горького, вручил

обещанные пять рублей и дождался, когда грузовик скроется в утреннем потоке просыпающегося города. Нырнул в метро "Охотный Ряд" - как можно скорей из цента, от веющего холодка Лубянской площади, от дежурившего милиционера, от небрежно брошенного взгляда дежурной по станции. Нервы шалют, такого напряжения для неподготовленного, пусть и бывшего чекиста, он раньше не испытывал. А надо ещё привести себя в порядок и подготовиться к встрече с родственниками Зуева. Часы показывали девять утра, когда Соболев, вышел из вестибюля метро "Сокол", адрес совсем рядом, достаточно повернуть налево и пройти сотню метров. Но это он узнал, после того, как обошёл микрорайон. Из прошлых поездок в Москву, он запомнил "стекляшку" дома быта на "Ленинградке", к ней и двинул. Химчистка располагалась на первом этаже. Объяснил приёмщице, что собирается на свадьбу, но подрался с хулиганами, перепачкался и хотел бы срочно привести одежду в порядок. Приёмщица заартачилась, мол вещи надо сдавать и ждать, что порядочные люди с утра не дерутся. Вновь выручило удостоверение Ерохина, сотрудница заулыбалась, выдала Соболеву чёрный рабочий халат и ворчливо молвила:

- Переоденьтесь, выньте вещи из карманов. - она протянула Соболеву бумажный пакет, - Почитайте журналы. Сейчас приведём одежду в прядок, это же надо так изгваздать брюки.

Переложил пистолет и остальное в пакет. Пока ждал, рассмотрел удостоверение, выданное Ерохину Виктору Сергеевичу, состоящему в должности старшего оперуполномоченного. "Тезка, это хорошо. Да и внешне похож. Вот ведь свезло, прости Ерохин, по возможности верну ствол и ксиву, правда тебе это уже не поможет".

Через сорок минут Соболев спрашивал у прохожего, где ближайший универмаг. По пути попалась оптика, что было весьма кстати. Купил очки с минимумом диоптрий, примерил - то что надо. В универмаге первым делом высмотрел типовой чемоданчик командировочного, с таким когда-то ходил в баню. Но выбрал всё-таки портфель. В галантерейном отделе купил мыло, зубную щётку, станок для бритья, одеколон и полотенце, сложил командировочный

комплект в кейс, туда же втихаря сбросил ПМ. В секции головных уборов приглянулась летняя соломенная шляпа. Теперь готов представится неведомым людям, а главное слегка изменил внешность - небритый мужчина в шляпе и очках, на вид за тридцать. Перекусил в пышечной, про себя отметил, что здешние изделия не чета питерским ноздреватым и хрустящим вкусняшкам. Всколыхнулись воспоминания - последний раз ел пышки вместе с Петрушевским после памятной драки в саду Карла Маркса. Как давно это происходило, кажется не в этой жизни.

Настроение поднялось, пора приступать к следующей фазе - обрести крышу над головой. Недолго потоптался перед солидной дверью обитой дерматином, перетянутой полосками по диагонали и прихваченными гвоздями с декоративными шляпками. На табличке надпись: "Зуев Александр Евгеньевич". Соболев нажал кнопку и внутренне сжался - знакомо отозвался звонок, ведь у них с мамой такой же на Кондратьевском. Распахнулась дверь, пожилая женщина с печалью в глазах, вопросительно смотрела на гостя.

15. Петрушевский. Там хорошо где нас нет!

Когда попаданцы вышли из конспиративной квартиры, Петрушевский поинтересовался:

- А мы можем сами найти Соболева или как-то повлиять на события?

Чистяков, последние минут пять находившийся в глубокой задумчивости, очнулся и мрачно констатировал:

- Да, можем! Другой вопрос - надо ли нам это?

Они дошли до Литейного и повернули в сторону моста. Погода отличная, прогуляться под свежим бризом, тянувшим с Невы, одно

удовольствие. Мост слегка вибрировал от грохота снующих трамваев. Петрушевский вдруг вспомнил, как старшекласником ходил смотреть на реконструкцию моста в 1966 году. Особенно впечатлял огромный кессон, в котором перестраивали бык вблизи берегового устоя.

- Дима, давай отталкиваться от того, что наше мироощущение сейчас и в будущем, которое мы отчётливо воспринимаем, не изменилось. А значит, я по прежнему руковожу лабораторией и Соболева рядом нет. Так нафига нам соваться в дела чекистов, пусть сами разгребают дерьмо старлея - в семье не без урода. Мы воскресили негодяя, чтобы он ответил по заслугам, но никак не планировали его побег из под стражи. Не сомневаюсь бегать ему недолго... Впрочем, постой-ка, есть одна заковыка, в его положении вариантов всего три: первый - сдаться и возможно избежать расстрела, второй - бегать пока не поймают и уничтожат, третий - самый авантюрный и самый нехороший во всех отношениях - попытаться связаться с американцами, попросить политического убежища, в замен, сам понимаешь, отдать свои знания и опыт.

Петрушевский даже остановился от неожиданности. Ведь затравленному беглецу, осознающему, что в лучшем случае, его ждут годы тюремного режима, такой выход рано или поздно придёт на ум. Ведь заниматься "темой" за колючей проволокой никто не позволит, это не сталинские шарашки, время другое. Чистяков облокотился на перилла и мрачно смотрел на беспокойную поверхность Невы и горланящих чаек.

- Во видишь, предусмотреть всего мы не смогли. Я изначально считал, что амбициозный Соболев покается и выйдет через десяток лет на свободу, вернётся к науке и возможно найдёт своё место в будущей жизни. Поторопился я, и тебя втянул. Если честно, руководствовался не только гуманными принципами, а возможностью проверить свои силы по воскрешению и повлиять на историю. С тобой всё прошло гладко, спасли Светлану Петровну, а с твоим куратором затык. Кто мог предположить дерзкий побег. Придётся снова вклиниваться в историю и делать коррективы.

- И что, опять мне "проглядеть грузовик"? - в голосе Дмитрия сквозила злость и досада, - Да и хрен с ним, Соболевым, не наше дело. Хватит Коля экспериментов!

- Нет не хватит, только теперь я обойдусь без тебя. Спасибо за помощь, дальше каждый по себе. Вернёшься на свою дачу и радуйся жизни.

Он резко развернулся и решительно зашагал в обратную сторону. Петрушевский догнал его, меньше всего хотелось ругаться. За это время он сблизился с учёным и питал к нему уважение, если не дружеские чувства, то благодарность за жену и неожиданные приключения на склоне лет.

- Вить, ты не гоношишься, а то сразу развод и "девичья фамилия". Моя точка зрения в этой ситуации не решающая, ты расскажи чего удумал, если пригожусь, то всегда с тобой. Мир? - и протянул руку Чистякову.

Тот улыбнулся и пожал ладонь.

- Не серчай, стало так погано, а тут товарищ тянет в сторону. Знаешь анекдот? "Боец! Нужно уничтожить вражеский танк! - Я мигом, товарищ командир! - Нет, "МиГов" не дождёшься. Давай лучше "мухой". Мы этого Соболева "мухой". Но придётся привлечь нашего лучшего друга и наставника - полковника Серебрякова.

- Я не понял к чему ты это сказал, но всё равно согласен.

Оба рассмеялись, возвращались к Большому дому в надежде - два хорошо, а три ещё лучше. Из проходной Петрушевский позвонил Серебрякову.

- Николай Трофимович, тут возникли новые соображения, нам бы встретиться, мы ушли недалеко, звоним с низу.

- Хорошо, сейчас перезвоню дежурному, паспорта с собой? - и ворчливо добавил, - С вами только инструкции нарушать.

Через пять минут сидели в кабинете. Чистяков, впервые попавший в "закрытые" стены Конторы, озирался на казённую обстановку, Петрушевский привычно и раскованно сел на диван. Серебряков поливал одинокий фикус, закончив повернулся к заговорщикам.

- Выкладывайте!

Чистяков повторил недавние сомнения на мосту, и поймав взволнованный взгляд полковника, продолжил излагать свои соображения по плану скорейшей поимки беглого старлея.

- Сказать по правде, такое мне в голову не приходило, но мотивации логичные. Хватило смелости сбежать, может набраться духу искать возможность перебежать за кордон. Это уже из ряда выходящее событие, но сбрасывать со счетов такой поворот не имею права. В голову Соболеву не залезешь, решиться на измену Родины, не считаясь с матерью, друзьями, идеологической подготовкой, просто редкостное гадство. Но и побег устроил не хлюпик зарывшийся по уши в науку, а профессионально подготовленный боец. Давайте так, ребятки, я обмозгую ваше предложение, Николай, свяжитесь со мной вечером или завтра с утра, чтобы определиться с коррекцией. Лаборатория будет закрыта ещё три дня, времени вагон. Вот пропуск, а ты Дима задержись пока.

Чистяков удивлённо взглянул на полковника, затем недоумевающего Петрушевского, попрощался и вышел. Когда

бесшумно закрылась дверь, Серебряков потёр руки и предложил:

- Раз уж ты здесь, Дима, хочу с тобой поговорить вот о чём. После всех событий с ОЛИБ, я твой новый куратор. Подписку о сотрудничестве никто не отменял. В этой жизни, независимо от твоих особенностей существования там и здесь, обязательства надо не забывать и выполнять договорённости, прописанные в этом документе. Если забыл прочти ещё раз.

Серебряков протянул листок бумаги с печатями регистрации и грифом секретности. Петрушевский представить не мог, что полковник решится на подобный шаг. Из будущих познаний, напластованных от чтения литературы о работе спецслужб, негласник помнил, что такие вещи хранятся в картотеке ведомства под спудом запретов и ограничений допуска. А тут, на тебе - освежи память. Понять поступки старого, опытного оперативника, трудно. С одной стороны, полкан верный и преданный слуга могущественной государственной структуры, с другой - способность идти на компромисс, никогда не рубить с плеча, прислушиваться к мнению коллег, уметь признавать и исправлять свои ошибки. Петрушевскому нравился этот дядька, в чем-то подменяющий отца, которого Дима видел пару раз в детстве, прежде чем тот исчез навсегда.

Сосредоточился на тексте: "Я, Петрушевский Дмитрий Сергеевич, паспорт: номер, серия, проживающий: город Ленинград, Нейшлотский переулок, дом 1, квартира 117, добровольно обязуюсь сотрудничать с отделом "ОЛИБ" при главном управлении КГБ по Ленинграду и Ленинградской области. Информировать своего куратора о тех или иных событиях, связанных с работой отдела и о любых, ставших ему известных действиях, представляющих общественную опасность. Выполнять задания куратора, а в особых случаях вышестоящего начальства. В отчётных документах буду расписываться под псевдонимом "Попаданец". Я обязуюсь держать в тайне свою деятельность и предупрежден об ответственности за нарушение данных обязательств". Усмехнулся.

- Вот и пригодился пункт о вышестоящем начальстве. Ничего

нового, Николай Трофимович, не узнал. От своих обязательств не отказываюсь и тому подтверждение мой резонансный звонок три недели назад по Соболеву. Мы с Чистяковым считаем себя косвенно причастными к побегу и предложили свою помощь в поимке беглеца. Мне, сказать по правде, его совсем не жаль, я без давления напарника, не стал бы вытаскивать этого оборотня из могилы. Погиб и погиб, пусть не на боевом посту, а в результате несчастного случая, но ушёл из жизни честным сотрудником.

В кабинете воцарилась тишина, добавить нечего и оба это понимали. Наконец, полковник встал и прошёл к тумбочке с чайником. Вставил в розетку вилку электрического шнура, достал кубик грузинского чая.

- Чаю будешь? - и кивнул на стаканы в красивых подстаканниках с эмблемой КГБ - мечом пригвождённым к щиту серпасто-молоткастой звездой.

- Не откажусь, Николай Трофимович. У вас там конфеток никаких не имеется?

Вместо ответа старший товарищ поставил розетку с кусковым сахаром. Улыбнулся и добавил:

- Вот сахарком балуйся, мы так до войны и после разговлялись, сахаром да сушками. Оригинальный план по Соболеву. Признаться, я мог бы и сам догадаться, но молодцы.

- Уважаемый Николай Трофимович, вы же понимаете, что в заданных обстоятельствах, наше предложение осуществимо только мной или Чистяковым. Во время памятной встречи, я всего лишь добавлю возникшую ситуацию с побегом и предупрежу в подробностях когда и где это произойдёт. Простая задача для вас, надо либо предупредить конвойных, а ещё лучше этапирование в Москву отменить.

Серебряков усмехнулся.

- Разберёмся, как только узнаю дополнения к рассказу о готовящейся диверсии. Да, были в управлении светлые головы, такие крутили комбинации, в будущем и не снилось, но чтобы вот так, фантастично возникла информация на упреждение. Доложу, естественно, наверх, хотя лично считаю, что обязаны разобраться сами. Это удар по самолюбию, пощёчина системе, а спецслужбы такие сюрпризы не любят и жестоко карают бросивших вызов "смельчаков". Вот что, Дима, устал я от этой хрени. Предлагаю перекусить и выпить, но не здесь, а на Войнова. Давай заскочим в магазин и поговорим за жизнь, "старый" малый.

Серебряков рассмеялся и добавил:

- Хотя ты старше меня. Сейчас тебе двадцать два, а мне к шестидесяти, ну не чушь ли в этом извращённом настоящем, откорректированном будущем. Вот, не только ты мастак умные речи толкать.

Мужчины не сговариваясь рассмеялись и собрались на выход из казённых стен Большого дома. После гастронома на улице Чайковского возвращались в приподнятом настроении - вроде разрулили ситуацию с Соболевым. На конспиративной квартире раскидали закуску, последовали первые тосты.

- Дима, тебе там в будущем не скучно?

- Если в философском смысле, то нет, не скучно. Созидательная фаза у людей протекает до последнего дыхания. А по человечески, то скучаю по сегодняшним брежневским временам, которые так легко окрестили периодом застоя. Правда, правда, не то чтобы технический прогресс с его мобильными телефонами,

интернетом, космическими туристами и кучей других новаций плохо. Плохо, что потерялось спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. Будущие политики врут во всем, душат налогами, инфляция скачет, цены растут. Да, исчез дефицит и появилось новое слово - мониторинг рынка, люди ищут не сам товар, а где его можно приобрести дешевле. Я буханку хлеба сегодня куплю за четырнадцать копеек, а будущем за пятьдесят рублей. Могу говорить об этом без конца. Там хорошо где нас нет!

16. Соболев. Особенности бытия нелегала

- Здравствуйте! Меня зовут Ерохин Виктор Сергеевич. Я учился на физмате в Ленинграде, пересекался с вашим сыном на практике, вместе отдыхали в кафе, он тогда дал свой адрес и приглашал в гости. Правда давно не виделись, но вот заглянул с оказией.

Женщина сжалась и жестом пригласила войти. Соболев, конечно понял сложность ситуации, ведь он своим жизнерадостным видом давал знать, что не ведает о семейной трагедии.

- Проходите, Виктор, поставлю чай. Значит общались с Валерочкой? А его ведь больше нет, погиб три года назад - нам сказали, что его сбросили с поезда. А бандитов так и не нашли...

Она сглотнула, было видно как матери трудно говорить. В незнакомом человек она искала сочувствие и хоть какую-нибудь отдушину, чтобы чуть унять неутихающую боль по родному человеку.

- Господи, горе какое! Примите мои соболезнования.

Женщина словно не слыша Соболева продолжала:

- Александр Евгеньевич, скоро придёт, Он тоже физик, доктор наук. Читает лекции в НИИ ядерной физики имени Скобелева, при МГУ. Теперь вот навещаем по выходным могилку Варелика. Значит знакомы, но не дружили?

Завязался ни к чему не обязывающий разговор, прерванный звонком.

- А вот и папа Валеры.

Хозяйка прошла в прихожую, о чём-то тихо поговорила и вернулась с грузным представительным мужчиной, интеллигентной внешности. На лице лежала тень от потери сына - скорбные морщинки в углу рта, та же печаль в глазах, что у жены. Горе поселилось в памяти родителей навсегда. Он протянул руку.

Соболев внезапно подумал, а ведь будь готов образец, можно отмотать десятилетия и приземлиться летом 1968 года в кабинете генерала Ерохина и предупредить того о грозящей попаданцу Зуеву опасности.

- Давайте знакомиться. Александр Евгеньевич, профессор. Анна Вадимовна шепнула, что вы тоже физик, это сближает. В какой области специализируетесь?

- Здравствуйте. Меня зовут Виктор. Занимаюсь связями времени и пространства с материей, также термодинамической энтропией в статической физике.

- Ого, будет о чём поговорить. С чем пожаловали к нам?

Соболев повторил свой рассказ, судя по выражению лица старшего Зуева, легенда показалась убедительной. Хозяин пригласил

гостя к столу и полез в буфет. Извлёк початую бутылку коньяка. Судя по недовольному выражению лица Анны Вадимовны, муж это делал часто и возможно обильные возлияния сильно влияли на микроклимат в семье. Но это не главное сейчас. Надо завязать разговор, желательно поменьше о погибшем сыне, побольше на общие темы или о физике, да научных исследованиях. Тут проблем не возникнет, всё-таки Соболев окончил физмат ленинградского университета с красным дипломом, кандидат физико-математических наук.

Молча помянули Валерия Зуева, закусили. Потихоньку завязался разговор на близкую обоим тему, что было на руку обоим - профессору тяжело вспоминать сына, а Соболеву гадко от собственного вранья о человеке, которого никогда не видел. Учёные живо спорили о фундаментальной физике, о течениях в науке и разработках в области изучения природы пространства и времени. Время летело незаметно. Наконец Соболев, что перевести дыхание отпросился на лестничную площадку покурить. Если алгоритм общения с незнакомыми людьми понятен и бесхитростен, то само существование в дальнейшем туманно и опасно. Нужны деньги, документы - на чужом удостоверении далеко не уедешь. Но главное - сама цель побега. Тогда он боялся срока, тюрьмы и возможно ликвидации. Но сейчас, такая возможность многократно увеличилась. В глубине сознания спасительным маячком мелькнула мысль о загранице. От идеи бросило в пот. А как? Придётся начать новую жизнь, с другой стороны, он уже её начал.

Вернулся в квартиру. На столе уже стояла новая бутылка, а хозяйева отчаянно спорили. До слуха донеслось:

- Саша! Сколько можно, ты ведь себя разрушаешь, с больным сердцем, столько пить. А что подумает гость?

Соболев кашлянул и шагнул в комнату.

- Гость возмущаться не станет, поскольку сам пьющий и

курящий. Главное - знать меру, не так ли, Александр Евгеньевич?

- Вот именно, молодой человек. В моём возрасте количество, не имеет значения. Здоровье после шестидесяти не восстанавливается. Завтра мне на третью пару, отосплюсь и опять как огурчик.

Профессор подмигнул Соболеву и наполнил рюмку. Посидели ещё около часа. Вопрос с ночёвкой решился легко, без ненужных словоизлияний и лишнего опостылевшего вранья. В разговоре, Соболев якобы неохотно признался, что по дороге в Москву, у него украли почти все деньги, а главное паспорт, командировочное направление и служебный пропуск. С вокзала позвонил в институт, естественно написал заявление в линейном отделе милиции, а после отправился в гости к Зуевым в надежде провести ночь, а следующий день посвятить хлопотам. Ну конечно же, к такому гостю хозяева отнеслись радушно - план бывшего чекиста сработал.

Заснуть сразу не получилось. События последних дней, подобно назойливым комарам, постоянно отвлекали и вновь проносились в голове. Воспоминания подвергались жесточайшему разбору. Зачем сбежал? Зачем завладел пистолетом и удостоверением? Вполне логичная схема поведения и линия защиты на Лубянке, предполагали мягкое наказание, никак не расстрел, изменой Родине тут не пахло. Ну дали бы несколько лет за подготовку диверсии на закрытом объекте КГБ, не пожизненное. Впрочем, ПЖ появилось в 97-м после распада СССР и присоединения России к конвенции о защите прав человека и основных свобод. Ведь Соболев хорошо знал историю страны. Доступ к делам попаданцев или, как говорили в Конторе "туристам", у него имелся. Читал немало, да сукин сын Петрушевский постоянно подпитывал рассказами о будущем. После анализа, перестал сомневаться в роли бывшего осведомителя - стукнул, как пить дать. Сам виноват, поддался иллюзии о другом восприятии реальности, доверился Диме и заработал головную боль на всю оставшуюся жизнь. "На всю оставшуюся жизнь, нам хватит горя и печали..." - слова из песни. Соболев вспомнил фильм, вышедший на экраны в прошлом году, а

кажется прошла вечность. А вечность это власть над временем. Возжелал и вместо машины времени получил далёкие от науки проблемы. И всё по собственной глупости!

Вернулся к воспоминаниям детства. Ведомственный детский садик от Смольного, где мать работала инструктором горкома. Больше всего запомнилась вкусная кормёжка, для особых детишек послеблокадного Ленинграда. И школа физико-математическая и университет с красным дипломом. Блата не было, а может и был да только юноша об этом не знал. ОЛИБ с подачи полковника Серебрякова и с его же лёгкой руки спецкурсы в так называемой "школе N 401" КГБ. Дорога вверх, до тех пор, пока не столкнулся с подводными камнями человеческих отношений, переросших в противостояние с начальником лаборатории Доосом.

Вспомнил Ольгу, которую отбил от хулиганов с конкретными намерениями. Тогда, в тёмной аллее Политехнического института, Соболев красиво поставил на место мазуриков и догнал убежавшую девушку. Они познакомились, отношения стремительно развивались и шли к традиционному финалу, но узнав, что суженный офицер КГБ, Ольга потухла и мягко ушла в сторону. Используя служебное положение, Виктор узнал, что отец возлюбленной - диссидент и осуждён звонкой, как пощёчина статье 190-1 УК РСФСР "Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй". А папу дочка очень любила и прониклась его идеями с малолетства. Нина Георгиевна, выпытав у сына подробности размолвки, злобно припечатала, как отрезала:

- Это к лучшему, не успел замарался женитьбой. Найдёшь достойную замену, а не дочку врага народа.

- Мама, какие враги народа сейчас, когда новый 1970-й на носу!

- Нет, сынок, враги никуда не делись, да время другое, власть с

диссидентами нынче церемонится, но сущность предателей всегда одна и та же - навредить Родине, изгадить чистое и светлое - нашу партию, наш народ, идущий к победе коммунизма.

Соболев привык к казённым формулировкам матери, и особого значения им не предавал. Но сейчас, когда его разыскивают по всей стране, когда Серебряков наверняка беседовал и предупредил о беглеце, ему виделось перекошенное гневом лицо родительницы и гордые слова отрешения от сына. Вопрос в формулировках и как полковник преподнёс его выкрутасы Нине Георгиевне. Николай Трофимович мужик умный, наверно смягчил новость об аресте, закамуфлировав подробности служебной тайной, но как знать старого волка, ведь тот злой на него - такая подстава перед пенсией.

Соболев проснулся рано. Вчерашние мысли навалились с новой силой. Надо что-то решать и срочно. Пока брился, аккуратно пропуская наметившиеся усы, решил прошвырнуться по городу и осторожно прочувствовать как в пульс мегаполиса вписывается его персона. Был один адрес, в который очень не хотелось идти, но выхода другого не было. Квартира принадлежала бывшему однокласснику и другу детства Лёшке Пичугину. Они дружили с первого класса до самого выпуска. Папа Алексея работал в Горкоме партии завхозом, мама - начальником госторгинспекции Смольнинского района. Как принято тогда говорить, "блатные" родители воспитывали единственное чадо в достатке и полном потакании большинства желаний. На дружбу с Витей Соболевым смотрели настороженно, ведь мама Витеньки, Нина Георгиевна, слыла крутым и принципиальным партийным функционером. Смерть мужа в конце войны закалила и озлобила женщину. На всех, кто шагал не в ногу с советским народом, вечным строителем коммунизма, мама примеряла ярлыки врагов и расхитителей социалистической собственности. Родители Пичугина под это определение косвенно попадали.

Перед выпускными экзаменами младший Пичугин попался за изнасилование. За деятельным подростком и раньше водились грехи: спекуляция импортными шмотками, драки, даже воровство из

магазина. До поры сходило с рук, вопросы решались, но тут отмазать ребёнка не получилось. Коллективная пьянка, групповое изнасилование, да ещё дочки директора Гостиного Двора. Срок вышел по "плохой" статье, ведь "взломщиков мохнатых сейфов" на зоне не любят. Дружба внезапно оборвалась на увесистый срок в пять лет. Соболев недолго переживал, да и некогда было - экзамены, подача документов в Универ. История докатилась до Нины Георгиевны, после чего последовало промывание мозгов в форме жёстких наставлений по сдерживанию естественных инстинктов и что за это бывает нерадивым отпрыском.

Уже прописавшись в Большом доме, Соболев истребовал, якобы по служебным нуждам, дело Пичугина. Алексей уже год как освободился, в личном деле для справки об освобождении, осуждённый Пичугин назвал адрес в Москве, где жил дед по отцовской линии. Пробил адрес Печугина Матвея Юрьевича, 1911 года рождения. Справка от участкового подтвердила проживание Пичугиных в двухкомнатной квартире и зарегистрированных в домовоей книге. Дед, бывший сиделец за убийство, легко приютил внука. Дружок-насильник работал на заводе Москвич, а дед-пенсионер забивал козла во дворе и квасил по тихому. Замечаний и претензий у власти не имелось. Соболев тогда вздохнул и забыл о Печугине - криминальный насильник мне не друг. Но вот ведь как повернулось: нынче понадобился.

17. Петрушевский. Проблемы начинаются с дачи

Петрушевский ковырялся в парнике, безуспешно борясь с садовыми муравьями. Всякие опрыскивания химикатами и отравленные приманки, понуждали насекомых притихнуть ненадолго, чтобы с новыми силами рыть норы, да портить неокрепшие корни рассады. На днях заметил муравьиных "дойных коров" - тлю. "Оно мне надо? Ведь и польза есть от божьих тварей - жрут насекомых-вредителей, всё как у нас людей", - размышлял пенсионер, крепко увязший в приятных хлопотах подсобного хозяйства. Тут долетел голос жены, высунулся из парника. Светлана Петровна энергично махала рукой с трубкой мобильного телефона.

Подбежал и запыхавшимся голосом выдохнул:

- Алло!

- Привет, дачник, - голос Чистякова ни с чем не перепутаешь.

- Привет, светило науки!

- Как ты смотришь, Дима, если мы с женой напросимся к вам в гости? Зимой у тебя неинтересно, а лето благодатная пора полакомиться домашними овощами и ягодами с грядки.

- Понятно, что-то задумал, ведь просто так звонить не станешь? Я конечно не возражаю, Света, надеюсь тоже, ну колись, я прав?

- Есть одна задумка, отрицать не стану. Напомню, наша дружба держится не только на авантюрах, но и человеческих добрых отношениях. Мы утром приедем, а вечером слиняем, никаких ночёвок, пьяных посиделок и коллективного мордобития. - Николай Фёдорович хихикнул, - Пообщаемся, поговорим, жёны наконец познакомятся. Ну как?

- Приезжайте, будем рады, когда планируешь?

Чистяковы появились через пару дней. Первые рукопожатия, знакомство женщин и оценивающие взгляды. Жена Чистякова - Юлия Михайловна напросилась помогать Светлане Петровне накрывать стол. По обоюдной договорённости алкоголь отсутствовал, его заменил морс из домашних ягод. Во время обеда, как это бывает часто с людьми преклонного возраста, разговор зашёл о погоде, политике, пенсионной реформе и растущих ценах в магазинах. Собаки крутились под ногами, выклянчивая кусочки со стола. Петрушевский грозно шикал на животных, но те знали - чего-нибудь

да перепадёт, а недовольный хозяин так с ними играет. "Чудесная компания, - мелькнуло в голове, - если отбросить тот факт, что один из гостей, светило науки, будущий лауреат Нобелевской премии, а я - путешественник во времени в прямом и переносном смысле". После сытного обеда, гости распались на два лагеря: мужчины решили прошвырнуться до Залива, а дамы остались судачить, а заодно прибрать со стола. К большой воде шли через подлесок, на ходу срывая ягоды черники и земляники. Вид на залив открылся внезапно, хоть в стороне от пляжа, но крики отдыхающих доносились и сюда. Присели на весьма к месту врытую скамью, тёмная, переливающаяся блёстками вода, притягивала взгляд. Петрушевский вспомнил, свою дачную историю и главное событие, случившиеся с ним буквально в первые дни покупки участка.

- Коля, а ты в курсе, что я нашёл на участке клад с золотыми монетами?

- Чего-то ты рассказывал, но в подробности никогда не посвящал. Однако! И как поступил с золотишком?*

- Это длинная история. Вернёмся расскажу твоей Юлии, если Светка не растрезвонит. Давай колись, светило, что опять надумал?

Чистяков поднял с земли камешек, размахнулся и кинул в воду. Глядя на расходящиеся круги произнёс:

- Вот так и в жизни, совершил поступок, а круги долго расходятся, отражаясь на событиях и мотивациях принятия решений и жизнеукладе. Я постоянно думаю о нашем Соболеве, не забыл разговор с полковником и наше предложение? Тебя тогда полкан тормознул, я не интересовался, да и не имел права. Может сейчас поделишься, а потом я со своими планами?

Петрушевский отлично помнил тот разговор и продолжение на конспиративной квартире, но уже без Чистякова.

- Мы тогда вернулись на конспиративную квартиру и крепко поддали. Я ему высказался.

Неожиданно Петрушевский вздрогнул и выпрямился, до него дошло, что события по их плану с Чистяковым обязаны измениться. С лица сошло безмятежное выражение. Полковник мгновенно уловил состояние осведомителя, пристально посмотрел и не выдержал:

- Дима, ну что ещё не так?

- А вы не догадываетесь, товарищ полковник! - вызывающе бросил Петрушевский, - Прошло три недели и вам давно известно от меня, что Соболев сбежит из под стражи. Почему же ничего не произошло? Зачем вы нам рассказывали несколько часов назад о побеге? Ни я, ни вы, при условии превентивных мер, не должны знать о побеге, побега с вашей помощью просто не было и стёрлось из нашей памяти. Если только Соболев не застрелен при попытке к бегству.

Серебряков мгновенно собрался, поднял глаза, жёстко и холодно отчеканил:

- Ты сказал, я услышал! Остальное моё дело. Хочешь дружить, держи за язык за зубами, Дима. Ты - разведчик, твоё дело донести информацию, а решения, как ей распорядиться принимаю я, твой непосредственный начальник. Если ничего не изменилось, значит появились новые обстоятельства или особые резоны. А ещё напомним, что говорливым и любопытным в нашей работе, дают укорот. Наливай.

После тяжёлого молчания, возникшего после чуть не вспыхнувшей перепалки, предложение выпить было весьма кстати.

Молча осушили стаканы, закусили. Первым нарушил затянувшуюся паузу Серебряков. Он вздохнул и устало вымолвил:

- Представь, что после некоторых размышлений я решил умолчать о побеге. Знал - да, но не сказал. Это должностное преступление с точки зрения начальства и чекистской этики, но ты вообще мог не рассказывать о коварных планах Соболева и успешном побеге. Служба - отлаженный механизм, раньше что ли беглецов не ловили? И ловили и уничтожали, это факт. А теперь делай выводы и постарайся меня понять. Я привык думать и не принимать скорых решений. Вы с Чистяковым из благих побуждений предложили подсказку, палочку-выручалочку из своего будущего. Но это не значит, что я немедленно доложу начальству так мол и так: не надо этапировать бывшего чекиста, давайте просто сгноим его в камере - себе спокойно и другим неповадно.

Серебряков закурил и сквозь табачный дым рассматривал в окно проезжающие по улице машины, . Петрушевский невольно присоединился к просмотру редкого движения, вот промелькнул автозак - "прямо по теме", мелькнуло в голове. Он злился на полковника - на блюдечке, можно сказать, подкинули такую убойную тему, а хитрый лис вывернул по-своему. Серебряков меж тем затянулся и продолжил:

- Я поручился за подчинённого, мне и разруливать его косяки, а самый простой способ я только что назвал. Чистяков тут вещал о рассекреченных архивах и огромном потоке информации о работе спецслужб в период перестройки. Не одобряю, но раз уж обладаете этими знаниями, примеряйте их к создавшейся ситуации. Ты злишься на меня и хамишь, но дальше своих амбиций ничего не видишь. Подумай и реши, как бы сам поступил. Скажешь, что сами создали трудности? Нет, трудности создаёт жизнь!

- Таким образом, Коля, тема сошла на нет и повисла в воздухе.

Не мне судить Серебрякова, он тогда дал понять: или хочет старлея уничтожить в момент попытки бегства из вагона, либо по каким-то соображениям жалеет и решил пустить события на самотёк. Что там было потом, я не знаю, и ты не знаешь, и Серебрякова давно нет в живых. Мрак. Моя версия - Соболева нет на белом свете.

- Ага, и я так думаю. Но желаю заново воскресить если мёртв и подтянуть к своей лаборатории товарища Соболева Виктора Сергеевича. Если жив, ещё лучше. Главное понять, где этот деятель прячется, под какой корягой залёг. К нему имеются чисто производственные вопросы, тебе освещать не стану, скажу коротко - Соболев смог заглядывать в будущее. Как он это сделал, в той первой жизни, не представляю. В теории это невозможно, но нашем мире ещё столько тайн и загадок. Попробуем заново примерить функции создателя и вернуть "подопытного" беглеца в наш мир. У Соболева золотая голова, мне он нужен в лаборатории, если понадобится тайно сотрудничать. Подожди не перебивай! Я рассуждал так: мы его спасаем из под колёс, сдаём власти в лице Серебрякова, тщеславного учёного сажают и перевоспитывают. По выходу я его подхватываю и затаскиваю к себе, по времени, аккуратно к началу перестройки. Что же вышло: наш пострел "делает ноги" и попадает во всесоюзный розыск, с новыми грехами. Дальше, как ты выразился - мрак! Хочу спасти Витю для науки. Что скажешь?

- Скажу, что ты такой же псих как и Соболев, только более вменяемый и уравновешенный. И как ты собираешь исполнить желание "пойти туда сам не зная куда" и моё место в этой очередной авантюре?

Чистяков бросил очередной камушек в воду, рядом плеснула хвостом рыба, учёный вздохнул:

- Сейчас бы порыбачить, а не ломать голову над очередным ребусом. Через своё начальство попросил узнать судьбу беглого учёного. Дело из архива достали, стоит гриф "Без срока давности", факт смерти не зафиксирован, значит он по сей день в розыске. Сам понимаешь, кто его будет искать спустя столько лет в новой России,

при другом строе. Вопрос жив или нет? Известно, что после побега появился в Москве, а дальше следы теряются. Вот нам и надо с тобой смотаться с помощью волшебной "Клото" в Москву образца начала июля 1972 года. Ты у нас ещё в армии служишь срочную, а я болтаюсь без дела пока ОЛИБ не восстановили. Но это произойдёт точно, иначе наша встреча сейчас под большим вопросом.

Петрушевский во все глаза смотрел на учёного, да, с Чистяковым не соскучишься. Вновь вытягивает в приключения. И ляпнул первое, что пришло на ум:

- Коля, а я-то тебе зачем? В отличии от Соболева, имевшего фобию к своему детищу, ты запросто меняешь память и ныряешь в заданную точку времени.

Чистяков рассмеялся.

- Дима, у тебя опять такое выражение на лице, как в первую встречу с машиной времени. Отвечаю: во первых вдвоём интереснее, во вторых я машину вожу плохо, а ты профи, в третьих надо страховать друг друга, а потом самому-то не интересно окунуться в ту жизнь. Воспоминания одно, а реалии - другое.

- Постой, а причём тут машина? Мы собрались путешествовать? А финансы или в то время ты уже в состоянии спонсировать проект по поиску беглеца?

- Да придётся прокатиться до Москвы и колесить по городу, мы пока не знаем по каким маршрутам. На служебном газике никак нельзя, военный патруль остановит на трассе машину с военными номерами. Значит на "Москвиче" деда. Ха, деньги самое простое и сказочное мероприятие. Вот тебе домашнее задание: как с помощью современных знаний легко и не криминально заработать в СССР?

* Рассказ "Клад егеря Бута"

18. Соболев.хлопоты в большом городе

Тёплое утро первого июля 1972 года. Московский двор уже проснулся: снуют граждане опаздывающие на работу, появились первые старушки на скамеечке, ранние мамы выгуливают молодняк. Двое мужчин расставляют шахматы за столом, выполняющим универсальные функции игрового поля и места для выпивки. Соболев проверился, подошёл к шахматистам. Поинтересовался, как добраться до улицы Мнёвники. Мужики вопросительно воззрились, словно вопрос не звучал.

- Я командировочный, у знакомых тормознулся. В столице тысячу лет не был, всё подзабыл.

Игроки подробно разъяснили маршрут и потеряли интерес к молодому парню, интеллигентной внешности в соломенной шляпе. Неброскую внешность дополняли особые приметы: неоформившиеся усы и очки в дешёвой оправе. Соболев пониже натянул поля головного убора и тронулся в опасное путешествие по враждебному мегаполису. Уже пожалел, что засветился во дворе, если оперативники станут опрашивать жителей, шахматисты обязательно вспомнят мужчину в летней шляпе, но это при условии, что сыскари попадут именно в этот двор среди десятка тысяч других.

Нахлынули воспоминания о спецшколе. Особенности слежки и "сброс хвоста" преподавал отставник из бывших офицеров отдела наружного наблюдения. Его лекции были по своему интересны. Отставник рассказывал: "Курсанты нагляделись фильмов типа "Мёртвый сезон" и всё знают. Запомните и зарубите на носу - кино для гражданских. Объект, при условии его профессиональной подготовленности, может вести несколько бригад со сменным автотранспортом. Фокусы с развязавшимся шнурком или остановка перед витриной - предупреждение, что вас заметили".

В лекциях было много чего, всё записывалось в прошнурованную общую тетрадь с печатью секретки. Конспекты выдавались на руки только в пределах учебных классов или ленинской комнаты. Соболев сейчас перечитал бы записи, да они давно уничтожены. Вспомнился уход через проходные дворы и магазина или предприятия общепита. Чтобы обнаружить слежку надо обладать особым чутьём. Он не разведчик, никогда в подобных ситуациях не бывал, а суперменский комплекс ударов для бедного Ерошина, всего лишь удачная случайность.

Кстати о Ерохине, Соболев тормознулся перед обувным магазином. Мило улыбнувшись, попросил у продавщицы пустую коробку и кусок шпагата вроде как для подарка. Далее маршрут до Киевского вокзала, сперва в туалет. В кабинке переложил в картонку пистолет, удостоверение Ерохина и записку, заготовленную в квартире Зуевых. Носовым платком стёр отпечатки, так на всякий случай, ведь мог бы этого не делать - кому надо сразу поймут. Перетянул шпагатом и выскользнул в зал ожидания. Отыскал автоматические камеры хранения, открыл дверцу камеры и сунул в тесное нутро "посылку". Запомнил код, тихонько осмотрелся. В конце зала мелькнули милицейские фигуры. Быстрее прочь отсюда, в толпу.

В метро перевёл дыхание, теперь до Краснопресненской, оттуда по Звенигородской до Мнёвники. Ну и названия, подумал Соболев, язык сломаешь. У нас в Питере всё проще и компактней. На выходе из метро разыскал будку телефона-автомата. Проверившись в очередной раз, набрал знакомый номер. На другом конце провода чеканно отозвались:

- Дежурная часть, капитан Серебряков, слушаю вас.

Беглец вздрогнул от знакомого имени, отлично понимая, что это всего лишь однофамилец. Приложив к трубке платок, изменённым голосом проямлил:

- Ээ, я тут проездом, записывайте: сообщаю в камере хранения Киевского вокзала, в ячейке В-335 лежит коробка для в КГБ, пришлите людей. Там для вас важное.

- Алло, назовите свою фамилию и имя. Алло!

- Меня просили позвонить, больше ничего не знаю.

Соболев повесил трубку. Сообщение записывается, обязаны среагировать, выслать опергруппу и криминалиста-взрывотехника. На Лубянке быстро разберутся откуда ветер дует и будут усиленно искать беглого чекиста в Москве. Теперь всё решится после встречи с Печугиным. Как сложится можно только гадать. Запасной адрес семьи Зуевых слишком опасно - прошерстят поездки в Москву, может всплыть имя нелепо погибшего физика, остальное дело техники. В сито поквартального обхода попадутся шахматисты, вспомнят его по фото и понеслось: маскарад с очками и шляпой для дурачков участковых, но не всесильной Конторы. Добавят отредактированный портрет в ориентировки и будет совсем плохо.

Спросил у пожилой женщины дорогу. Та долго и подробно объясняла. Соболев не выдержал и поинтересовался:

- Простите, а вы не из Ленинграда?

Гражданка удивлённо воззрилась на необычного прохожего:

- А вы откуда знаете?

- Извините, москвичи не такие словоохотливые, а зачастую попадаешь на приезжего. Спасибо.

- Это точно, - улыбнулась землячка, - счастливо добратья.

Пятиэтажный панельный дом прятался в зелени деревьев. Уютное место, не то что шумный Ленинградский проспект, подумал Соболев. Он обошёл здание, отметил нужную парадную. После рекогносцировки выбрал удобное место и стал ждать. Уткнулся в газету, предусмотрительно купленную у метро. Глаза скользили по заголовкам, постоянно срываясь на двери парадной. Прошло три часа, когда уставший Соболев решил, отбросив всякую конспирацию, подняться в квартиру, как из парадной вывалился Лёшка Печугин собственной персоной. Соболев узнал его сразу, несмотря на временной разрыв в десятилетие. Печугин энергично подошёл к мужикам забивающим "козла" в домино, о чём-то переговорил с одним из игроков, седовласым пожилым дядькой. Затем двинулся в сторону Соболева по тропинке, а когда оказался вровень, Виктор негромко окликнул бывшего друга:

- Как поживаешь, Печа?

Так звали Печугина все пацаны, вульгарное прозвище отпало лишь в старших классах. Лёша не любил, когда его так звали и несколько раз лез с кулаками, что подзадоривало злых пацанов во дворе и бездумных одноклассников, испытывающих классовую неприязнь к барчуку. Исключение делалось только для друга Вити.

Печа словно споткнулся и уставился на чудо в шляпе. Испуганная гримаса сменилась улыбкой узнавания. Он метнулся к Соболеву:

- Витька! Ты откуда свалился? Сколько лет прошло?

Он присел на скамейку. Бывшие товарищи перебивая друг друга болтали несколько минут. Первым приземлил воспоминания

Соболев:

- Лёша, у меня проблемы. Нужна помощь, к тебе можно? Там и поболтаем.

- О чём базар, Витя! Конечно можно. Сейчас деда предупрежу.

Он подбежал к доминошникам, что-то сказал пожилому игроку, кивнув на Соболева и бегом вернулся к скамейке.

- Дед не против, я в гастронорм собирался, а тут ты, в шляпе и очках. Давай смотаемся по-быстрому, возьмём полбанки и покалякаем. Вот ведь, словно чёрт из коробочки.

Настоящий разговор начался, когда вернулись в квартиру. Типовая двушка неухожена, сразу видно, что женская рука давно не касалась хозяйства. По пути Печугин рассказал, Соболеву, что после отсидки попросился к деду. Бывший зек коротал время в квартире, доставшейся по наследству от прадеда Лёши. Незамысловатый круговорот сидельцев в рамках одной семьи завершился пропиской молодого лагерника, с последующим трудоустройством. Но Печугин дал понять, что держит скелет в шкафу, о чём поведал за столом под водку с незамысловатой закуской. Рассказ товарища вызвал внутреннее отторжение, но подать вид беглый гебист не мог. Надо мириться с обстоятельствами и подстраиваться под них.

- Прикинь, Витя, ты же помнишь всё пошло вразнос после дурацкой пьянки с корешами. Пустили по кругу эту девку, "невинную целку после третьего аборта", а та и заявляет: "Мальчики скидываемся по четвертаку с носа". Мы обалдели, дура, всё по взаимному согласию, без каких-либо условий. Эта сучка давай грозить, мол напишу заяву и сядете за групповуху. Ну дал ей пару раз в торец, вразумил вроде. Но та сняла побои, да в ментовку, а папа - шишка в торговле, с ментурой круговая порука. Предки не смогли договориться, как ни старались. Чуть скостили срок до пятерика. А я

после отсидки к деду, в Питер ни ногой. Папу давно сняли с должности, мама умерла от инфаркта.

Не чокаясь, Алексей опрокинул стопку водки и потянулся за пучком квашенной капусты. Соболев слушал молча, оценивая обстановку и свои шансы на помощь.

- Так вот, поднял я старые связи, беру товар на комиссию и приторговываю дефицитом. 154-я статья тоже не сахар, но нынче я осторожный и больше не подставляюсь. Вот так-то кореш. Рассказывай о своих грехах и как меня разыскал?

Соболев давно сочинил легенду в которой всё было правдой. Дабы не оттолкнуть от себя бывшего друга, упустил службу в КГБ, хищение оружия и, естественно, тему разработок ОЛИБ.

- После института пошёл работать в закрытое НИИ. В лаборатории произошла авария, а меня как ответственного привлекли за халатность. Вроде пустяк, до трёх лет, но по ходу повесили 93 "прим". Знаешь что это?

Печугин кивнул головой:

- Хищение государственного имущества в особо крупных размерах, сроки увесистые вплоть до расстрела. У нас на зоне много таких чалилось.

- Это грехи заведующего лабораторией, а меня притянули. А поскольку проект курировала Москва, меня этапировали на Лубянку для признания, догадываешься как это делается. В поезде везли два конвоира из КГБ, я попросился в туалет, а выводил один амбал, ну я ему в лоб и закатал. Как раз перегон в гору, поезд замедлил ход, я и рванул из тамбура, благо дверь была не заперта. Не покалечился, вышел на дорогу и в столицу. По пути привёл себя в порядок, я ведь

считался подследственным, но мне вернули вещи и деньги перед этапом. С адресом всё просто, я встретил твоего отца. Он был не в самом лучшем виде, пил одним словом, дал твои координаты и я здесь. Лучше вне закона, чем за решёткой в ожидании огромного срока или того хуже.

Печугин слушал и обалдело кивал головой. Свалившийся из прошлого одноклассник с одной стороны проблема, с другой неожиданная опора в новой ситуации. Нынче у Алексея не осталось друзей, соратников. Всё там, в прошлом, в далёкой беззаботной ленинградской жизни. А в столице, появилась возможность благополучного существования. Можно обзавестись семьёй и не думать о финансовых проблемах. Всё это собутыльник скомкано объяснял Соболеву.

- Витя, конечно живи. С дедом договорюсь, он поймёт. Будем вдвоём крутиться, ты на подхвате. Тебе ведь "капуста"* нужна? С документами узнаю, если выправим паспорт, то подвесим тебя в какой-нибудь шарашкиной конторе, гардеробщиком или уборщиком. Надо перекантоваться года два-три, а там про тебя забудут. Вернёшься в свою науку, я же помню ты в классе был повернут на своей квантовой физике с математикой.

Соболев усмехнулся, в школе для блатных зацикленных на науке вроде него набралась бы от силы ещё пара человек. Остальные "влачили" образование в заданных рамках особых детей номенклатурных родителей.

- Не квантовой физике, Лёша, а исследование теории относительности, релятивистских эффектов и теории суперструн.

- Ладно, ладно не грузи мозг, один хрен ничего в этом не понимаю. Зато разбираюсь в ценах на импорт, да знаю как делать навар на дефиците.

* "Капуста" - в СССР на жаргоне так называли деньги.

19. Петрушевский. С чего начать

Дмитрий Сергеевич включился в игру - с Чистяковым не соскучишься.

- Ты спрашиваешь: "как с помощью современных знаний легко и не криминально заработать в СССР?" Отвечаю - никак! На любой крупный заработок в СССР найдётся статья, если не уголовного кодекса, то административного точно. Уж я-то знаю. И западные пласты конфисковали, и прихватывали за продажу импортными шмотками, и подводили под статью за тунеядство. Основной постулат, что той власти, что нынешней - не высовываться, идти в ногу с послушным большинством. А если заработал по крупному, отчитайся и поделись.

Чистяков усмехнулся и заговорщицки подмигнул.

- Ну мы-то с тобой особенные. Даю подсказку, вспомни фильм "Назад в будущее 2". На чём там построен один из эпизодов?

- Помню, что Марти с профессором попадают в будущее. Там что-то с семьёй связано. Брошюра спортивных состязаний. Ага, вспомнил, Марти хочет заработать на ставках. В нашем случае, это...

- Это спортлото 6 из 49! Молодец, быстро дошло.

- Ладно, а где взять результаты розыгрышей?

- Давай-ка свой ноутбук, там и посмотрим.

Хозяин и его гость энергично зашагали в сторону дачи. В интернете быстро нашли архив тиражей. Чистяков победно взглянул и резюмировал:

- Что и требовалось доказать. Давно хотел проверить эту возможность разбогатеть. А теперь бери ручку и записывай. Прежде всего дни проведения. Вот: "тиражи проводились через каждые 10 дней (10, 20, 30 числа каждого месяца)". Посмотрим какие даты нам удобны. Значит так, мы планируем попасть в Москву денька через два-три, следовательно надо отмотать три месяца чтобы наверняка к началу июля получить деньги. Теперь посчитаем в месяц три розыгрыша, следовательно нам нужен мартовский. Я свои билеты заполню в 10 марта 1972, это седьмой тираж, а ты 20-го, стало быть восьмой. Записывай и запоминай итог. Картина маслом: в марте два законопослушных гражданина, один - доблестный защитник, солдат срочной службы товарищ Петрушевский, другой - скромный научный сотрудник НИИ им. Иоффе, товарищ Чистяков выиграли по пять тысяч рублей. Поздравляем их с удачей!

У Петрушевского заблестели глаза. Как сам раньше не додумался. Это какие же горизонты открываются? Купить квартиру или дачный участок с домом, комплект аппаратуры для "Феникса", подлечить родных в санаториях. Как удобно быть состоятельным, а следовательно независимым. И никто не потребует, как в лихих девяностых, поделиться, не считая налога на выигрыш (кстати, надо это выяснить). Сказка! А если заполнить две одинаковых карточки? "Раскатал губу, сперва выиграй", - Дмитрий Сергеевич тормознулся в мечтах и вернулся в 2018 год. Чистяков заметил мечтательное выражение, засмеялся и хлопнул по плечу.

- Пора к нашим благоверным, а то забыли совсем.

- Пошли, конечно. Слушай у меня возникла мыслишка по Соболеву, ведь я знаком с его мамой, был в гостях после "первого" спасения гебиста от смерти. Попробую с ней поговорить и узнать о друзьях и связях. Надеюсь, у полковника хватит такта умолчать об истинных обстоятельствах исчезновения сыночка. Может и выставил

наружку, но по тихому от матери. А?

- Вот! Молоток! Может и появится зацепка. Мы оба умницы-разумницы! А то ноешь: зачем я тебе нужен?

Воспоминания о единственном визите к Соболевым, как и все реминисценции, "заработанные" искусственным методом восстановления через прототип машины времени, свежи в памяти. Стёрлись только опыты в лаборатории руководимой Соболевым. Эта часть вырезана из истории и замещена новым начальником - Чистяковым. Итак, в зимний декабрьский день 68-го, Соболев пригласил на день рождения. Куратору исполнилось двадцать четыре. После спасения из под колес грузовика, служебные отношения резко изменились. Если Соболев до того суховат и требователен, то после спасения готов предложить свою дружбу. Нина Георгиевна радушно встретила меня, её благодарность за сына не сбили даже резкие выпады против советской власти. Как она тогда насторожилась, как кипятком ошпарила взглядом. Витя позже признался, что пришлось раскрыть меня как негласника Конторы.

В свете летнего дня, Кондратьевский проспект выглядел не мрачной чередой заснеженных коробок в тусклом свете уличных фонарей, а гостеприимной просекой могучих тополей, обрамляющих строения, да нужную жёлто-бежевую громадину сталинского ампира. Осмотрелся, ничего подозрительного. Во дворе редкие автомобили без тёмных профилей внутри, граждане на скамейках без напряжённых спин и обязательных газет в руке. У Серебрякова не спросишь о наружке, а если заикнёшься не скажет - это внутреннее дело Конторы и полковника лично. "Если наблюдения не просечёшь, - наставлял Чистяков, - не исключена засада в квартире, ты это можешь почувствовать по поведению матери. Нина Георгиевна будет скована и замкнута, а значит в курсе событий и маловероятно, что вообще что-то скажет.

Взглянул на часы, шесть, Соболева должна уже вернуться с работы. Осторожно коснулся кнопки звонка и замер напротив дверного глазка. Дверь тот час распахнулась. Нина Георгиевна всматривалась и не узнавала.

- Здравствуйте. Я Дмитрий, помните приходил к Вите на день рождения? После происшествия с грузовиком у Финляндского? Ну, вроде как спас его тогда?

Женщина отмякла, сбросила настороженность - узнала.

- А, Дима, проходите пожалуйста, Вити нет дома.

- Я знаю, как раз по этому поводу решил вас побеспокоить. Вы одна?

- Одна, никого, кроме сына не жду. На днях заходил начальник Вити.

- Полковник Серебряков?

- Ну да. Витя пропал, я забеспокоилась. Николай Трофимович сказал, что сын уехал в срочную командировку, оттого не предупредил и связаться пока не может. Что-то произошло, я чувствую, может расскажите? Или зря волнуюсь? Вы же свой, Витя тогда признался что вы сотрудник.

- Да, но это закрытая информация, вы же понимаете. А я вот по какому вопросу, Нина Георгиевна. Возникла необходимость пройтись по старым связям Виктора Сергеевича, друзьям детства, школьным товарищам. Это нужно для работы, поверьте.

- Странно, Николай Трофимович задавал те же вопросы. Вы что же в своём ведомстве не делитесь между собой? Странно как-то...

Петрушевский почувствовал холодный пот на спине. Ситуация принимала нехороший оттенок. Надо как-то выкручиваться, вот ведь дурак, сам напросился. А с другой стороны найди-ка человека в Москве без каких-либо ориентиров. Да и вообще не факт, что Соболев прячется в столице.

- Ничего тут странного нет. Я просто дублирую просьбу Николая Трофимовича, поскольку с ним не виделся и задачи у нас разные в силу служебных различий. Нам необходимо проверить Витины связи сейчас, пока нет возможности с ним связаться. Не волнуйтесь, ваш сын живой и здоровый, но как бы вне зоны доступа, помогите пожалуйста.

Петрушевский сделал паузу и внутренне поморщился от неловкого и неприятного напоминания:

- Нина Георгиевна, в конце концов я спас вашего сына, я рассчитываю на понимание и поддержку.

Партийного функционера казённый язык не покоробил, а наоборот, настроил на рабочий лад, женщина пригласила Диму в соседнюю комнату.

- Я всё понимаю. Дайте посмотрим, - она достала с полки импортной стенки фотоальбом.

Они с полчаса просматривали фотографии, Петрушевский записывал в блокнот значимую информацию.

- Это Витенька в пятом классе, здесь шестой, ага вот

выпускной. Из друзей помню Лёшу Пичугина, Виталика Голобородько, а так иногда приходили ребята из класса, навещали когда Витя болел. Из девочек ни с кем не общался. Это первый курс, тут никого не знаю, кто-то приходил в гости, кажется Гриша Завьялов из параллельного курса. Это Ольга, - Соболева поморщилась, - встречались какое-то время затем разошлись, к счастью. По памяти был Стасик из лаборатории. Потом перешёл в КГБ, тут, сами понимаете, всё засекречено. Нина Георгиевна называла ещё какие-то имена, случайных знакомых, зацепок никаких. Адреса и телефоны восстанавливала по старой записной книжке, найденной в вещах сына.

- А вот его школьные друзья, вы назвали, Печугина, Голобородько, адресов нет? Вы их не назвали.

- Виталика сейчас попробую найти ага есть. А Печугин вам не нужен. Он попал в тюрьму, Дима его адрес замарал, видите. Вот пожалуй и всё.

- А что за история с тюрьмой?

- Грязная история, кажется за изнасилование посадили. Витя тогда сильно переживал. Сын как-то рассказывал, что Печа, как он его называл, освободился и перебрался в Москву к родному деду, тоже уголовнику. Вы прямо не сговариваясь Серебряковым, заинтересовались. Для вашего ведомства подобные отбросы могут представлять интерес, для меня, простите - нет! Что-нибудь ещё?

Она проводила Петрушевского и холодно распрощалась, чему Дмитрий был очень рад. Спускаясь бегом по лестнице, вытирал о брюки вспотевшие ладони и злился на себя за излишнюю инициативу. Встреча, прямо сказать, не из лучших. Ладно, не я воспитал такого амбициозного мальчика, склонного к безрассудным поступкам, пусть строгая чиновница отвечает за своё чадо. А ведь до причуд куратора и диких требований, нормальный был парень. Если уж такой психолог как Серебряков не разглядел гнильцу, то куда уж

мне. С этими мыслями выскочил во двор и тут перехватил внимательный взгляд дамы с коляской. Та не спеша уходила от Петрушевского. Дима напрягся, подошёл к сидящим у парадной старушкам и без обиняков задал вопрос в такой форме, что не ответить было нельзя:

- Гражданки, вы знаете вон ту женщину с коляской? Спрашиваю официально!

Испуганные старушки загалдели и отрицательно закачали головами - будет теперь воспоминаний на целый день. "А вот и хвост", всплыло в голове. В голове сложилась следующая звонкая фраза: "Полковник Серебряков наступает на хвост!" От неожиданного омонима рассмеялся и зашагал прочь. Зацепка имеется, но вот как быть с полковником пусть думает Коля Чистяков. Из первой телефонной будки связался с ним, тот к счастью оказался дома. Рассказал о результатах и неожиданном сопернике. Чистяков как всегда весело ответил:

- Нам надо поспешить. Ещё в Мосгорсправке оставить запрос. Ты пока договаривайся с дедом и своим армейским начальством. Выторгуй дня три, надеюсь управимся. Общий сбор завтра в шесть утра у тебя во дворе. Не проспай, ехать семь сотен. Пока.

- Стой! - заорал Петрушевский, - А если не получится? У тебя так всё просто, мы сейчас не в двадцать первом веке, ну с дедом я договорюсь, а что скажет мой начальник майор Рудаков, опять поить славного офицера с боевым прошлым. Гад ты, Федя. И зачем нам Мосгорсправка, "перезапустись" сделай запрос из своего шикарного кабинета.

- Когда надо соображаешь, дембель-крендель. Ублажи своего майора, мы ведь теперь богаты, там же тебя постоянно кто-то из "молодняка" подменяет. С адресом решу. До завтра.

Богаты. Вспомнил как, по подсказке Чистякова, который уже ждал экспертизы, шёл в центральную сберкассау оформлять свою карточку спортлото. Как затаил дыхание, когда оператор проверял зачёркнутые номера и поздравлял с выигрышем. Народ сбежался, смотрели на счастливого во все глаза, а ему почему-то стыдно за аферу из будущего, словно украл куш у законопослушных граждан.

20. Серебряков. Скелеты в шкафу

В начале июля Арефьев вызвал подчинённого в Москву. " Возглавишь группу захвата своего красавца. Подробности на месте". На следующий день, полковник доложил о приезде в приёмной генерала.

- Ну здравствуй, Николай Трофимович. Вот ознакомься. Читай вслух, - и протянул Серебрякову сложенный в четверть лист бумаги.

- "Возвращаюсь в будущее. Прошу меня не искать", откуда это?

- Из обувной картонки. Дежурному позвонил неизвестный. Сказал что в камере хранения Киевского вокзала лежит посылка для нас. Выехала группа. Взрывчатки или отравляющих веществ не обнаружено. Вместе с запиской находился пистолет и удостоверение нашего конвоира, которого играючи сломал твой "герой" во время побега. Поступок правильный, Ерохина спас от статьи. Этот эпизод мы замнём, правда Соболеву не легче с того. Записка - детский сад какой-то. Ещё приписку бы сделал "Простите, я больше не буду". Главное другое - он где-то недалеко, возможно остался в столице, хоть пытался нас направить в сторону с вокзалом и анонимным звонком от якобы добровольного помощника. Сейчас отправляйся к начальнику оперативной группы майору Фесенко, с ним проработайте любые московские связи беглеца и шерстите до упора. Что у тебя новенького?

- Во-первых здравствуй, Семён Ильич. Встречался с его матерью, изучал прошлые связи. Список жиденский, проверяем . Командировки и пересечения с попаданцами, можно сказать никакие, кроме физика Новикова, которого Соболев вывез из Вологодской области, чтобы рекомендовать в ОЛИБ. И Петрушевского, завербованного самим Соболевым. Беседовал несколько раз с информатором, ничего подозрительного. После случая с грузовиком отношения куратора с источником тёплые, не более. Во всяком случае не друзья. Но ведь инициировал разоблачение с готовящимся взрывом сам Петрушевский. Нет никакого смысла сдавать своего наставника, а затем прятать. Пока выставлены бригады наружного наблюдения за фигурантами, тесно общавшимися с Соболевым: Петрушевским, Чистяковым, Доосом, Соболевой, Новиковым.

Генерал выслушал подчинённого, комментировать не стал. Коротко бросил:

- Действуй!

После разговора с Фесенко, определились по адресам и времени. В список попали фамилии Панкратова, Зуева и нескольких второстепенных фигур. Маршрут Соболева после побега оставался неизвестным. Ближайшее шоссе в семи километрах, свидетелей нет или не представляется возможным опросить. Скорей всего кто-то подвёз беглеца на попутке, но проверять всех водителей, проезжавших в обе стороны, мартышкин труд. На всякий случай двое оперативников съезжают в примерную точку выхода Соболева. Ещё хорошо, что другое шоссе в шестидесяти километрах - идти через болота нереально. Договорились о связи по телефону в ведомственной гостинице, где Серебрякову забронирован номер.

Выйдя на площадь Дзержинского, Николаю Трофимовичу захотелось посидеть в прохладе, собраться с мыслями. Не спеша двинулся в сторону улицы Кирова, наконец наткнулся на кафе. В зале было пусто, что странно, когда на улице жара под тридцать. Заказал мороженное и вишнёвый сок. Теперь расслабившись от пресса служебных обязанностей вспомнил про записку Соболева. При

последней встрече Витя сказал примерно то же: "Я - попаданец, явился из времени, когда построил реальный рабочий образец в начале двадцать первого века! В моих руках из будущего переиграть события и не дать повода для ареста!" Да, нет, Витя блефует. Кабы так в действительности, зачем допускать ему палиться при исполнении своей глупой задумки. Просто не допустить до ареста, занести коробку с нужной деталью вместо тротила, затем разыграть недоумение и праведный гнев. И что бы я ему сказал? "Прости Витя, ошиблись мои информаторы". Петрушевский, да его дружок, доказательно транзитчики из другой реальности, а старлей, на фуфу хотел проскочить. А факты, друг ситный, факты против тебя!

Злость и горчайшая обида на подчинённого, после "благородного" поступка с возвратом оружия, уступила место странному желанию вытащить парня из этой передраги, вывести старшего лейтенанта из истории не стандартным методом спецслужб, а спрятать подальше, дать возможность начать новую жизнь. Именно так, вопреки железобетонным устоявшимся понятиям законности и необратимости наказания. Старею, что ли? - рассуждал Серебряков и вдруг отчётливо увидел себя в гостях у Нины, тогда ещё выпускницы исторического факультета государственного университета имени Жданова. Пятилетний Витенька уехал к бабушке в деревню. Серебряков принёс бутылку вина и цветы. Вдова накрыла стол, они обмыли диплом, весело болтая и мечтая о лучшей жизни после войны, которая ещё напоминала разрушенными зданиями и горькими воспоминаниями. Утром он попросил её руки, но Нина замкнулась и решительно отказала. Новое замужество в её планы входило. Ублажить плоть одно, замужество за капитана НГБ, у которого она была осведомителем - другое.

Полковник вспомнил свой последний визит в квартиру на Кондратьевском пару дней назад. Нина Георгиевна открыла дверь, удивлённо глядя на незваного гостя. Неожиданный визит застал её врасплох. Они много лет не встречались, остались незримые связи. Полковник помог перевестись Соболеву в секретную лабораторию, определил на курсы КГБ. Мать, естественно, знала, что Николай Трофимович опекал сына, относился к нему как родному. Тайна отношений с матерью никогда не подымалась. Соболев давно

женился, воспитал двух дочерей. Он редко позванивал интересуясь здоровьем и нахваливал сына, как перспективного работника, не вдаваясь в подробности.

Серебряков, как тогда в пятидесятом, принёс с собой бутылку алкоголя, не дешёвый послевоенный суррогат, а марочный коньяк.

- Что-то с Витей? - первое, о чём спросила мать.

- Всё нормально, я приехал сообщить, что мальчик уехал в длительную командировку. Он не мог тебя предупредить, я по службе лично решил это сделать. Ты не волнуйся, бывают такие ситуации, рассказывать не имею права. По возможности может и свяжется с тобой. Как сама-то поживаешь?

Соболева рассмеялась:

- Коля у тебя такой вид, словно вновь приехал замуж звать, не поздно? Давай присаживайся, не стоя же пить. Что можешь расскажи или спроси, я догадливая, куратор ты мой ненаглядный.

Серебряков поморщился, он не любил подобных воспоминаний. Было и прошло, чего старое ворошить. Тогда, изголодавшиеся по плотским отношениям молодые люди, какое-то время были вместе, тщательно скрывая от всех свою связь, затем чувства сошли на нет и сменились собственными проблемами и хлопотами: Нине подымать сына, капитану нести нелёгкую службу. У Серебрякова была задача попытаться узнать о связях Вити, его друзьях, знакомых, любовных линиях - всё как обычно при разработке объекта. А Соболев сейчас являлся объектом повышенного внимания, недаром дело курировал Арёфьев. Всего это сказать матери он не мог и не хотел. Как разрулится ситуация с побегом и дальнейшей судьбой беглого офицера он догадывался, но как человек для которого судьба Соболевых была не безразлична, обязан принять меры. Вопрос какие: категорически жёсткие по

закону или...

Позвонил из кафе на службу. Договорились, что выезжает немедленно к Зуевым. Адрес имелся, а маршрут для полковника, часто бывавшего в столице не проблема. Пока ехал, мысленно строил разговор. После общения с Соболевой, версия, что Витя отправится к старому другу наиболее вероятна. Но по устоявшейся десятилетиями привычке, проверять все варианты, он обязан навестить Зуевых. Семья загадочно погибшего попаданца, на его взгляд, промежуточное звено, но если след обнаружится здесь, Серебряков сможет определиться по ситуации в своих поступках.

Чуйка полковника не подвела. Представился начальником курирующим лабораторию, что было правдой. Затем пошла импровизация о звонке Виктора, в котором тот упомянул, что собирается навестить старинного приятеля Зуева и привести себя в порядок. Но теперь сотрудник пропал, лаборатория взволнована, вот и приехал на розыски. После обстоятельной беседы с Анной Вадимовной, для полковника стало ясно: беглец здесь побывал, внешность уже изменил, легенда про кражу документов правдоподобна и ясна, покинул гостеприимную квартиру два дня назад, где находится в данный момент неизвестно. Полковник не стал грузить хозяев тяжёлой информацией, что под личиной старого знакомого их сына, скрывается беглый преступник. Зачем, людям и так тяжело от воспоминаний после визита "командировочного". Вежливо распрощался, оставил свой телефон, на всякий случай.

Пора отрабатывать второй маршрут, Серебряков чувствовал - там горячо, но старался себя не убеждать в предчувствиях не подкреплённых точной информацией. Ещё в Питере, после встречи с бывшей любовью, поднял дело Печугина и его криминального дедушки. Картина складывалась в пользу версии встречи с бывшим другом. Криминальная история школьного товарища давала Соболеву шанс на помощь и убеждённость, что его не сдадут. Полной уверенности нет, шатко всё это, сколько лет прошло, зато появилась ниточка. Серебряков изводил себя мыслями о своей роли в этой предполагаемой встрече. Первый путь: законный, бесконфликтный и

правильный для полковника КГБ - арестовать злоумышленника. Второй: куда как сложнее с точки зрения морали - помочь беглецу уйти, выправить документы, что со связями Серебрякова не составляет труда и похоронить дело, организовав якобы смерть объекта. При таком раскладе, полковник ставит себя над законом во имя отношений к матери беглеца, да и чего скрывать, тёплых чувств к парню, которому втайне относился как к сыну.

Почему так изменилось отношение к Соболеву, полковник не понимал. Весь его жизненный опыт, предполагал компромиссы по отношению к преступниками, но исключительно во исполнения закона и справедливости. Что же надломилось в нём, ещё тогда, когда увидел расширенные от страха глаза Витьки. Полный справедливого гнева, обиды за предательство, Серебряков готов был убить предателя. Недаром во время ареста резанул, как бритвой слово "гадёныш". Потом отпустило, особенно после встречи в следственном изоляторе, а в голове крутилось: "дурачок ты не обкатанный, зачем противопоставлять себя системе, зачем...Эх, парень, тебе бы сдаться, отсиди своё и возвращайся в этот мир, впереди перестройка, политические катаклизмы новой России, наука выжила и двинулась вперёд, твоё место там. А ты выбрал такой путь, меня сбил с толку, мальчишка".

Вновь позвонил в управление, дежурный опер на связи передал, первые сообщения по рейдам в адресах. Удалось найти свидетелей, видевших Соболева рядом с Ленинским проспектом. Шахматисты во дворе в один голос описывали по предъявленным фото беглеца, но в соломенной шляпе, очках и незначительными усами. Маршрут объекта дальше терялся. На другом конце провода, опер устало произнёс:

- Извините, товарищ полковник, Москва большая.

- Не спорю. Майору Фесенко передай - вышел на квартиру Зуевых, объект там переночевал и скрылся. Описание внешности, со слов матери, совпадает. Я в гостиницу, на связи из номера, если не успею на оперативку в шесть, начинайте без меня. Рапорта потом

изучу.

Медленно опустил трубку, аккуратно прикрыл застеклённую дверь будки-автомата и устало зашагал в сторону гостиницы.

21. Петрушевский. Путь на юг

Когда проехали Выдропужск, Петрушевский решительно остановил машину.

- Всё, Коля! Давай-ка сам за руль. Покажи на карте, где это забытое богом место - Выдропужск? И вообще дурацкая идея ехать в Москву на авто, правда бензин всего тридцать копеек, вспомни сколько платил за литр в нашем славном будущем?

Чистяков неохотно пересел на водительское место и огрызнулся:

- Ну хватит ворчать, Дима. Разве не интересно кататься в прошлом?

- Не интересно! Дороги разбитые, тачка - говно! Я первый раз прокатился к детям в Москву в самом начале двадцать первого века, как звучит, а? Зато на новенькой "Судзуки-болено" - сказка! Но запомнил, как злобствовали новгородские менты: стояли через пять километров. Только одним дашь на лапу за превышение, тут же возникают новые вымогатели. А попробуй не дай, заберут права потом едешь за двести вёрст в тамошнее ГАИ за документами. Но всё равно лучше лететь за полторы сотни по нормальной трассе, чем плестись около девяноста по колдобинам. Чего молчишь, Витя?

Чистяков сосредоточившись на дороге, словно не слышал вопроса. Впился в руль словно новичок в автошколе. Недаром

водители придерживаются расхожего мнения - если не дано, нехрен мучить машину и пугать пешеходов. Глядя на молчаливого водителя, подумал: а ведь я его почти не знаю. Познакомился с женой и всё. Где родился, где учился, что в прошлой жизни - не знаю, а в будущей, кроме машины времени, опять пустота. Сажу рядом с гением, которому за "сестричку Клото" в будущем нобелевскую премию обязаны присудить и разгребаю соболевское дерьмо. Мысли вернулись к предстоящим мероприятиям.

- Вить, ну разыщем беглеца. А что дальше? Даст стрекоча и ищи ветра в поле. Вон конторские не могут нащупать, а мы, дилетанты, чем лучше?

Чистяков оторвался от своих дум, снизил скорость и отчётливо процедил, словно читал лекцию по физике школьнику-несмышлёнышу:

- Соболев нужен науке! Соболев знает нюансы, мне неподвластные. Сбежит - найдём, но думаю, что сумею его убедить. Мои аргументы: возвращение в науку и спокойная жизнь. Взамен - отказ от дурацких амбиций, совместная деятельность под моим началом. Вроде всё ясно. Увезём старлея в Питер, поживёт на даче жены какое-то время. А мы с тобой попробуем убедить Серебрякова в нецелесообразности давать делу ход. Пусть тот в свою очередь объяснит московскому начальству в, что государственные интересы превыше уголовного преследования. Но если Соболев и получит срок, то на льготных условиях и под нашим надзором. Ведь светлая голова, такими Иосиф Виссарионович с Лаврентием Палычем не разбрасывались, чем нынешние хуже?

- Так зачем вообще было городить огород: подставлять его? Жил бы и жил, а бомба просто не взорвалась, ведь её обезвредили в это раз.

- Вот именно - в этот раз, а в следующий? Провести с амбициозным учёным профилактическую беседу, мол Виктор

Сергеевич не надо взрывать лабораторию, давайте по мирному. Но ты же понимаешь, это работа психотерапевта. А вот после такой шоковой терапии, как разоблачение и взятие с поличным, сто раз подумает чудить или нет. А ведь я инициатор, а мне бы сразу повернуть перед Серебряковым эту историю и доказательно объяснить необходимость Соболева для будущего советской науки. А следовательно не затевать уголовное дело и прессовать учёного. И что в итоге? Я сам виноват, не продумал всех вариантов - дурак, одним словом.

Оба задумались. Петрушевский мысленно повторил последнее предложение и согласился с Чистяковым. Затем в слух подытожил:

- Жизнь - бесконечное преодоление препятствий, создаваемые нами. Отсюда и расхожее мнение: на ошибках учимся.

- Послушай, философ, не хочешь пересест за руль? Тверь проехали, скоро Москва, я устаю от монотонной дороги и сосредоточится без баранки легче.

Молча доехали до Зеленограда. Петрушевский вспомнил, что за городом начиналось плотное скопление машин, переходящих в пробки аж до МКАД. Сейчас же, летом 1972 года, машин значительно меньше, иномарок нет, лишь родные "Волги", "Москвичи" да "Запорожцы" - "горбатые" и более поздний "ушастые". Смешно, но тому прежнему Петрушевскому, это казалось естественным. Он никогда не забудет, как в его классе появился новый ученик. Плечистый и крепко сбитый подросток - продолжатель известной цирковой династии гимнастов. Как после уроков, Петрушевский, покорённый джинсами и битловскими сапожками новичка, провожал того до гостиницы "Европейская", где отец Матвея снимал номер. Как подросток из другой артистической среды, небрежно подошёл к припаркованному "Шевроле Импала" и переговорил с папой, сидящим за рулём. Рядом мельтешила кучка любопытных, разглядывавших чудо американского автопрома. Да, тогда в шестьдесят восьмом, это действительно было чудо! Сейчас разве чем-то подобным удивишь Петрушевского, сменившего

несколько иномарок,эх...

Немало поколесив по московским улицам, они наконец выбрались на финишную прямую - Новохорошёвское шоссе. Чистяков вновь взглянул на клочок бумаги с адресом Печугина Матвея Юрьевича, деда школьного друга Соболева. Петрушевский, кивнул на записку, спросил:

- Не понадобилась Мосгорсправка?

- Нет, спасибо тебе за подсказку, ученики Серебрякова из будущего помогли. Вот ведь парадокс, пока держишь информацию в памяти всё ясно, стоит перенести на бумагу мозг словно отключает теперь ненужные данные, у тебя так не бывает? Записывал вчера вечером после "перезагрузки". Ладно, давай искать дом номер три, корпус два.

Что собирается делать Чистяков непонятно. То ли по почкам бить коллегу и руки заламывать, то ли беседы говорить, а может придётся бегать за скачущим словно заяц бывшим куратором. Но может статься, Соболев сам накидает тумачков и укажет направление пинком под зад. В цивилизованном мире принято договариваться, у Коли наверняка заготовлены веские аргументы. А дальше? Петрушевский держал вопросы при себе, сперва надо выяснить, а здесь ли прячется беглец, а там видно будет. Москва после десятичасового путешествия, выглядела буднично и бесцветно. Петрушевский свернул на улицу Демьяна Бедного и припарковался у зелёного массива, сквозь который проглядывали панельные пятиэтажки. Где-то здесь может прятаться физик-диверсант.

- Дима, тебя не пугает перспектива заночевать в машине? Времени на поиск гостиницы у нас нет. Затаримся в продуктовом, из удобств кусты, - Чистяков театрально повёл рукой в сторону густой растительности, окаймлявшей дворик жилой застройки района. Ну, что размялись, теперь ищем логово дедушки Печугина.

Петрушевский заржал - шутка Чистякова разрядила нервную обстановку. Долго искать панельную пятиэтажку не пришлось. Потоптались у парадной и решительно открыли дверь. Искомая квартира находилась на третьем этаже. На звонок никто не отвечал. На часах без четверти пять, время когда люди возвращаются с работы. Уже собрались уходить, как распахнулась дверь напротив, на лестничную площадку вышел небритый детина. Расписанные татуированными перстнями пальцы, крепко сжимали мусорное ведро.

- К Пече? Так они с кентом с утра намылились куда-то, а дед во дворе "козла забивает".

- Благодарствую, братишка, - опередив Чистякова, приклатнённо ответил Петрушевский, игнорируя удивлённый взгляд напарника, - когда вернутся не в курсе?

- Не, лучше у деда спроси, знаешь его? Отзовётся на погоняло Мятый.

Вышли во двор искать Мятого. Доминошники кучковались в углу двора вокруг обитого оцинкованным железом стола, нещадно дымя и матерясь при очередном ударе костяшкой. Подошли. Под выкрик "Рыба!", увлечённые игроки разочарованно выдохнули и обратили внимание на молча стоявших чужаков .

- Вам чего, мужики? - обратился пожилой небритый мужичок в накинутах на голое тело засаленном пиджаке и той же свежести кепке на лысой голове. На груди видна татуировка Ленина, под портретом читалась наклейка "В.О.Р". Глаза подозрительно щурились, внешний вид парочки явно не внушал доверия. Петрушевский отметил про себя "мы интеллигенция, таких рабочий класс не жалует, ничего сейчас развеим первое впечатление". Он сделал шаг вперёд и независимо и уверенно произнёс:

- Привет рабочему классу! Ищем Мятого, есть базар до него.

Игроки как по команде повернулись к обладателю портрета "вождя октябрьской революции".

- Юрьич, это не тебя? - поинтересовался один из игравших, перемешивая домино.

Юрьич поднялся, шагнул к Дмитрию.

- Коли базар, давай отойдём.

Зашагал вперёд не оборачиваясь. Петрушевский ничему не удивлялся, ведь в его богатой биографии будет шестилетний срок в колонии усиленного режима. Он знал из будущей жизни привычки и обычаи зоны. Самое интересное, что о судимости знал и Соболев и Серебряков, просто эта тема не поднималась. После "воскрешения" Соболева, эта часть жизни вновь восстановилась в памяти офицеров КГБ. Сценарий своего падения и ареста Петрушевский знал, но до события ещё много лет, а там будет видно стоит ли менять свою историю или потратить шесть лет жизни за решёткой. Вопрос непростой, далеко не философский, а прикладной, ведь менять трагические вехи собственного бытия, чревато радикальными трансформациями биографии. Надо там, в тиши лаборатории по соседству с сестричкой Клото, посоветоваться с тучным начальником, который что-то говорил о программе временных алгоритмов, заложенную в мощном компьютере. А сейчас будущее светило науки стушеввалось и передало инициативу более подготовленному в вопросах специфического общения напарнику.

- Слухай сюда, Мятый. У нас дело не к внуку, а его корешу, Витьке Соболеву. Его дела московские без надобности, мы приехали помочь исправить питерские косяки. Есть заморочки с гэбухой. А это серьёзные мутиловки: скачок с этапа, похищение ствола и ксивы конвоира. Нынче он во всесоюзном розыске. Тебе и внуку нужна

такая голимая подстава? Не сегодня завтра заявятся мусора и повесят укрывательство. Мы хотим увезти его подальше и спрятать пока шухер не утих.

Сказал и замер, что ответит бывалый зек. Возьмёт и отрежет: "Знать не знаю вашего Витьку, что-то вы хлопчики попутали". Но выстрел попал в цель, глаза бывшего урки сузились, выражение лица закаменело. Дед поиграл желваками.

- Стало быть рывок, говоришь? Гонишь складно, а почему я должен тебе верить? Нарисовался неизвестно откуда и дуешь в уши. Я Витьку помню ещё малолеткой, когда жил в Питере. Они корешились с внуком.

- Ничего проще, сам спроси и что Соболев ответит. Да зачем мне туфту гнать. Всё просто: мы Вите реально поможем, увезём, спрячем и живите как знаете. Если мы нашли, найдут и мусора, вопрос времени.

Мятый почесал за ухом. Было заметно, слова Петрушевского его взволновали.

- У хозяина бывал?

- Бывал, но в будущей жизни. Зови меня Попаданцем, а его, - Петрушевский кивнул на Чистякова, - Лаборантом.

Краем глаза заметил, как Николай напрягся, почувствовал недовольный взгляд. Но дед, не обратил внимание на странный ответ, видно решал про себя непростой вопрос.

- Ладно, уговорил. Подыдемся в хату и спросим. Они скоро вернутся, Лёха в центр подался свои макли крутить* и захватил

кента.

* крутить макли - проворачивать делишки (тюремный жаргон)

22. Соболев. Новые реалии столицы

Ехать в центр, с сомнительной коммерческой миссией, Соболев не хотел. Во-первых для человека, находящегося в розыске не лучшая идея, а во-вторых - вся эта суeta со спекуляцией импортными зонтами, колготками, духами "Клема" и прочей дефицитной, но так нужной гостям столицы чепухой, не к лицу и чужда учёному, офицеру КГБ. Но подобные резоны разбивались о простую и понятную возможность заработать на первых порах.

- Ты пойми, Витя, кто тебя будет искать в центре Москвы? Торговать тебе не нужно - засыпешься сразу. Будешь на подхвате болтаться с сумкой неподалёку от ЦУМа. Ещё лучше, если посидишь в летнем кафе на Петровке, неподалёку от ментовки, точняк гарантия безопасности, - противно заржал Печугин.

- Тема простая и денежная: я тащусь ко входу и верчу в руках складной зонтик "Три слона", народ подваливает: "где достал"? Я под дурика мямлю, что мол купил с рук, подарок жене, а теперь сомневаюсь понравится ли. Кто-нибудь обязательно предложит продать и я неохотно соглашаюсь, потому, что пятьдесят рублей дорого, а супруга станет ругать за расточительство. Теперь считай: у тебя в сумке десять зонтов, табаш с каждого по четвертному. В итоге прибыль двести пятьдесят рублей, мне полторы сотни, остальное тебе. Как такая арифметика?

Арифметика впечатляла своей лёгкостью и бесшабашным цинизмом. Соболев задумался, ведь привычный ОБХСС со статьёй 154 - скупка и перепродажа с целью наживы, в будущем - анахронизм, который никто не будет воспринимать серьёзно. Димка

рассказывал что понятие спекуляция исчезло из уголовного кодекса, как только страна перешла на новые экономические рельсы. До будущего ещё надо дожить, а сейчас приходится цепляться за противоправные возможности. Вновь с горечью подумал о ближайшем будущем - не век же куковать в квартире, больше напоминающей холостяцкий притон уркаганов. В слух поинтересовался, изображая недоверие:

- А если прихватят? Потащат в милицию, станут вопросы задавать и что тогда?

- А тогда я полезу в карман и достану эту синенькую бумажку, типа простите, товарищ милиционер, больше не буду - Алексей опять гаденько оскалился и помял пальцами пятирублёвую купюру.

Соболев тоже хихикнул, а про себя подумал, что в прежней жизни, случись ему нарваться на подобного уличного барыгу, с удовольствием сдал бы в милицию.

- А если ещё раз застучает и не уличный постовой, а сотрудник ОБХСС?

- Тогда несколько таких бумажек, - не растерялся Печа, - не в первой.

Около одиннадцати утра, Соболев занял свой пост. Леша предупредил, что на продажу единицы товара в среднем уходит полчаса, потому напарник обязан находиться неподалёку и держать наготове очередной зонтик. В сумке, в довесок к основному импорту, лежало несколько пачек сигарет, коробка духов, несколько пар колготок, да блок жевательной резинки. Для начала прогулялся по этажам ГУМа. По выходу перехватил требовательный взгляд подельника и ускорил шаг до назначенного места встречи.

- Процесс пошёл. Давай пару зонтов и "Мальборо", - Печугин подмигнул и энергично зашагал назад к лакомого пятаку у входа в универмаг.

К четырём часам в сумке осталось не востребуемая пара пачек сигарет и духи. Радостные возвращались домой.

- А я что говорил? Вот держи, честно заработал, - спекулянт протянул Соболеву сторублёвку с портретом Ленина и двадцать рублей мелкими купюрами.

Соболев подумал, что зарабатывал в лаборатории немного больше, но в месяц. Звание и выслуга не в счёт, но ещё один такой "коммерческий выезд" и совокупное месячное жалование будет перекрыто. Как оперативник, Соболев отдавал отчёт, что рано или поздно Печугин нарвётся на принципиального оперуполномоченного, наведут справки, пробьют по базам и к бывшему осуждённому появятся вопросы. В глубине души, надеясь, что подобное случится не скоро, настраивался на ежедневные вахты с утомительными челночными рейсами. Подошли к дому, деда в кругу доминошников не обнаружили.

- Должно быть пошёл перекусить и жахнуть стопарик, - вслух прокомментировал внук.

Невзрачный мужичок с пожизненным клеймом бухарика оторвался от игры и бросил:

- Нет, не хавать - к Мятому два фраера заявились, видать по делу. - заметив, как Лёша нахмурился, игрок добавил, - Твой дедок сам их в гости пригласил, под руки не тащили.

Соболев занервничал.

- И часто к деду гости приходят?

- Ну, соседи, перехватить трёшку до получки, участковый пару раз навевался, ну и кое-кто из сидельцев, редко. Сейчас спрошу, - и обращаюсь игроку поинтересовался, - не мусора?

- Молодые оба, морды не казённые, не похожи на ментов.

Соболев завертел головой - проверился. Любая новая ситуация, незначительное изменение жизни, автоматически настораживала. Наверно у любого беглеца, обостряется чувство опасности, изгой чувствует себя неуверенно, а страх держит в постоянном напряжении.

- Ты сходи домой один, я подожду четверть часа, если не выйдешь, значит засада и я сваливаю. Ты меня не видел, я тебя не знаю. Иди Лёша, твоих денег мне пока хватит. В городе загляну на твоё место у ЦУМа. На всякий случай, пока, спасибо за помощь.

Печугин кивнул и неуверенно двинулся к парадной. Соболев ещё разок осмотрелся и спрятался в кустах. Сквозь ветки ему была видна вся площадка и двери парадной. Посмотрел на часы, Печугин вышел через десять минут и не увидев приятеля растеряно осматривал площадку. Виктор раздвинул зелень кустов и

окликнул.

- Ну что?

- Тут вот какое дело, Витя. Это не менты, сказали, что специально приехали из Питера и хотят тебе помочь. Что давно знакомы с тобой. Один обозвался странной кликухой Попаданец, второй - Лаборант. Я им толкую, мол ты пошёл в магазин. Они -

ничего подождём. И всё мой старый козёл раззвонил: "где Витьку потерял, ведь уходили вдвоём". Ну, как, зайдёшь? У деда нюх на мусорских особый, иначе не пригласил.

Соболев внутренне усмехнулся, что бы Печа сказал, если узнал про службу в КГБ? "Ваш нюх братцы уголовнички притупился. А сам-то кто? Без пяти минут зек, диверсант и предатель". Стало быть Петрушевский с Чистяковым пожаловали, сперва заложили теперь типа парламентёры или оной мотив? Как узнали? Молнией мелькнуло: значит где-то рядом Серебряков. Ладно, была не была, что будет, тому не миновать. Сухо бросил:

- Пошли, коли не менты, потолкуем.

На кухне оживлённо разговаривали, раздался взрыв хохота. Соболев растерялся, ждал напряжённой тишины, а тут смеются, толь что песни не поют. Жестом показал Печугину, подожди в коридоре и резко распахнул дверь. Смех оборвался. Мятый как бы в оправдание кивнул на Чистякова.

- Весёлый у тебя Витя знакомый - анекдоты травит похлеще иного.

Соболев мрачно глядел на неожиданных гостей, вид у него далеко не благодушный и это дед сразу понял.

- Да, анекдоты травить Витя умеет и не только...

Он сунул руку в карман. Петрушевский приподнялся и побледнел.

- Не волнуйся Дима, ствол вернулся по назначению, я не бандит, а учёный, если ты не забыл. Раз дёрнулся значит в курсе.

Хозяин, я подсяду если не возражаешь? Лёха заходи, поговорим.

Соболев почувствовал некоторое облегчение, это пока не группа захвата во главе с очень злым Ерохиным, впрочем, того отстранили. А Соболеву какая разница, пришлют другого мордоворота. Печугин старший предложил выпить. Молча опрокинул в себя стакан, закусил, за ним Печа и дед, гости вторично отказались, объяснив причину. Ага, отложилось в мозгу, стало быть оба за рулём, это обнадеживало, но начинать важный только для троих разговор не торопился. Первым подтолкнул события Петрушевский:

- Витя, я бы на твоём месте не засиживался. Тебя плотно ищут, предлагаю покинуть гостеприимных хозяев и продолжить разговор у меня в машине.

- Дай перекусить на дорожку, товарищ Петрушевский. Сам знаешь с харчами в местах не столь отдалённых напряжённо.

Петрушевский среагировал на подколку и зло резанул:

- Лучше с голодным брюхом на свободе, чем с баландой за решёткой.

- Да ладно вам собачится, мужики. Вроде как помочь приехали, - попытался сгладить обстановку Мятый.

Напряжение висело в воздухе, Соболев понимал, что недосказанность мешает всем, но главный разговор при посторонних заводить не собирался. Наскоро перекусив, поднялся из-за стола:

- Я налегке, вот портфельчик только. Спасибо хозяева, что приютили и помогли. Пошли что ли, прощайте.

Неловко толкаясь в тесной квартире, троица вышла на лестничную площадку. Спускались по прежнему молча. Соболев прикидывал с какими предложениями обратится бывший коллега, научный сотрудник по работе в ОЛИБ и гость из будущего в лице подростка, когда-то спасший от смерти. Вышли на воздух, за спиной хлопнула дверь подъезда, глаза не зацепились за подозрительных людей - тишь да благодать. Та же компания доминошников, мамочки с детьми, любопытные старушки на скамеечке, крики детворы и шум большого города за границей зелени московского двора. Соболев вдруг подумал, что если дать стрекоча, сопровождающие вряд ли кинутся в погоню. Но зачем в очередной раз срываться неизвестно куда и зачем? Прошло всего пять дней после бегства из мчащегося на всех парах экспресса Ленинград-Москва. А ледяная пустота неизвестности уже вымотала и подавила волю к сопротивлению. Соболев вспомнил, что Петрушевский фарцевал и приторговывал шмотками. Помог деду с деньгами, а тот по ветеранской льготе купил автомобиль "Москвич". Сам почти не пользовался и выписал доверенность на внука. Значит внук и прикатил в столицу, вопрос зачем? А вот и сама легковушка. За руль сел Петрушевский, рядом Соболев, а на заднем сидении Чистяков. Тронулись.

- Ну что, поговорим, Витя? - начал Чистяков.

- А о чём? Я не ваш подведомственный, у меня своё начальство и вы его знаете. Что сделал, лежит на мне и зачем вы тут появились не понятно. Если вычисли меня, то не без посторонней помощи, даже догадываюсь с чьей. Чего ты предлагаешь, Коля, друг ситный?

- Изволь, Витя. Сейчас сильно удивлю. Я ведь знаю, что товарищ за рулём попаданец. Скажу больше, так случилось, что общаюсь с тобой из будущего. Спросишь как? Я руковожу лабораторией, по типу той, что собирался взорвать. Естественно, ты об этом не знал и знать не можешь оттого, что в там в двадцать первом, веке у тебя нет доступа к машине времени, а у меня есть. Удивил?!

23. Соболев. Здравствуй, Витя!

В череде событий, последовавших после ареста, Соболев перестал тешить себя иллюзиями благополучного конца. Уже ясно, долго бегать в условиях постоянного стресса, он не сможет, а главное не готов. Если и появилась возможность отсидеться у Печугиных, то быстро развеялась - отрабатывать мнимое гостеприимство ему не с руки. Он крутил в голове подобные ситуации выбранные из книг и редких фильмов. Там, как правило, появлялись женщины, в какой-то момент вспыхнувших любовью к беглецу или похожая мелодраматическая история, где главному герою следовало отвечать на чувства и терпеливо ждать перемен на печке у зазнобы. Потом неожиданно торжествовала справедливость и следовал хэппи-энд. Чушь собачья! Железные нервы у коллег из внешней разведки, там зубры подготовленные к таким испытаниям, которые и не снились, Соболеву до них как до Луны. Изматывающая ситуация, требовала разрешения и состояла из двух простых, на первых взгляд, вопросов: как не попасться и что дальше?

Но теперешнее заявление, поданное так просто, без пафоса усталым голосом бывшего лаборанта, озадачило. Соболев может и ценил того как специалиста, но не принимал всерьёз - шут, балагур. А тут выясняется такое. Но терять лицо, Виктор Сергеевич не хотел.

- Никак не удивил! Я не забыл твою к тягу к шуточкам и всяческим розыгрышам. Вот и сочинил байку, меня поугать. Лучше объясните оба, что вам от меня надо?

- Ладно, слушай дальше. Я в начале нового века подобрался к матрице времени. Разбил время на три уровня. Время как длительность, как цикл и как волна. Изучил глубинный мир архетипов, образующих основу разных структур характера и создал оригинальную модель развития, в которой синтезированы современные аналитические теории. Все структуры подогнал под оригинальную программу, управляющую ходом событий. На свехмощной ЭВМ, чтобы тебе было понятней, начал запускать программу управления временем для каждого индивида. И если сейчас ОЛИБ нащупывает пути направления потока энергии для

переноса сознания, то у меня этот поток имеет направленность в строго заданные точки прошлого. Вспомни наших подопытных тараканов и мышей. Часть просто пропадала, оттого, что не выбран путь рекуперации, но специалисты лаборатории нашли подход. Другими словами машина времени работает. Это в двух словах, как научному руководителю проекта. Подробности как-нибудь позже.

Соболев слушал и начинал понимать, что так складно на ходу не сочинишь сказку о машине времени. Дьявол кроется в деталях, где-то вычитал и сейчас вспомнил. Ну, а моя роль в этих играх разума? Эволюция смыслов наступит не скоро, что делать сейчас? Чистяков словно подслушал ход мыслей.

- Что делать сейчас? Сдаться, покаяться, искупить вину перед Родиной честным и примерным поведением.

В салоне было жарко, Петрушевский припарковался и приоткрыл окно с водительской стороны. Нервы не выдержали, Соболев взорвался.

- Коля, ты что издеваешься? Зачем сыпешь агитки и подталкиваешь примерить лагерный клифт? Я не за этим сбежал из под охраны, что мешает сделать это сейчас?

- Объясняю доходчиво и популярно. До тебя не дошло ещё, что я могу запустить информацию из будущего и изменить ход событий? Ты так поступал с помощью Димы, но этого не помнишь, ведь твои воспоминания дважды стёрты. Сперва физической смертью под колёсами грузовика. Да, да, тот самый случай, когда источник тебя первый раз спас, а второй - "забыл" это сделать. Но, из гуманных побуждений, мы Соболева заново спасли, чтобы пресечь идиотские планы взрыва лаборатории и наказать, дабы впредь не повадно было. Но ты, своими непомерными амбициями и дерзким побегом, поставил на ноги все службы страны. Мы с Димой спровоцировали цепочку непредсказуемых событий, нам, вернее мне, поручили переговорить с тобой. Срок получишь минимальный, никто не

заинтересован раздувать скандал с попыткой теракта, побегом и кражей оружия. Когда освободишься, у тебя появится возможность восстановиться в ОЛИБ, это руководство гарантирует, и вернутся в проект. Либо иди своим путём, но без государственной поддержки, где твои возможности сильно ограничены. У меня опытный образец заработал в 2016 году, с тобой можно завершить значительно раньше. Есть некоторые производственные и теоретические вопросы в которых без твоей помощи я не потяну. Вот и весь расклад, Виктор Сергеевич, решай!

Соболев обмяк, но успел заметить возмущённую реакцию Петрушевского. "Меж собой не согласовали", отрешённо подумал вконец раздавленный беглец. "Ладно сдаюсь, сволочи, когда-нибудь поквитаюсь с вами, время покажет". Он перевёл взгляд на внимательно наблюдавшего Чистякова.

- Согласен, убедил. Нет сил сражаться с системой, когда у неё такие помощники. Где там группа захвата?

Чистяков дважды посигналил. Из стоявшей перед ними и казавшейся безлюдной "Волги" высыпали несколько человек в штатском. Первым торопливо подошёл полковник Серебряков.

- Ну, здравствуй, Витя! Выходи медленно, руки вперёд.

Вечереет, скоро Москва зажжёт огни, по оживлённым магистралям столицы движутся граждане великой страны, а вот Соболеву предстоит поездка на казённом транспорте в изолятор Лубянки, затем допросы, суд и срок. Просто, скучно, но вполне жизненно. Зато появилась надежда скостить срок. У всевластной структуры найдутся способы повлиять на приговор, надо попытаться договориться и теперь необходимо строить линию защиты. Соболев сидел в наручниках, подпёртый с двух сторон суровыми операми. История с Ерохиным, наверняка получила резонанс среди силовиков, инструктировать сотрудников не требуется, при первом подозрительном движении, готовы отметить - всё по инструкции.

"Но я вам такой возможности не дам", мелькнуло в голове: ждать и надеяться, надеяться и ждать.

После обязательных процедур со сдачей вещей, досмотром и выдачей матраца и одеяла, контролёр подвёл его к камере. После обязательной команды "Лицом к стене", отпер дверь. В казённом помещении у находился человек. Когда он медленно повернулся, Соболев с испугом признал в нём опального капитана Ерохина, с которым так жёстко обошёлся. Тот медленно поднялся и двинулся к новичку.

- Не хочешь теперь помериться силами, козёл?

После нескольких ударов Соболев оказался на полу, заскрежетал ключ, в проёме вырос надзиратель.

- Хватит Витя, не забей мне тут подследственного. Пошли.

Когда захлопнулись двери, Соболев понял, знакомые капитана дали тому возможность поквитаться с обидчиком. После возврата оружия и гэбэшной ксивы, срок больше не корячился, но мастер спорта по самбо помимо проблем по службе получил чудовищный удар по самолюбию. Ладно, не в обиде, капитан в своём праве, главное не, покалечил. Соболев и кряхтя завалился на койку. Болячки пройдут, гораздо важнее, его положение в свете УК РСФСР. Статью 188 (побег), а главное 68 (диверсия), никто не отменял. Как следствие будет трактовать его действия, сочтёт ли мотивы смягчающими? Соболев пожалел, что почти не знаком с комментариями к Уголовному кодексу, где прописаны трактовки к статьям УК и смягчающие обстоятельства. Вообще-то следователь обязан разъяснить, ведь я искренне покаюсь и желаю сотрудничать, - думал Соболев. А разбираться должна военная коллегия. Посмотрим.

Мысли перекинулись на "особую парочку". Со слов Чистякова, у Соболева две жизни. Подобное сообщение не поддавалось в логике.

Если погиб под колёсами, как можно отмотать время и скорректировать событие, которое уже случилось, ведь природа вещей не допускает воскрешения. Впрочем, воскрешение совсем не то определение - правдивее отсутствие совокупности обстоятельств. Обстоятельства непреодолимой силы возникают в точно заданное кем-то или чем-то время. А если вмешаться, да отменить наезд ГАЗ-31, то что? Жизнь в по заданной программе или фатум вернётся? Тут не физика, а философские проблемы бытия. Как следствие, машина времени - инструмент управления миром! Осознаёт ли это Чистяков из будущего? Мысли путались, сознание, под спудом вопросов, погрузило Соболева в тревожный сон, который прерывался при смене положения тела от болезненных ушибов Ерохина.

Встреча с полковником состоялась через день. Серебряков долго изучал сидящего перед ним почти близкого человека. Соболева это раздражало - чего мочать и так всё ясно.

- Синяки, это как понимаю, результат падения во сне со шконки? Можешь не отвечать. Давай-ка, Витя, попьём чайку, разговор долгий. Ждём генерала Арефьева, лично хочет полюбоваться тобой. Вопрос простой: зачем нападать на ковой и прятаться, зная нашу систему и со стопроцентной уверенностью предполагая новое задержание и прибавку к сроку. Пошёл в разнос? Ты же не многоопытный зек, которому терять нечего и для которого тюрьма дом родной. Сегодня воздух свободы, завтра затхлый дух крытки?

- Николай Трофимович, а можно без моральных аспектов? Что случилось, то случилось. Я здесь добровольно благодаря вашим помощникам. Раскаиваюсь и готов к сотрудничеству.

- А сотрудничество в чём? Следствию и так всё ясно. Итоги твоих поступков налицо: лаборатория на время следствия закрыта, Ерохин отстранён от должности, избежал статьи благодаря твоему "гуманному" поступку с возвратом. Про себя молчу, управление на ушах, даже Председатель в курсе. Если твоё помутнение сознания выливается в такие формы, то тебе не место в органах, а в дурдоме.

Мотивы ты в прошлый раз мне излагал, самому не смешно? У начальства есть основания считать, что тобой кто-то манипулировал. Но сообщников пусть ищет следствие, лично я кого-то со стороны не вижу, как не вижу измены. Зато вижу дурость и отсутствие здравого смысла. Авось прокатит, я всех обдурил: свалил вину на Дооса и лабораторию прибрал к рукам. Ответь в чём не прав?

Дверь распахнулась в кабинет зашёл генерал. Не спеша, как и подобает начальству, прошёл к столу и опустился на заблаговременно приготовленный стул.

- Я вижу вы тут чаями раговляетесь, - кивнул на два стакана чая, баранки и конфеты "Коровка", - и я не откажусь.

Серебряков кликнул выводного и попросил ещё чая. Какое-то время в допросной слышались прихлёбы и сопение. Арефьев опустил чашку, добродушный пожилой начальник исчез, генерал словно калёные гвозди стал вгонять в голову подследственного:

- Соболев, предварительное решение по вашему делу вы уже знаете. Гнобить вас на красной зоне, не вижу смысла. Щедро разбрасываться офицерами и учёными высокой квалификации вашего профиля мы не станем. Если следствие не откроет новых тревожных обстоятельств, у министерства есть идея вернуться к старому опыту времён товарища Сталина - в экспериментальном порядке запустить закрытую лабораторию в рамках программы исследований структурного подразделения "Ф". Суд определит вам наказание и некоторое время проведёте в ИТК пока согласуем место для "шарашки" с Главным управлением исполнения наказаний. Все подробности с прежним куратором полковником Серебряковым. Про секретность говорить излишне, а вот предупредить о будущей вашей деятельности обязан. Вы будете находиться под постоянным контролем, и выходки, подобные той, что пытались организовать в ОЛИБ, будут караться жестоко, вплоть до ликвидации, зарубите у себя на носу! Время подумать у вас теперь много. Если согласны, задавайте вопросы. Если откажетесь, то весь срок проведёте в Нижнем Тагиле на общих основаниях.

24. Соболев. "Красная утка"

Состав с прицепленными "столыпинским"* вагоном, подъезжал к вокзалу Нижнего Тагила. Из клетки камеры Соболев мог что-то увидеть, если бы старший конвоя открыл форточку, замазанную как и окно краской. Но за стенкой уральская зима, оттого подобной роскоши, как глоток свежего воздуха и картинки за окном вагонзак, сегодня не предвидится. Соболев, вновь опустил голову на лавку второго яруса. На следствии, не без помощи старших "товарищей", подвели статью 98 УК РСФСР, гласившую "Умышленное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества". Статья резиновая - лишение свободы на срок до десяти лет. Оставалось только гадать.

Государственный адвокат от военной коллегии с допуском к секретам ведомства, пророчил три года. Но суд приговорил к пяти. Соболев доказывал, что ущерб не причинял, в последний момент передумал и хотел выбросить адскую машинку. Но следствие потушило пафосное раскаяние связью с рецидивистом и заказом взрывного устройства. При этом странным образом исчезли фамилии Петрушевского и Чистякова, а все организационные хлопоты повесили на Соболева. Для полной картины, рецидивист Фисуненко, по кличке Балабан, выучено твердил про свихнувшегося старшего лейтенанта, шантажировавшего бывшего зека старыми грехами. В деле ни слова о нападении на конвой и побег. Соболев усмехнулся загадочным метаморфозам советского правосудия, отлично понимая откуда ветер дует. Ладно, уговор с Арефьевым есть уговор, полностью мотать срок он не собирается - УДО никто не отменял, а два с небольшим года, как принято отзываться о малых сроках, "на одной ноге отстою".

Лязгнула сцепка вагона, вагонзак подогнали к специальной платформе. Подробности действий конвоя, рассказывал по пути бывший зонавский опер, осуждённый за взятки, оттого дальнейшие действия были известны. Подкатила зонавская охрана и спецконтингент потянулся из опостылевшего вагона на свежий

воздух. Конвой передал пакет с личными делами, переключка и далее путь до конечного пункта в автозаке. Ехать недалеко, ИТК расположена в черте города. Здравствуй учреждение УЩ 349/13, временное пристанище ментов, судей, кэбэшников, тюремных оперов, контроллеров и прочего государственного люда. Для Соболева двухнедельный карантин пролетел словно во сне. Его натура с трудом проникалась новыми реалиям, поэтому время сжалось в серую череду будней, с изучением правил общежития, читками исправительно-трудового кодекса и проверками. Запомнился разговор на повышенных тонах после душа. Два голых человека не поделили тесное пространство предбанника.

- Толкаться и прижиматься обязательно, гражданин?

- Ничего мужик, переживёшь. Мне ты на ..й не нужен.

- Что?! Да я майор, старший участковый инспектор. Слова подбирай, мужик!

- Говна ты кусок, такой же бээс** как и я. Но я девчонку малолетнюю не пялил силком в кабинете. Тебе доли малой показалось недостаточно, так на сто семнадцатую*** потянуло.

Окружающие брезгливо морщились и невольно расступались перед насильником. На переключке, осуждённый обязан назвать помимо фамилии, статью и срок. Другой вопрос откуда подробности, так тут случайных людей почти нет, каждый десятый бывший опер, что надо узнают. Вот и первый урок - не кичись званиями, да должностями, это в прошлой жизни. Примерно так говорил начальник колонии на распределении по отрядам:

- Граждане осуждённые! Я на своём веку повидал немало оступившихся бывших сотрудников. Мораль читать вам не стану. Здесь нет званий и прежних заслуг, здесь люди, и мне очень хочется в это верить, планирующие стать на путь исправления, искупить вину,

вернуться домой. Кто считает иначе и хочет жить по своим правилам, обязан помнить про меры принудительного перевоспитания. Вы, в большинстве, когда-то давали присягу, знаете особенности пенитенциарной системы, должностные инструкции, а так же особенности системы МВД и других спецслужб. Надеюсь проблем не возникнет.

Соболева распределили во второй отряд, а перед этим его пригласил начальник отряда, капитан Лидский. На столе лежало личное дело осуждённого. Капитан просматривал анкету, затем обвинительное заключение. Соболев знал, что его обвинительное заключение маркировано штампом секретности, оттого на руки не выдавалось.

- Соболев, тут у вас сплошные государственные секреты. Я так понимаю, что у вас профильное образование гуманитарное и вы кандидат физико-математических наук?

Соболев кивнул. Отрядник полистал дело и продолжил:

- Плюс специальные навыки на курсах КГБ. В совокупности хорошая память, аналитический склад ума, развитое абстрактное мышление и математические способности. И куда я дену почти готового разведчика? Ладно, надеюсь проблем не будет, вы люди особой закалки. Пока направляетесь в столярный цех, к бригадиру Березовскому вашему бывшему коллеге.

Так Соболев попал на линию, где заготавливали шпунтованные доски для полов. Если не считать уроки труда, когда в седьмом классе будущий учёный сколотил первый и единственный в своей жизни скворечник - работа в столярке, далёкая от знаний и предыдущего опыта, новая компетенция. Потекли однообразные дни, скрашенные выходными, праздниками, фильмами и концертами в клубе. Не служившему в армии, Виктору не легко привыкать к ежедневным проверкам, осмотру внешнего вида, ходьбе строем. В диковинку рассматривать через прутья локальной зоны,

отгораживающей помещения отрядов, других осуждённых. Бригадир, на бирке которого легко читалось "Березовский Г. И., 6 отряд", познакомившись с новичком, зачем-то подмигнул. Во время перерыва, подсел в курилке и начал разговор:

- Ну, что земляк, не узнал?

Соболев вглядывался в Березовского, лицо и вправду знакомое, когда-то встречались. О том и сказал бригадиру.

- Сейчас напомним. Я из розыскного, виделся на совместных оперативках пару-тройку раз. По прежней должности старший опер. Ваш отдел в управлении стоял всегда особняком, сплошные секреты, ребята в шутку называли вас "временщики", а к Серебрякову относились очень хорошо - правильный у вас начальник "с историей".

Под сленговым словечком "с историей", подразумевался сотрудник, многократно зарекомендовавший себя до и после войны, как высококлассный специалист. Разговорились, земляк,, по определению предполагал дружеское отношение. Геннадий был старше на десять лет, помнил войну. Выглядел под стать должности: пронзительный взгляд, рубленые скулы, железная хватка при рукопожатии, да и силушкой был не обделён, в свободное время не вылезал из "качалки" - крытой подсобки с самодельными тренажёрами во дворе отряда. После службы в пограничных войсках, написал заявление в школу милиции. Высокий процент раскрываемости "на земле", острый ум и способности к аналитике, подтолкнули к следующему шагу - Геннадий продолжил образование в том же учреждении, что и Соболев. После чего его перевели на Литейный. За успешную операцию по захвату агента иностранного государства, досрочно получил майора. Эти подробности постепенно выяснялись в разговорах.

Гена похлопотал перед отрядником и Соболев переехал на верхнюю шконку над бывшим ленинградским коллегой. Со временем Виктор узнал от приятеля подробности его дела. История следующая:

молодая жена Березовского ждала ребёнка, это было заметно по фигуре, но не спасло от молодых ублюдков, напавших на женщину в подворотне. Банальная до зубовного скрежета история: с одной стороны ублюдки-наильники, с другой беззащитная женщина. В итоге жена, вместе со здоровьем, потеряла ребёнка. А затем начался кризис в семье и всё покатилося наперекосяк. Через пару месяцев по аналогичному преступлению удалось вычислить преступников. Геннадий упротил смежников из уголовного розыска взять с собой на задержание. В итоге, майор уложил двух наильников и одного ранил. Против Березовского завели уголовное дело, а старшего милицейской группы, в нарушение всех инструкций допустившего сотрудника другого ведомства и заинтересованного лица, уволили. Гена получил за неправомерное использование оружия, приведшего к смерти двух подозреваемых, пятилетку из которой уже год провёл на зоне.

Березовский подсадил приятеля на чифир, продуктовую выписку делили пополам и образовали так называемую "семью", что на зоновском сленге воспринималось без негативного подтекста. Соболев неохотно делился своими грехами, ссылаясь на закрытость. Но по секрету поведал, как удалось соскочить с поезда при этапировании, упустив эпизод с табельным ПМ и удостоверением. Виктор Сергеевич, посчитал, что кража оружия не красит его как офицера, человека чести по определению.

Календарь исправно отсчитывал дни. Через пару месяцев Соболева вызвали в оперчасть. Кум задумчиво разглядывая новичка, молча положил перед ним заявление в Калининский загс от Соболевой Нины Георгиевны. Обращение содержало просьбу отречения от сына, как изменника и предателя. Копия выслана в районный суд. Соболев прочитал бумагу, внутри всё сжалось, за что же так, мама. Посмотрел на пожилого майора с усталыми глазами.

- Что мне с этим делать, гражданин майор?

- Это вопрос скорей к судебнo-правовой системе, а не ко мне. Естественно, ни суд, ни загс не принял заявления. В законе не

прописана подобная практика. Скорей экскурс во времена сталинских репрессий. Тогда это было принято - публичное отречение от родителей, родственников, детей. Поскольку бумага пришла к нам с пометкой "для ознакомления", решил пригласить вас, Виктор Сергеевич. Простите, но ваша матушка застряла в прошлом времени, коль так радикально рвёт связь с единственным сыном. Но у меня для вас ещё одно сообщение. Тут никаких документов. Я поясню, у меня друг служит в вашем ведомстве, так вот на словах передал мне для вас следующее. Полковник Серебряков застрелился в кабинете, когда к нему пришла служба собственной безопасности. Мотив никому не ясен, посмертной записки не нашли. За день до того снят с должности генерал Арефьев. Больше ничего не знаю.

Соболев сидел оглушённый двумя жуткими известиями. Если в случае с матерью подобный эмоциональный поступок как-то объясним, то история с полковником не лезет ни в какие ворота. И ещё ясно, что никакой "шарашки" ждать не придётся. Теперь он отрезанный ломоть, сам по себе - ни матери, ни опекуна. Как бы там ни было, Николай Трофимович, близкий ему человек, которого он знал с детства. С мамой другое, она коммунист до мозга костей, идеолог строя, пропагандист. Отойдёт и простит. Реперь с прошлым его связывает желание отомстить бывшим коллегам, заварившим эту кашу. В клубке событий, без точной информации, можно только гадать, в какой степени, сегодняшние новости стали детонатором смерти полковника. Дикий поступок родительницы оценивал философски: "Видно у меня с мамой генетическая аномалия совершать публичные безумства"

- Спасибо за информацию. Я могу идти?

- Свободны. Впрочем, Соболев задержитесь. Я хотел вас спросить о вашей бригаде Березовском. Какие у вас отношения? Делитесь сокровенным? Какие планы в будущем? Вы должны понимать, это моя работа, стучать не требую, просто расскажите, что знаете. Поверьте вопрос не праздный.

Соболев молча резанул взглядом кума, вот так в наглуую

интересоваться приятелем, перед эти раздавив его сообщениями о близких. Пауза затянулась.

- Так что, Виктор Сергеевич, поможете мне, а я помогу вам. Подобные истины объяснять не надо?

- Простите, гражданин начальник, мне нечего вам сообщить. Разрешите идти?

* столыпинский или вагонзак - вагон для перевозки спецконтингента

** бээс (БС) - бывший сотрудник

*** 117 - статья за изнасилование

25. Серебряков. Нечего терять

На суд Серебряков приходил, когда требовались свидетельские показания. Соболев отрешённо сидел, опустив голову и казалось, что судят кого-то другого. На лице никаких эмоций, взгляд в пол или рассеянный на мать. Нина Георгиевна появилась один раз, бледная с каменным выражением лица и горящим взглядом. Она сдерживалась и это было заметно. В перерыве заседаний Серебряков подошёл к бывшей возлюбленной и попробовал её утешить.

- Не надо, Коля, я всё поняла. Воспитала предателя и террориста. Не лезь ко мне, я разобралась и сделала выводы. Чтобы ты не сказал факты налицо, предатель - мне не сын! Прощай.

Резко повернулась и почти бегом направилась к выходу. Предъявила повестку конвоирам, охранявшим заседание в закрытом режиме. Серебряков вздохнул, что тут скажешь - права мать, ей судить в первую очередь. Во время оглашения приговора, наконец поймал взгляд Соболева. Тот чуть заметно кивнул - не переживай

сделаем как обещали. Накануне связался с Москвой. На том конце генерал Арефьев подтвердил договорённости, но пожаловался на ГУИН.

- Не хотят возвращаться к практике ГУЛАГа. Требуют согласования с правительством и закрепления законодательно. Я пытался объяснить пользой для государства, кстати подобное целеполагание не нашло отклика и у Председателя после моей служебной записки. Да это не важно - тут я добьюсь поддержки, важно как будет подано наверху. В конце концов наш отдел может взять на себя этот вопрос, но не телефонный разговор. Давай по текущим делам. Когда думаешь открыть лабораторию и возобновить исследования?

- Сразу после приговора. У Дооса имеется пара кандидатур на место Соболева, проверил личные дела. У меня вопросов нет. Планирую провести беседу в коллективе и правильно осветить инцидент.

- Хорошо. Докладывай, конец связи.

- До свидания, Семён Ильич.

Серебряков повесил трубку. Эта привычка - "конец связи" у генерала ещё с послевоенных лет, когда мобильные группы МГБ укомплектовали трофейными рациями "Телефункен". Полковник закурил, нахлынули воспоминания о славном прошлом. Как после библиотечного техникума попал по набору на милицейские курсы. Как начинал лейтенантом госбезопасности и гордился новенькой формой: закрытым однобортным френчем с малиновыми петлицами и "шпалой", синими брюками заправленными в сапоги. Правда форма надевалась не часто, работали, главным образом, по гражданке. В начале войны попал в стрелковую дивизию, был ранен. В 43-м году командовал одним из подразделений только что сформированной 70-й армии войск НКВД, а в апреле переведён управление контрразведки "Смерш". Тогда же, на недавно введенных погонах, у

Серебрякова появилась третья звёздочка старшего лейтенанта. Возглавлял отдельную бригаду Степного фронта капитан Арефьев. После войны учёба и возвращение в о время . Отдельные эпизоды службы роились и складывались в пёструю картину бесконечных арестов и допросов. По долгу службы, Серебряков часто нарушал инструкцию и выезжал со своими операми на задержания. В 1957 году одним из первых награждён знаком "Почётный сотрудник госбезопасности". Он так и висит на парадном кителе на правой стороне. Давно это было.

Николай Трофимович вызвал заместителя и предупредил:

- Сережа, я домой. Чувствую себя неважно.

Серебряков в свои пятьдесят шесть на здоровье не жаловался. Говорят, что у человека в экстремальных ситуациях укрепляется иммунитет. Экстремальными условиями часто называются война и тюремный срок. Но то на словах, Серебряков не раз хоронил соратников моложе его, а причиной служило как раз подорванное здоровье на фронте и ранения, оставленные не только войной, но полученные в операциях по задержанию преступников всех мастей и окрасов. Стреляет и машет ножом не только пададь отечественного разлива - свихнувшиеся граждане, уголовники, бывшие пособники немцев, но и хладнокровные агенты спецслужб. Принцип тут предельно прост: или ты его остановишь любым способом, либо тебя в ждёт больница или похороны под залп воинского эскорта. Такая горькая составляющая силовиков. Полковник от общих рассуждений вернулся к болезненной теме осуждённого Соболева. А вот состоялся бы взрыв лаборатории, пускай ночью, но могли же быть пострадавшие: охрана, уборщица, задержавшиеся сверхурочно сотрудники. И что же, Витя не мог этого предусмотреть. Не иначе кто-то невидимый управлял действиями старлея со стороны, лишив того здорового ума и элементарного расчёта.

После попытки диверсии и последующих событий всё пошло не так. Словно вынули стержень на котором держался непоколебимый авторитет полковника Серебрякова. Всё посыпалось,

пропала уверенность в доверии московского начальства. Никто не хотел верить в помутнение рассудка исполнителя, все искали тайные нити заговора, работу зарубежных спецслужб и как следствие, подрыв веры в правильность целей и задач ОЛИБ. Нужность привлечения советской науки на призрачные цели, не подкреплённые внятной концепцией. Если копнуть глубже и в этом Серебряков не хотел признаться, много в СССР шло не так как задумывалось. На то масса причин, неожиданно получивших разъяснения в ходе знакомств с материалами попутанцев. Аналитические записки для Политбюро готовились в Москве на основе протоколов, собранных Серебряковым и коллегами на Лубянке. Раньше полковник не задумывался о причинах приведших к распаду страны, иногда спорил с более чувствительным к внутренней и внешней политике Соболевым. А вот после трагедии с бывшим сотрудником, почему-то стал прислушиваться к моральному камертону логики и здравого смысла. Выделять важное и сущностное сегодняшнего дня.

Дома, по привычке поздоровался с портретом жены - любимая Анна Трофимовна умерла два года назад от рака груди. В ушах всё ещё звучит весёлая переключка из комнаты на кухню.

- Трофимыч иди сюда.

- Иду Трофимовна.

Дочь после школы, поступила на юрфак университета, недавно вышла замуж и переехала к мужу. Серебряков остался один. Надсадная боль от потери жены и отдаления единственного ребёнка, восполнялась работой и спрятанными глубоко внутри родительскими чувствами к Соболеву. Николай Трофимович стал чаще вспоминать маму подопечного. Выстраивал гипотетическую ситуацию сближения с бывшей возлюбленной, он осознавал, что два сильных характера никогда не смогут сосуществовать рядом. Целеустремлённость и преданность идеалам коммунизма, подтолкнули непримиримое отторжение в сердце матери после суда над сыном. А каково было, если бы Серебряков и Нина Георгиевна сблизились? Нет, Нина умирать будет с именем Ленина на устах. Время не просто упущено,

оно невосвратимо ушло. "Так уж и ушло?" - резануло в могу, - А как же Петрушевский и Чистяков, так играючи меняя точки возврата, создают новые реальности? В который раз ругал двоих авантюристов, затеявших эту игру, а главное убедившие его предотвратить служебное преступление. Покоился бы с миром безвременно ушедший сотрудник, а так...

Мысли прервал звонок телефона. Звонил Арефьев, что было неожиданно после утреннего разговора. Когда-то они виделись чаще, дружили семьями, но после учёбы в академии, Арефьев переехал в Москву и общение огранивалось редкими посиделками на генеральской квартире и раз год отмечался в гостях у Серебряковых. А после смерти Аннушки и вовсе не появлялся, достаточно ежемесячных встреч с Серебряковым приезжавшим на доклады в Москву.

- Привет ещё раз. Что-нибудь случилось?

- Случилось, Коля. Меня "уходят", в лучшем случае проводят на пенсию, в худшем догадайся сам.

- Соболев?

- Да! Сам понимаешь я буду не единственным, - Серебряков молчал, - осмотришь там у себя. Ты понял?

- Понял, я всегда тебя понимал, Ильич.

- До связи!

Вот и началось, интересно отчего начали чистить сверху? Кто следующий и почему не меня? Серебряков прикидывал свои превентивные меры, ясно сознавая, что подставил генерала по

крупному. Арефьева приказом коллегии отчислили через неделю. Формулировка злая и для ближнего круга понятная: в связи с утратой доверия. Через два дня Арефьев заявился в квартиру к полковнику собственной персоной.

- Непривычно видеть тебя в гражданской одежде, Семён Ильич, - улыбнувшись заметил хозяин.

- Привыкай, Коля. Вот держи.

Семён Ильич вытащил из объёмистого портфеля коньяк и продуктовые деликатесы. Расставляя закуску, кивнув на банку красной икры и консервы тресковой печени, заметил:

- Последний раз отоварился в распределителе, нынче вышвырнули в народное хозяйство, так что теперь своими ножками в гастронорм. Лиза злая, ругается, привыкла хорошо жить. Ну да ладно, со мной всё ясно. Начато внутреннее расследование, я приехал обсудить с тобой наши дела и твоё поведение ближайшем будущем.

Серебряков и его гость расселись за столом. Неуклюже нарезанные овощи, куски балыка, колбаса твёрдого копчения "Московская" и прочие вкусности, требовали дегустации. После первых возлияний, мужчины перешли к серьёзному разговору. Генерал молча повёл вокруг руками и приложил к уху, затем вопросительно поглядел на товарища.

- Прослушки нет, я проверял. А что, так серьёзно?

Генерал с полным ртом что-то промычал и пережевывая зло ответил:

- А что у нас несерьёзно, Коля? Всё началось с твоего засранца,

Соболева. Но как выяснилось, это всего лишь повод. Наша деятельность и отвлечение средств на разработку машины времени, кое кому, там в МВД сильно не нравится. Сам знаешь какие отношения у Щелокова с заклятым другом Юрой. А тут мы со своими справками, аналитикой, рекомендациями. Вспомни, что начнётся после прихода нового генсека. Но это случится только через одиннадцать лет и тут разночтений не усматривается. Все попаданцы дружно твердят, что Андропов начал чистку рядов в 83-м, затем Черненко, Горбачёв и развал страны. Мать их ёб! Ты понимаешь, что информация от Председателя, может просачиваться в МВД и другие эшелоны власти. Если у нас где-то протекает, значит ложится на стол Щёлокова. Там в будущем накопают вагон компромата, а если это известно Николаю Анисимовичу, спроси себя: ему это надо? Тогда его припёрли к стенке и он пустил себе пулю в лоб, а перед этим ушла в лучший мир жена. Понимаешь какую бомбу мы держим в нашем архиве?

Серебряков замялся, ему почему-то такой расклад не приходил в голову. Семён прав, а если продолжить историю о развале Союза, ГКЧП, ельцинский бардак. Попаданцы описывали все это по разному, сквозь своё видение политической картины в стране. Но обработанные данные, условно можно считать достоверными, ну не бывает в жизни подобных совпадений от нескольких десятков людей попавших в это время из двадцать первого века. Никому не придёт в голову фантазировать и мазать будущее на свой лад чёрной краской.

- Значит мы с тобой носители опасной информации. А с такими людьми церемонится не станут! Порадовал Семён Ильич и пока мы с тобой живы, требуется сохранить архивы или сделать копии. А единственная защита только в лице Председателя. Думаешь он понимает ситуацию?

- Да, мы с тобой живы, слава богу. Мне дали по рукам в первую очередь. Ты следующий. Пока отделом заправляет мой заместитель, он человек Андропова и нас будет прикрывать. А дальше я ни за что не ручаюсь. Давай выпьем, Витя.

26. Петрушевский. Вас убьют!

В первых числах февраля 1973 года, бабушка передала внуку письмо. Обыкновенный конверт без обратного адреса. Гадать долго не пришлось, Дима узнал подчерк Соболева. Удивительно получить весточку из-за колючей проволоки, тем более от человека, к которому, мягко говоря не испытывал симпатий. Взмолвленно вскрыл конверт. Содержание странное, но конструктивное. Виктор писал:

"Привет, Дима! Не удивляйся, решил связаться с тобой по необходимости. Пришла информация, что Серебряков покончил жизнь самоубийством. Никогда не поверю в подобную глупость со стороны ветерана. Зная твои "способности", подключи своего друга и выясни, что произошло на самом деле. Если мои худшие предположения оправдаются, повтори фокус с "воскрешением". Как это сделать, не мне тебя учить. Письмо я передаю на волю с надёжным человеком, сам понимаешь, попади оно в чужие руки не поздоровится мне и тебе. Буду премного благодарен, если в иносказательной форме дашь знать о дальнейших событиях. Соболев".

Дозвониться до Чистякова оказалось непросто. Вот где пригодился мобильный телефон, увы подождать осталось каких-то двадцать два года. Петрушевский вспомнил, как приобрёл свой первую "трубу". Это случилось в 96-м, "Нокия" с огрызком антенны исправно служила до начала 21-го века. Прогресс ушёл вперёд, гаджеты уменьшились в размерах и потребовалось идти в ногу со временем.

Наконец в десять вечера дозвонился до учёного. В двух словах рассказал о послании и предложил встретиться.

- Значит, Витя просит подключить наш особый ресурс и узнать, что случилось в 73-м году с полковником?

Они шли по дорожке ЦПКО, первое весеннее солнышко, тающий снег под ногами. На площадке перед

Елагиным дворцом, выгуливали малышей гордые и независимые мамы. Детки постарше подкармливали стаи голубей, к неудовольствию редких старушек, притащившихся в нагулянные заповедные островки паркового великолепия.

- Ты, что-нибудь знаешь?

- Да нет! Откуда? Серебряков как куратор с тех пор не тревожил. И вот это письмо. Не идти же мне на Литейный. Звонить бесполезно, ответят, что полковник отсутствует. Давай посыл в будущее и подымай свои связи в ФСБ, должно же быть дело по суициду в архивах. Главное узнать день и час, тогда встретимся с полканом и переговорим. Может у него из ряда вон выходящие обстоятельства, вот и застрелился. Правда не очень в это верится.

- Мне тоже непонятно, зачем нам спасать Серебрякова. История с воскрешением Соболева, совсем другое дело. А тут лезть в личную жизнь малознакомого силовика и упреждать ход истории? Ладно, ладно, я не возражаю. На утро уже буду знать всё необходимое, может и раньше. Пойдём купим мороженое.

- Чего? На улице не лето.

- Хочется, - коротко и исчерпывающе произнёс Чистяков.

Было заметно, что он озадачен новым заданием и пытается его как следует запечатлеть в памяти. А там, в 2018 году, вспомнить, получить знания и начать действовать из сегодняшнего "прошлого". Абсурдность подобных ситуаций всегда воевала со здравым смыслом. Петрушевский прокручивал колесо поступков и до конца никогда не понимал, как наложение новой информации влияет на ход

маленьких эпизодов заново возникающего исторического единства. Объяснить вроде просто, но неподготовленный слушатель ровно ничего не поймёт. Действительно, как это из будущего возвращаться на годы или десятилетия назад и аккуратными мазками, словно художник править картину прошлого, череду событий и поступков. Голову начало ломит, Петрушевский, как уже бывало в таких случаях сошёл с темы, отключил вопросник и непринуждённо начал болтать с товарищем на отвлечённые темы. В преддверии весны хочется рассуждать о высок, романтическом. А впереди вся жизнь...

При следующем контакте, Чистяков обыденно рассказал, что по материалам расследования самоубийства начальника ленинградского филиала подразделения "Ф", смерть наступила около пятнадцати часов 21 февраля 1973 года в результате выстрела с близкого расстояния из табельного пистолета. Предсмертной записки не обнаружено. Следов сторонних насильственных действий не обнаружено. Дело закрыто.

- Вот так просто и жутко. Всё, что удалось выудить. ФСБ умеет обставлять смерть неугодных людей. Осталось встретиться с полковником. Процедуру ты знаешь, мы и малышка "Клото". А сегодняшняя встреча, сотрётся. Восстановится только, в феврале. Вопросы есть? Вопросов нет!

Встретились неподалёку от проходной института. Тот же телефон-автомат, что при первом звонке Серебрякову. Вдвоём тесно. Петрушевский снял трубку, взглянул на Чистякова.

- С богом! Алло, Николай Трофимович, надо срочно встретиться. Узнали? Нет при личной встрече, это касается вашей особы. Какие к чёрту шутки, я прошу вас убедительно. Отлично, значит, как прошлые разы. К двум часам, до встречи. Что? Да не один, а с нашим общим знакомым.

Дмитрий опустил трубку. Они вышли из таксофона. Было скользко, Чистяков взмахнул руками и чуть не шлёпнулся.

- Блин! Что сейчас, что в будущем - коммунальные службы вечно спят! Ждут, когда власть рявкнет на них в полный голос. Ну, что сказал наш фигурант?

- Коля, мне показалось, что полковник шифруется. Имён не называет, может служебный телефон на прослушке? Если так, то и домашний подключили, а то и пасут нашего ветерана.

- Не исключено. Мы с тобой знаем немного. Они же не делятся своими интригами. Я Дооса пытался расспросить, молчит как рыба. Не могу же его тыкать фактом, что спасли ему жизнь. Один хрен он бы не поверил. Расскажем Серебрякову всё как есть, в конце концов право на доверие мы с тобой заслужили. Я полетел в лабораторию. Встречаемся без четверти два. Попробую провериться и ты тоже. Ведь смотрел кучу фильмов и книги читал, как это делается. Главное головой не верти, мы с тобой великие разведчики! Ну всё, пока.

Улыбающийся Петрушевский смотрел вслед удаляющейся фигуре. Мысленно добавил: "Не только разведчики, а выдающиеся кроильщики истории". После демобилизации, Петрушевский подался учеником в ресторан "Нева", нынче перевёлся в только что открытый "Невский". Очерёдность смены биографических картинок не порушена. Начал готовится к поступлению в Торговый институт. Тут же вспомнил строчки из своего дневника: "Главное, нравится бесшабашный разгуляй с неистовым кревоугодием, скандалами, драками, флиртом, любовными связями и беспутством. Мне ближе атмосфера, пропитанная мнимым суррогатом вседозволенности, примитивными человеческими страстями и вечным пьяным угаром. Вот она, картина сладкого досуга народонаселения. Я встроен в эту среду и не чувствую себя в ней лишним".

К адресу конспиративной квартиры приехал раньше назначенного срока на полчаса, не спеша прошёл мимо нужной подворотни, добрёл до угла проспекта Чернышевского, дохнуло незабываемым запахом от хлебозавода. Сколько раз сейчас и будущем не проходил этими местами, всегда его преследовал дух свежей выпечки. Перешёл на другую сторону и двинулся назад. Никаких филёрских постов не узрел, несколько раз повторил челночные рейсы, пока не обратил внимание на одну и ту же машину, припаркованную вполне естественной к служебному входу. Проходя мимо обратил внимание на двух соглядатаев дружно повернувших голову в сторону нужного подъезда. Чу, значит не ошибся и чекисты следят за чекистом. Что делать? Как предупредить? Мимо проковылял грузный согнувшийся пожилой мужчина. Идти ему помогала палка. Надвинутый на глаза берет, тёмные очки и борода. Взгляд скользнул мимо, но владелец бороды голосом Серебрякова негромко произнёс:

- Дима, двигай за мной до Таврического сада, на главной аллее ждёт Чистяков.

Ни фиги себе, ахнул Петрушевский. Всё очень серьёзно, раз такая конспирация. Сзади Серебрякова не узнать, перевоплощение полное. А чего удивляться, полковник с его-то опытом способен на многое. Через десять минут оказались на месте, Коля у сидел на скамейке и чертил что-то на песке. Когда подошли, учёный стал затирать надписи, Петрушевский успел заметить какие-то формулы. Посмотрел на подошедших.

- Как добрались, товарищи? Спасибо, Николай Трофимович, что скорректировали по телефону мои действия. Дима, чего ты удивляешься, товарищ полковник мне перезвонил на работу. Правда я не уверен, что там нас не слушали.

- Не слушали, - ответил устало плюхнувшийся Серебряков. Давайте излагайте свои тайны, разведчики, мать вашу.

- А тайна пока для вас малозначительная, так пустяк - послезавтра днём вы покончите жизнь самоубийством!

- Коля ты чего несёшь?! - Серебряков напрягся, - Такими вещами не шутят.

- А я и не шучу. Теперь всё по порядку. Через три недели Дима получит письмо от Соболева, отправленное в обход цензуры. Витя сообщает, что стало известно о вашей смерти. Он так и написал - самоубийство. Я из будущего навёл справки и действительно, читал выписки из дела. Смерть наступила примерно в три часа дня от выстрела с близкого расстояния. Постороннего воздействия не выявлено, как и не нашли предсмертной записки. Дело закрыто. Вы исчезли из структуры, которой отдали всю жизнь в прямом и переносном смысле.

- Письмо можно почитать?

- Нет, уничтожили, это опасный компромат. Может поделитесь, что происходит?

Серебряков не снимая маскировки, поправил очки и дотронулся до берета. Вздыхнул, незаметно осмотрелся. И заговорил.

- Всего вам знать не обязательно. Главное - наш отдел крепко наступил на мозоль кому-то наверху. Вы живёте в будущем и знаете сколько политических катаклизмов, человеческих трагедий, войн и других бедствий испытала система миропорядка. Попаданцы излагают на свой лад события будущих десятилетий. В какой-то мере мы все знаем будущую историю страны и мира. Это опасная, а точнее убойная информация и она просочилась не в те уши. Многим из генералитета и политбюро она не нужна. Исследования, ведущиеся ОЛИБ, планируется в будущем направить не на глупости со спасением лейтенанта спецслужб, а теперь и полковника, а на реконструкцию и предотвращение устранения очень больших фигур.

Поэтому там, решили потихоньку слить опасных свидетелей вроде меня, а также отсортировать попаданцев. Теперь догадайтесь, о ком идёт речь. Пока сняли, под предлогом служебного несоответствия и потери доверия, моего начальника в Москве. Теперь очередь дошла до меня. Спасибо. Я естественно стреляться не собираюсь, с чего бы? Придётся принять меры.

- И что вы сделаете?

- Ребятухи, я как-нибудь выкручусь. Вы о себе подумайте. С системой вам тягаться бесполезно. Единственный выход: живите не высовываясь, ведите себя тише воды, ниже травы. О вас знает несколько человек. Пока вы защищены со стороны спецслужб: оба негласники, а что Чистяков попаданец, вообще ведомо мне и Соболеву. Старлей изолирован, а вас всегда прикрою пока являюсь действующим сотрудником.

Все трое замолчали, есть о чём подумать. Петрушевский со стороны видел заговорщиков, объединённых одной тайной и одной задачей - как спасти свою шкуру. Как хорошо в будущем, на своих двадцати пяти сотках, вдали от властных структур, забыв о машине времени, наслаждаться покоем. В молодую голову бьются мысли пенсионера разменявшего седьмой десяток. Дмитрий очнулся, а Дмитрий Сергеевич исчез в будущем и вернулся в свои райские кущи.

27. Соболев. Воздушный шарик

Вернувшись со смены, Соболев нашёл на кровати письмо. Узнал на конверте подчерк Петрушевского и нетерпеливо оторвал полоску бумаги. Внутри открытка с видом панорамы на Петропавловскую крепость. Текст небольшой но со скрытым смыслом. Виктор облегчённо вздохнул - его предложение нашло отклик, но тут же психанул от нескрываемого сарказма бывшего подчинённого.

"Привет, Витя! У нас всё хорошо, чего и тебе желаем. Здоровье дяди Коли вне опасности. Слухи о его кончине оказались преждевременными. Мы нашли хорошего врача и надеемся, что хвори обойдут его стороной. Будь здоров, ждём, твои Дима и Коля".

Из глубины медленно подымалась волна ненависти. Зачем обратился к Петрушевскому и сам себе ответил: это на первых эмоциях от ошарашивающей новости, да и жалко стало ветерана, но главное, требовалась ясность на будущее. И лишь спустя много лет Соболев узнает о попытке ликвидировать полковника при задержании. Сотрудники второго главного управления КГБ (собственная безопасность), ворвалась в кабинет с оружием в руках. С порога потребовали сдать ключи от сейфа и табельный пистолет, но споткнулись, увидев в кабинете начальника управления генерал-лейтенанта Носырева и двух "важняков" из следственного отдела центрального аппарата. Какой там состоялся разговор неведомо, но представителей УСБ словно ветром сдуло. Значит ребята подсустились, сдвинув информационный порог и фокус с коррекцией событий работает.

На койку плюхнулся Гена Березовский. Приятель устало потянулся, скинул тапки и растянулся во весь рост. Усмехнувшись спросил, кивнув на конверт:

- От жены?

- Нет у меня жены, я тебе говорил. Так знакомый черкнул весточку.

- А, - понимающе кивнул Гена, - вообще-то у меня к тебе разговор.

- Спрашивай.

- Не здесь, пошли в курилку.

В дворе локалки выбрали свободную скамейку. Березовский огляделся, поблизости никто не мельтешил.

- Ты ведь физик, Витя. Не подскажешь как вычислить подъёмную силу воздушного шара, наполненного водородом? Чего так смотришь, будто не знаешь про грев* с воли. Перебросить через запретку не всегда удаётся, вот и подумал, а если по воздуху. Привязал груз, запустил и на месте встретил.

Соболев схватился за живот и согнулся от смеха. Березовский удивлённо смотрел на напарника.

- Я чего такого сказал смешного, Витя? Если знаешь подскажи, чего сразу ржать?

- Не принимай близко к сердцу. Я от абсурдности раскололся. Если серьёзно, то у меня наводящие вопросы: чем должен быть наполнен шар и какой вес предполагается? Мне почему-то кажется, что поднять в воздух такой шарик должен вес взрослого человека.

- Когда кажется, креститься надо, - зло ответил Березовский, - не включай следователя, не твой профиль.

- А ты не спрашивай глупости. Сейчас объясню: шар, должен быть наполнен гелием или водородом, один куб поднимает кило с четвертью. Ещё надо знать розу ветров. Одним словом - сплошная головная боль. Вопрос исчерпан, мсьё Монгольфьер?

- А это здесь причём, господин Резерфорд?

Теперь засмеялись оба. Соболев вдруг подумал, а ведь что-то в невинных вопросах Березовского есть. Неспроста заинтересовался темой, которую в принципе должен знать любой школьник по урокам физики. Не случайно, ведь у Соболева в карточке стоит красная полоса - "склонен к побегу", хотя в деле факт побега отсутствует. Видимо подстраховались недруги, а Гена это пронюхал.

Вскоре зоне случилось ЧП. На утренней проверке начальник колонии злым голосом сообщил, что ночью предпринята попытка побега. Осуждённый Иволгин, изощрённым способом попытался покинуть территорию ИТК, но был задержан и водворён в ШИЗО. Возбуждено уголовное дело. Осуждённого ждёт суд и новый срок. Далее хозяин произнёс традиционную, набившую оскомину речь о честном труде и досрочном освобождении для осуждённых ставших на путь исправления. Все переглядывались, хотелось подробностей. В отряде "итоги рывка" подвёл председатель СПП (секции правопорядка) бывший полковник Тарасов в присутствии начальника отряда.

- Короче так. Пытался сбежать бывший опер Иволгин, чалился за взятку и получил свои шесть лет с конфискацией. Знаю точно, читал дело ещё там, - Тарасов неопределённо махнул рукой в сторону административного корпуса. Взглянул на начальника отряда, тот кивнул, мол продолжайте.

- На воле исполнял обязанности начальника уголовного розыска РУВД города Махачкала. Пару раз примерял 173-ю, но был оправдан за недостатком улик. Это прелюдия, а вот подробности рывка хитрожопого взяточника. Надул почти сотню презервативов на промке из баллонов с водородом. Хватило, чтобы поднять этого мудака в воздух. Но ветер ночью почти никакой, Иволгин завис над вышкой. Часовой поднял тревогу, за зоной бегунка преследовали недолго и взяли через километр. Не лётчик оказался, а полный придурок - подставил администрацию и получит новый срок. Если у кого есть мысли покинуть зону таким образом, советую забыть. У меня всё.

Теперь заговорил Лидский и понёс стандартный набор из книги жизни осужденных: что такое хорошо, а что такое плохо. Большинство не слушало отрядника и делало вид, что жадно впитывают прописные истины.

- Ну не смешно, - шепнул Соболев Березовскому, - офицерам читать мораль?

- Не врубаешься, что ли - заставили провести профилактическую беседу в каждом отряде. Хозяин, замполит и начальник оперчасти уже отдуваются в областном управлении ГУИН, вот и работают на упреждение для отчёта.

Соболев усмехнулся в кулак, озорно взглянул на товарища и добавил:

- А я формулу подъёмной силы воздушного шара вспомнил.

Березовский показал кулак и демонстративно отвернулся от шутника. После промывки мозгов, народ начал готовиться к отбою, живо обсуждая подробности дурацкой попытки Иволгина. Соболев чистил зубы и думал: "может и дурацкая, а если бы получилось? По любому оставил о себе память". Рядом примостился Березовский и зло пометил взглядом, словно ошпарил.

- Да ладно тебе, - начал злиться Соболев, - сказал и забыл! А вопрос по теме можно?

- Спрашивай.

- А где на промке водорода столько? Допустим гондоны легко передать с воли, но баллон с газом весит под шестьдесят килограмм...

- На промзоне цех от Уралвагонзавода, где есть сварочные работы, вот и применяют для тугоплавких металлов водород. Я и сам не знал, до недавнего времени. Теперь баллоны поставят на особый учёт, придурков хватает и с высшим образованием. Если интересуется имею ли к этому отношение, косвенное - да, но не более. Давай договоримся, к этой теме больше не возвращаемся.

На неделе Соболева дёрнул к себе кум - начальник оперчасти. Для любого осуждённого такие незапланированные визиты неприятны, поскольку наводят на невольные сомнения о причастности к тайной системе зоновских осведомителей. Не дай бог начнёшь оправдываться, точняком запишут в стукачи. Майор Чернов предложил чай и конфеты. Разговор шёл на отвлечённые темы. Пока Соболев прямо не спросил о цели своего визита.

- Так получается, гражданин майор, что не я а вы мне преподносите сюрпризы. В прошлый раз поведали о маме, затем о трагической кончине моего начальника, полковника Серебрякова что сегодня?

- Во-первых не забываетесь Соболев, вопросы задавать моя прерогатива. - Соболев почувствовал, что Чернов тащится от красивого словца вместо штампа "исключительное право", якобы подымает кума в глазах бээсов. - Во-вторых что-то путаете и ни о какой смерти я не говорил. А вот про сюрприз - точку. Тут с вами кое-кто хочет поговорить, я мешать не стану зайду попозже.

Майор Чернов вышел, а через минуту открылась дверь и в кабинет возник Николай Трофимович Серебряков. Соболев опешил, даже забыл подняться по уставу и молча уставился на "покойника". Полковник руки не протянул, но улыбнулся и заметил:

- Удивлён, старлей. Приехал сказать спасибо и поговорить о делах насущных.

- Здравствуйте, Николай Трофимович. А спасибо за что?

- Ну не всё тебе, как тут говорят "косяки пороть". Вот и благое дело совершил: оповестил друзей, а те подсустились и предупредили меня. На этом этапе я справился, посмотрим , как дальше сложатся дела.

Полковник занял стул опера, достал сигареты, кивком предложил осуждённому. Закурили.

- Обязан, Витя, рассказать тебе, какая складывается картина после твоих революционных действий. Ты поднял волну и всколыхнул верха. Все наработки московского филиала, архивы, донесения, рапорта, в общем всё просочилось к смежникам, понятно каким.

Полковник, жестами дал понять Соболеву возможность прослушки. Соболев это понял и кивнул.

- Первопричина не в тебе, а многолетней "дружбе" наших служб. До сих пор мы опирались на уверенную поддержку председателя, я верю разрушить ОЛИБ, заблокировать доклады и остановить аналитические записки наверх не получится. Выше некуда, но Леонида Ильича торпедируют сторонники Николая Анисимовича. Маятник качнулся и мы вроде как оказались в опале, и дело наше теперь порочное, никому ненужное. Типичная психология ретроградов.

Полковник постучал пальцами по столу, взял из стопки лист бумаги и быстро набросал карандашом несколько строчек. Протянул Соболеву.

"Сняли Арефьева за идею шарашек, но это лишь повод. Ты знаешь, что случится потом, они боятся за свою шкуру. Мы им не нужны".

Соболев жестом попросил карандаш и приписал: "Ликвидация всех причастных к проекту?" Передал листок. Серебряков вслух произнёс:

- Не исключено, но это не коснётся всех.

Затем приписал: "Ты своё получил, Арефьев вне игры, твои "друзья" предупреждены. Сам знаешь кто придёт к власти в 1982 году. Андропов - главная наша надежда и опора! Серебряков скомкал бумагу и поджёг в пепельнице. Поднял глаза на взволнованного подчинённого.

Серебряков продолжал:

- Я приехал к тебе в гости сказать две главных вещи: прежние договорённости остаются в силе, но без особых условий, обещанных генералом. Да, остаются в силе, но после отбытия срока. Вот собственно и всё. У тебя есть вопросы?

- Николай Трофимович, как там мама? Ведь она разослала меморандум с отказом от сына во все инстанции. На письма не отвечает. Простите, но я знаю о ваших прежних далёких отношениях, может я чего-то не понял.

Тишина в кабинете, лишь слышны команды ДПНК*** на плацу - гоняют новобранцев из нового этапа. Серебряков поморщился, любое вторжение в личную жизнь, даже намёк, вызывали раздражение. Смерть жены, естественное отдаление дочери после свадьбы, участвовавшие встречи с алкоголем, вакуум дома, а теперь и на работе, остаются за кадром. Полковник умел держать

удар, а главное не афишировать свои проблемы окружающим.

- Это в духе твоей мамы - решительно рвать с врагами народа, вредителями, отступниками и прочей антисоветчиной. Она не стерпела предательства, вот и выплеснула общественности особое мнение. Уверен это со временем пройдёт, к твоему освобождению простит и примет домой. Повторю, не выпедривайся, не импровизируй, не ищи новых приключений на задницу. Помни, что вокруг тебя не простые зеки. Честно работай и дождись УДО. На воле продолжим работу. Ты меня понял?

Соболев взглянул в глаза полковнику, скорее почувствовал чем увидел тепло, неужели простил? Ведь сколько проблем создал. Оборвал себя - поздно каяться, Трофимыч настоящий друг и соратник, не то что те два перерожденца. Где-то в глубине родился протест - а сам не перерожденец? Но тут же подавил внутренний голос, ведь целесообразность его поступка рождена после безуспешных попыток реформировать лабораторию. Окружающие не понимают его и считают эгоистичным засранцем. Пусть, когда-нибудь я докажу им свою исключительность и выдающиеся способности.

* грев - нелегальная передача с воли, запрещённая администрацией.

** рывок - побег.

*** ДПНК - дежурный помощник начальника колонии

28. Соболев. Целеполагание

Он проснулся рано, задолго до крика дневального "Отряд, подъём!" Снилось мать, как заказала у своей портнихи наряд для школьного утренника - чудесный костюмчик в стиле "барокко" полностью повторявший волшебное облачение пажа из фильма "Золушка". То был первый утренник после возобновления совместного обучения в 1955 году. Четыре класса Соболев учился в

мальчишеской компании и вот появился перед девочками в кокетливом берете, серебристой простроченной кофте, короткими бриджами, полосатым трико. Все восхищались, а девочки бросали кокетливые взгляды. Воспоминания праздника нового года, запах хвои и мандаринов, ярко и тревожно всколыхнулись во сне, Соболев открыл глаза. Мама. Теперь они переписывались, горечь обиды незаметно уступила место родительским чувствам и Нина Георгиевна готова принять сына.

На днях, он передал ходатайство на имя начальника колонии о применении к не нему, осуждённому Соболеву Виктору Сергеевичу, статьи 53 УК РСФСР для условно-досрочного освобождения. Две трети отбытого срока наказания позволяют покинуть ИТК на год и три месяца раньше. Соболев знал о сложных этапах рассмотрения прошения на пути к освобождению. Но очень надеялся, что суд удовлетворит заявление. Три года, проведённые в "красной утке", многому научили. Прежде всего взвешенным и продуманным поступкам, умению "фильтровать базар", а главное сдерживанию эмоций. Эдакое закрепления навыков, преподанных ещё в школе КГБ, но уже в экстремальных полевых условиях.

Соболев чуть отстранился от общественной жизни и невидимыми нитями привязался к нескольким "удощникам", ждущим административную комиссию. Березовский незлобно подтрунивал над другом:

- Наступают новые правила, если хочешь на УДО, то дышать, пердеть и срать по команде.

Соболев незлобно огрызался, отлично понимая, что Гене ещё париться до УДО несколько лет. Товарищ радуется за него и солдафонский юмор не от зависти. Тут незримая опека, плечо друга. Отрядник заявление подписал и передал по инстанции. Теперь ждать. А ждать Соболев научился - система к этому понуждает помимо воли. Он не представлял иной дороги на воле, как возвращения в науку. Это отметил в заявлении, не забыв указать свою учёную степень и публикации в научных журналах. Были слова о искреннем

раскаянии и расхожая фраза о "твёрдо ставшем на путь исправления". Судят не по клише, а записям в личном деле, поощрениях, благодарностях. Этого добра хватало, как и участие в секции культурно-массовой работы, лекции по занимательной физике, добросовестный труд и должность бригадира. Почти идеальный кандидат на досрочное освобождение. Почти от того, что никто не мог заглянуть внутрь сознания и ведать о мрачных помыслах после того, как за осуждённым закроются ворота колонии. О своих тайных планах Соболев ни с кем не делился, носил в себе, подвергая корректировке те или иные действия в будущем.

Поздней осенью жидкая кучка бывших осуждённых выстроилась в здании штаба за документами и денежным довольствием. Расписался в журнале, повертел в руках справку об освобождении, сунул в паспорт вдогонку к тонкой пачке купюр, подхватил баул и сделал первый шаг на свободу. Впереди недлинный путь до вокзала, а там две с небольшим тысячи километров по железке до родного Питера. Под стук колёс вспоминал свои командировки. Больше всех запомнилась поездка в Москву на представление генералу Арефьеву, знакомство с делами попаданцев, развёрнутые знания о будущем страны, бесконечное изумление грядущим переменам, техническому прогрессу, скачку науки и культуры. Всё это и сейчас хранится в памяти и ждёт своего часа. Пока на дворе 1977 год, страна будет тихо стагнировать ещё двенадцать лет. Соболев мог только предполагать, что в истории СССР могли возникнуть смельчаки, попытавшиеся изменить историю. Если в архивах Лубянки и имеются подобные документы, то допуск к ним был закрыт в то время, когда служил в КГБ, и тем более сейчас.

"Что мне до страны. Главное вернуться в лабораторию и создать, наконец, прототип машины времени, а вот тогда..." Дух захватывало от перспективных, необычных и очень интересных возможностей. Правда горше осознавать, что в будущем уже имеются специалисты, способные влиять на ход поступков. Но ничего он подождёт, исправит завитки ненужных турбуленций, отредактирует грядущее и повлияет на судьбы неугодных персонажей. И вновь вспомнил беседу с Серебряковым в вагоне-ресторане после

памятного московского визита. Тогда полковник рассказал о истории "приводнения" лайнера ТУ-124 реку Неву. Вот классический случай, когда можно воздействовать на историю. Достаточно организовать дополнительные регламентные работы в аэропорту Пулково, тем самым предотвратить остановку двигателей, отказ гидросистемы выпуска и уборки шасси. А сколько катастроф и аварий он мог бы стереть из истории.

Тут в голове, как чёрт из коробочки выскочил невнятный, туманный вопрос: а фатум? Необъяснимая совокупностью обстоятельств, рок. Это противоречит науке, ведь в случае с Серебряковым, да жуткой смертью под колёсами, это не сработало - два человека остались живы, ничего не изменилось. Значит управлять историей можно! Ещё на зоне, Соболев нашёл в библиотеке сборник американских писателей-фантастов. Перечитал Рэя Бредбери "И грянул гром". Почему прозаики взяли за основу теорию писателя о влиянии на историю раздавленной бабочки? Нет, не так, там красной нитью проходит другая мысль: всякое вторжение во внешнюю среду ведёт к необратимым изменениям человеческого социума. Соболев запомнил ключевые предложения: "Раздавите ногой мышь - это будет равносильно землетрясению, которое исказит облик всей земли, в корне изменит наши судьбы. Гибель одного пещерного человека - смерть миллиарда его потомков, задушенных во чреве. Может быть, Рим не появится на своих семи холмах. Европа навсегда останется глухим лесом, только в Азии расцветёт пышная жизнь".

На перроне вокзала города Кирова в купе подсел новый пассажир. Проводница принесла чай. Мужчина в возрасте, с редкими волосами, массивным сократовским лбом и пытливым взглядом. Интеллигентная внешность подчёркивалась позолоченной оправой. Добротный костюм, светлая рубашка с наметившимся грязным ободком вокруг шеи. В руках безразмерный портфель - ни дать ни взять командировочный. Познакомились. Соболев пояснил что возвращается в Ленинград. Выяснилось, что гражданин едет туда же и зовут его Егор Степанович.

- А сами из Питера? - поинтересовался Соболев.

- Нет, вятч, в город Ленина отправляюсь на писательскую конференцию.

- Простите, не понял, как вы сказали?

Командировочный рассмеялся, забавно похлопывая себя по выпиравшему брюшку.

- Сколько раз мне задавали этот вопрос. Вятч, в смысле житель Вятки. Название Киров, я как коммунист признаю, но не пользуюсь. Сергей, а вы не называете родной город Санкт-Петербургом?

Теперь загадочно улыбнулся Соболев.

- Пока нет, но как знать может в будущем переименуют, да и вернут историческое название.

- В будущем говорите. Ну что мы можем знать о будущем? Вот вы предполагаете, а на самом деле, возможно, выдаёте свои скрытые помыслы. Завтрашний день берутся предсказывать политики, да фантасты. Что, на мой взгляд, одно и тоже. А знаете какая повестка конференции - "Будущее глазами современников". А давайте выпьем, Сергей. У меня тут отличный коньячок в дорожку, как раз на случай внимательного и интересного собеседника.

После не долгой процедуры, завораживающей взгляд свой притягательностью и неистребимым желанием быстрее попробовать нехитрую снедь, на ограниченном пространстве купейного столика вздыбилась бутылка "Ахтамара". Окружали стеклянную башню пупырчатые огурчики, краснющие помидоры, половинка свежеспаханного хлебного каравай, домашний сыр и духмяные

яблоки.

- Яблочки свои, - и пояснил, - у нас женой свой огород перед домом. Сыр в дорожку супруга взяла у соседей, там и корова, и коза есть.

В хлебосольный Егор Степанович плеснул в стаканы из подчая грамм по сто коньяка. Последовал традиционный тост за знакомство и пауза на пережёвывание.

- Так вы писатель, Егор Степанович? Прозаик или как?

- И так и сяк. Недавно выпустил сборник стихов, до этого несколько книг современной прозы. Лежит в издательстве и фантастический роман. В городе и области меня знают, но дальше пробиваться не стал. Читают земляки то ладно. Ну, а вы откуда следуете, тоже командировочный?

Соболев усмехнулся и махнув рукой, была не была, дерзко ответил:

- Командировочный по заданию районного суда, аж на целую пятилетку. Но досрочно освобожден за примерный труд и хорошее поведение.

Вопреки опасению Соболева, что собутыльник потеряет к нему интерес и тихо сольётся в молчаливого, насупившегося попутчика, реакция писателя оказалась бурной и радостной. Он взвился и заинтересованно затараторил:

- Господи, как давно мне нужен был такой собеседник. Есть сюжет, но фактуры для материала не хватает. Позвольте полюбопытствовать, статья у вас не поганая?

- Нет, не поганая, можно сказать служебная - повреждение государственного имущества. Я физик, начудил в лаборатории, в которой работал и получил по дурацки срок. Подробности рассказывать не стану, не обессудьте. Уважаемый.

С непривычки, алкоголь быстро развязал язык Соболеву. Хотелось выложить всё наболевшее незнакомому человеку. Но взял себя в руки и перекинул собеседнику свой вопрос:

- А можно мне полюбопытствовать, что за сюжет у вашего произведения? Какая завязка? Вы сказали роман, это же большая литературная форма, много персонажей...

- Конечно, конечно Сергей, - оборвал писатель, - сейчас расскажу. Давайте только выпьем за случайную встречу!

После непродолжительной паузы, Егор Степанович заговорил:

- Вообще-то я не люблю делиться своими задумками, но вы слушатель особый. У меня главный герой сидит надолго из-за несчастной и неразделённой любви. Он математик, работает в закрытом НИИ, трудится на оборону, а его дама сердца связана с западными спецслужбами и потихоньку выуживает секреты на радость врагам. Дальше понятно, тюремный срок, тяготы и невзгоды. Освобождается, мой герой перерождённый, сбросив чары прислужнице запада. Случайно встречается с разведённой матерью-одиночкой и возникает новое чувство. Счастливый конец. Мораль - любовь побеждает зло, лечит души и делает советского человека полноценным членом общества, идейным строителем коммунизма. Наша страна готова простить заблудшего и вновь принять его в свою семью. А чего вы морщитесь, не понравилось? Но ведь это фабула, главное ведь как подано. Именно такая тематика пользуется повышенным спросом нашего читателя. Да поймите Сергей, подобные сюжеты не часто встречаются в литературе. Давайте лучше

махнём, так уж и быть посвящу вас в подробности.

Соболев поймал себя на мысли, что стало невыразимо скучно в компании с этим литературным творцом. Творцом, где доминантой романа является строитель коммунизма. "Маме бы такой финал понравился, - подумал Соболев, а вот мне - нет! Вроде не глупый человек, но конъюнктурщик. Такие и выживают". Он вежливо отвечал на вопросы возбуждённого попутчика, но спорить и что-то доказывать расхотелось. Когда бутылка опустела, Сергей, напроочь игнорируя обиженную мину писателя, сослался на усталость завалился на верхнюю полку. Так и уснул под стук колёс и негромкие разговоры Егора Степановича с соседями по купе. Есть события поважнее, чем случайная встреча с идеологически правильно подкованным "самобытным" творцом.

29. Соболев. Здравствуй Ленинград

Соболев ступил на перрон. Глотнул питерский воздух. Родной город встречал знакомым межпогодьем: то ли поздняя осень, то ли ранняя зима. Под ногами похрустывал ледок, вперемежку с листьями. Словно заново увидел площадь Восстания, ждал этой встречи, ведь незадолго до освобождения читал историю города, окинул бывшую Знаменскую площадь. Вспомнил, как классом водили на экскурсию в музей Ленина, а из окна во двор виднелась памятником императору Александру III. Петрушевский рассказывал, что власти водрузят обелиск городу-герою, к 40-летию Победы, аккуратно на месте где восседал истукан на богатырском коне. В голове переплелись знания о прошлом и будущем площади. Энергично двинулся к метро.

Неподалёку от дома, шагая вдоль площади Калинина, вспомнил рассказ матери с нескрываемой ненавистью и злобным огнём в глазах, что в 1946 году здесь состоялась публичная казнь. Были повешены восемь немецких военных преступников. Прямо день воспоминаний, а вот здесь топали по морозу с Петрушевским после дня рождения, он тогда за столом хватил лишнего и ляпнул крамольные слова о будущем страны. Как он тогда выразился, кажется так: "...система к началу девяностых себя изживёт, безумная

гонка вооружений убьёт экономику страны, Горбачёв подведёт страну к развалу, а пьяница Борька поставит крест на СССР". И это преподавателю Высшей Партийной школы. Тогда он сдержал мать, объяснив, что Димка свой, гэбэшный из аналитического отдела, типа моделирует будущее.

- Чем планируешь заняться, - поинтересовалась Нина Георгиевна, накрывая на стол.

- Тем что хорошо знаю и умею - физикой высоких технологий. В органах конечно не восстановят, но любая профильная лаборатория должна принять.

- Если надумаешь звонить Серебрякову, учти он уже не у дел, спровадили на пенсию. Нянчился, либеральничал с одним сотрудником и допрыгался твой полковник, - в словах проскользнула одновременно горечь и злость.

- Он такой же мой как и твой! - но осознав, что перегнул палку, Соболев попытался сгладить жестокий подтекст ответа. - Прости мама, я не хотел, вырвалось.

Плечи Нины Гергиевны опустились, она как-то сжалась и махнула рукой, мол сама виновата. Вечер прошёл без эксцессов, пили чай с домашним вареньем, вспоминали прошлое.

- Мам, я ведь тогда, в Москве общался с Печугиным Лёшей. Освободился, работает.

- Зачем мне это рассказываешь, он же насильник. И чего вы им так интересовались?

- В каком смысле, мама?

- А в том, что сперва Серебряков, затем твой спаситель Дима. Все хотели знать адрес этого подонка. Сейчас я поняла, что искали тебя, но ввали сказочно: Витя в командировке, особое задание.

Теперь Соболев наконец понял, как его вычисли тогда, после побега. Женщина прочитала по своему огорчение на лице сына:

- Ладно, ладно, Витя, забыли. Теперь, надеюсь, поживёшь без приключений. Мне бы ещё невестку хорошую, да внуков. А, сынок?

Когда мать легла спать, позвонил Серебрякову.

- А, это ты, Витя. Сегодня приехал? Давай так - завтра подтягивайся ко мне, адрес помнишь. Жду к одиннадцати, встаю теперь поздно. Лады? Вот и славно. Спокойной ночи.

В этой квартире Соболев гостевал всего пару раз, но сейчас спустя несколько лет, без труда нашёл адрес на набережной Фонтанки и нерешительно зашёл в парадную. Как там примет бывший начальник? Потоптался и живо взбежал на третий этаж. В этот раз Соболев протянул руку и крепко пожал.

- Проходи, Витя. Покалякаем или как там у вас на красной зоне изъяснялись?

- Здравствуйте, Николай Трофимович. Изъяснялись по нормальному, феня не в почёте, если только для силовиков общавшихся с урками по работе. Надо сказать, что мировоззрение с изнанки очень специфическое, но человек ко всему привыкает.

- Не спорю, привыкает. Садись, хлопнешь со стариком за встречу?

Серебряков достал из старинного буфета стандартную поллитровку. Принёс с кухни закуску. Соболев подсел к столу и с интересом осматривал комнату. Ничто не говорило о причастности хозяин к силовым структурам. Ни боевых наград в рамках, ни фотографий с сослуживцами, ни эмблем и почётных грамот. Где-то в платяном шкафу должен висеть китель ветерана, но Соболев лишь раз видел полковника в форме, когда в Красном зале на день работника органов безопасности, Серебрякову вручал награду начальник управления Носырев. После первой рюмки и общих расспросов, нахмурившийся Серебряков заговорил по существу:

- Три месяца назад ездил на похороны Арефьева. Теперь могу сказать, что дружны с генералом ещё с войны. После его отставки, место поставлен бывший заместитель, генерал Плужников. Мог бы занять и я, но сам понимаешь, после нашего ЧП, этот пост мне заказан. Вообще-то заместитель, руководил другим отделом, нас курировал, потому то всех тонкостей не знал. Но передал Председателю мою докладную по реорганизации структуры. Все вроде осталось по старому: те же задачи, разработки попаданцев, аналитика, работа ОЛИБ. Да-да, лабораторию запустили, Доос получил выговор, двоих уволили, взяли в штат новых сотрудников. Но что-то случилось. В течении двух лет никаких подвижек, тут тебя видно не хватало, но идея с шарашкой рассыпалась. Помнишь нашу последнюю встречу, я тебя предупредил, примитивно страхуюсь от подслушки. Потом узнал, нас и не слушали, кому нужны зек и пенсионер без должности.

Соболев удивлённо вскинулся:

- Так вас отчислили, что ли?

- Витя, вообще-то военных отправляют в отставку. Ну как сказать, приказа я не видел, но удостоверение сдал после смерти Арефьева. Уже чувствовал как отлаженный механизм буксует. Интерес Москвы ослаб, финансирование к радости Академии Наук

уменьшилось, там ведь считают вас в ОЛИБе утопистами, понапрасну разбазаривающими народные средства. Одним словом в лаборатории новый телефон, свяжешься со своим другом Чистяковым, он сейчас занимает твоё место заместителя лаборатории, тот всё расскажет. Обещал похлопотать за тебя, пусть исполняет, доказывает твою необходимость. Моё слово больше веса не имеет, чем смогу помочь. Но ваше дело живо, раз из будущего появляются всякие чистяковы и петрушевские. Это обнадеживает, осталось встроить тебя в систему.

Серебряков плеснул водки и опрокинул в себя. Смачно крикнул и потянулся за куском хлеба, намазанного горчицей и украшенного куском докторской колбасы. Кивнул Соболеву, мол чего расселся, догоняй. Виктора упрашивать не пришлось, махнул полную рюмку, но выбрал более классический вариант закуски - солёный огурец.

- Значит больной скорей жив, чем мёртв?

- Где-то так, хорошо сказал, Витя. Как там мама?

- Нормально. По прежнему преподаёт у себя в Высшей партийной школе. Встретила хорошо, прошлым не стыдит. А от вас позвонить можно?

- Чистякову? Звони конечно, на меня не ссылайся через кучу проводов, понял?

Соболев согласно кивнул и стал набирать номер с клочка бумаги, подсунутому полковником.

Разговор занял не больше минуты, с довольным видом взглянул на Серебрякова.

- Он уже подсуетился, вопрос за малым: пройти собеседование, получить добро и допуск. И ещё Федя сказал, что в кадрах новый особист, вы его не знаете?

Серебряков хмыкнул:

- Если бы и знал, чтобы изменилось, за тебя хлопотал Доос с подачи Чистякова. Правда знаю нового куратора, сам передавал ему дела. Помнишь подполковника Зинчука, Евгения Анатольевича? Если что-то пойдёт не так, свяжусь и попробую помочь. В свою очередь, хочу спросить тебя о майоре Березовском.

- Так вы и его знаете? У меня с ним сложились дружеские отношения, я в его бригаде работал, в столярке. Был один эпизод странный: он интересовался возможностью покинуть зону по воздуху. Потом нашёлся один смельчак из другого отряда, конечно задержали и добавили срок. Гена на эту тему говорить запретил. Собственно всё. Майор хороший товарищ, опытный опер, отомстил за жену и потерю ребёнка. Два трупа и десять лет за превышение. Печальная история.

Поболтали на общие темы. Договорились держать связь, с тем и расстались. Соболев не знал, что это последняя встреча. Через месяц Николая Трофимовича дома хватил удар, позвонить в скорую было некому. Милицию вызвали соседи, почувствовавшие трупный запах. Соболев, к тому времени восстановленный на работе, вместе с начальником лаборатории, Чистяковым и парой сотрудников, пришли на Серафимовское кладбище. Поодаль стояла сутулясь и сдерживая слезы Нина Георгиевна.

Гроб с телом полковника опустили в могилу рядом с женой. Пришло несколько чекистов, но воинских почестей и залпа холостыми руководство Большого дома решило не проводить. Тихо

спровадили на пенсию и забыли про ветерана. Соболев думал об этом, ясно осознавая, что является одной из причин такого отношения. Вновь всколыхнулась ярость на предателя Петрушевского и стоящего рядом с красным глазами Чистякова. Вида не подал. Сейчас он искренне переживал, ведь относился к дяде Коле как родному человеку. Могильщики водрузили на холмик деревянную колонку, увенчанную красной звездой. На табличке выведено "Серебряков Николай Трофимович, 10.09.1911 - 10.01.1978". Пара венков от дочери и коллег по работе. Всё, нет больше человека, сгорел на пенсии без дела.

На поминки Соболев не поехал, провожал домой маму, с ужасом отгоняя от себя мысли, что вот так же когда-то расстанется с самым близким человеком. Дома налил себе и Нине Георгиевне коньяка, молча выпили. Мать ушла в свою комнату, до сына донеслись сдержанные рыдания. Любила своего полковника всю жизнь, может и жалела, что не связала свою жизнь после войны с Николаем Трофимовичем. Да разве спросишь. И никакая машина времени тут не поможет. Стоп, стоп! Соболев замер, ведь достаточно кому-то находиться рядом и вызвать врачей, да отправить в Военно-медицинскую академию или в больницу прикрепленную к Большому дому. И как знать, ведь сейчас инфаркт лечат. В который раз задумался о таких разовых акциях с использованием прототипа.

Дела в лаборатории шли не шатко не валко. Всё упиралось в отдельные узлы, которые заказать ОЛИБ не могла из-за дороговизны. Несмотря на прежние холодные отношения с Генрихом Ивановичем Доосом, Соболев успешно сотрудничал и дополнял творческий треугольник "ДЧС", как в шутку окрестили их коллеги. Коля со своими идеями оказался весьма кстати. Но картина прошлых лет повторялась - не хватает финансирования, из-за чего круг смежников сузился. Задания НИИ тяжёлой промышленности, военной отрасли затягивались или откладывались на неопределённый срок. Требовалась перестройка, и она уже не за горами. Чистяков в приватной обстановке нащёптывал:

- Витя, потерпи, ведь я практически всё знаю. Дело в новых

технологиях, скоро появится оптоволокно, представляешь одномодовое волокно на до 100 терабит в секунду. Многократно вырастет производительность ЭВМ, в смысле компьютеров. Я тебе такие фокусы покажу, ахнешь! Даже название для будущей машины придумал - "Клото".

- Это что-то из греческой мифологии?

- Ну да! Дама, что пряла нить жизни. Непонятно для непосвящённых и загадочно.

"Давай, давай! - мысленно подгонял Чистякова. - Что Клото, что Хронос или Кала, важен результат, который перевернёт науку и поможет мне решить накопившиеся вопросы".

30. Соболев. И грянул гром

"Протокол общего собрания особой лаборатории исследования будущего (ОЛИБ). Секретно. 19.08.1998 г.

Выступил начальник лаборатории Чистяков Н.Ф:

"Коллеги, друзья. Сегодня, наконец, мы закончили предварительные испытания нашего образца. Понадобилось свыше тридцати лет, чтобы ответственно заявить - российская наука сделала шаг в будущее. Грандиозное открытие, о котором скоро заговорят во всём мире, начиналось здесь в 1967 году. Благодаря стараниям и организаторскому таланту Генриху Ивановичу Дооса, мы создали наш опытный образец "Клото". Мы подчинили время и научились им управлять. Генриха Ивановича уже нет с нами, но всегда будем вспоминать его добрыми словами, как и нашего куратора от спецслужб полковника Серебрякова Николая Трофимовича. Их и других товарищей, которые внесли вклад в общее дело..."

Соболев не стал читать дальше собственное выступление, почти повторяющее суточные формулировки Чистякова, здравницы и речёвки "товарищей" из Москвы, а также резюме собственного начальства, генерал-лейтенанта ФСБ, Евгения Анатольевича Зинчука. Повертел в руках несколько листов со штампами и сунул обратно в папку. Вот и дождался до реального результата, Виктор Сергеевич, действительный член Российской академии наук, доктор физико-математических наук. Дело всей жизни к пятидесяти двум годам почти закончено, осталось внести коррективы в прошлое и кое-что исправить в сегодняшнем дне. Он окинул взглядом свой кабинет, переделанный из бывшей вотчины Дооса. После реконструкции, он из небольшой каморки, в которой ютился до ареста и после восстановления, получил вполне сносное помещение. Не такое большое, как у Витьки, там и приёмная и комната для отдыха, но всё же.

Вспомнил, как ОЛИБ, поменявший название на "Центр изучения природы времени и пространства при ФТИ им. Иоффе РАН", реформировали несколько лет назад, когда наконец нашлись заинтересованные люди, появились средства и лаборатория заняла целый этаж. Прежний начальник этого не застал - Доос повторил судьбу полковника Серебрякова, инфаркт и не первый, спасти учёного не смогли. Чистяков занял место ведущего, а битый жизнью Соболев превратился в заместителя, где исправно участвовал во всех проектах и заслужил доверие. Вряд ли, увлечённый работой Чистяков, вспоминал прошлые грехи своего зама. Человеческая память, у большинства, отправляет прошлые знания на дальнюю полку сознания, они тускнут под спудом новых проблем и забот.

Соболев женился на бывшей однокласснице, случайно встреченной на Невском проспекте. Так бывает, Соболев ни о чём сейчас не жалел. Двое внуков, несколько лет радовали Нину Георгиевну, пока неумолимое время не унесло и её. Соболев постоянно ловил себя на мысли, что относится к времени не как к некоей субстанции, а как живому существу. С которым вступает в споры, конфликты, улаживание проблем. Он ублажал это существо, ругался на него, неустанно верил, как однажды проснётся

властелином вечности. Он уже носил в голове программу, благодаря которой, он и только он сможет не только запускать человеческую личину в прошлое, но возносить в будущее. Неутомимый Чистяков, оперируя какими-то смутными знаниями, периодически допытывался на этот счёт, споря и доказывая, что хода вперёд не может быть и это противоречит установкам закона временной зависимости. Соболев нарочно подзуживал коллегу, как бы намекая, что такой алгоритм можно создать. Иногда, как бы между прочим, подкидывал незначительные идеи. Но оба были заняты экспериментами по решению переноса точек субъекта исключительно в материю прошлого.

Потом начался ремонт. Помещение, где на постаменте гордо возвышалась кабина "Клото", почти не пустовало. Группа техников монтировала техническую вентиляцию, ставило и подключало новейшее оборудование, пробивало в стене технические отверстия под дополнительные кабели. Непосвящённые искренне считали, что оборудование предназначено для углублённых медицинских исследований, вроде магнитно-резонансной томографии. После обновлений, когда монтаж закончился и начались реальные испытания на животных, остался узкий круг сотрудников, допущенных до самих испытаний: Чистяков, Соболев, врач, с говорящей фамилией Неболей, программист Сергей Иванцов, его помощница Юлия Широкова, техник-испытатель Шепитько. Долго спорили, кто "полетит" первым. С Москвой подобные вопросы не согласовывали, боялись, что навяжут своего. А не дай бог, аварии, а значит угроза для испытателя. Отвечай потом за варяга, лучше принять риски в узком кругу.

Аргументы Чистякова всех убедили:

- Я и только я, случись чего, Виктор Сергеевич, сможет разрулить проблемы или, - Чистяков горько усмехнулся, - станет вашим начальником.

Соболев тогда весь сжался, "мысли что ли читает Витя, не надо читать мои мысли, герой, я и так стану боссом. Скоро!" Но

испытания прошли блестящее, Чистяков со смехом рассказывал, как испугал декана института, куда был отправлен, научными прогнозами будущего. Затем Чистяков писал подробный отчёт и докладывал в Москву. В августе провели собрание, затем наступили будни и новые испытания. Соболев ждал своего часа. Работать стало сложно, приехали столичные коллеги, всюду совали свой нос и лезли с вопросами. Затем появились спланированные особо секретные поручения. Чистяков ни с кем не делился и несколько раз "слетал в прошлое". На просьбы Соболева допустить его к "Клото", начал мягко отказывать и избегал объяснений. Это ещё больше злило и раззадоривало заместителя.

План Соболева предельно прост: вернуться в тот злополучный день, когда закладка была пресечена группой Серебрякова. Имитировать попытку подложить бомбу, спровоцировать гэбистов на захват, чтобы выставить полковника и его добровольных помощников в невыгодном свете. Исход "поклёпа" на честного и преданного сотрудника, мог иметь далеко идущие последствия, как для Серебрякова, так и для посредника Петрушевского. Показания рецидивиста Балабана не в счёт, а за поступок "источника" недалеко и до скамьи подсудимых за компрометацию своего куратора. Пусть почувствуют с кем имеют дело, но доказать ничего не смогут. Далее мягко выдавить заклятого коллегу Генриха на пенсию или куда подальше. А там по возрастающей уже в качестве начальника лаборатории, в пути к славе, по ничтожному поводу уволить с волчьим билетом ренегата Чистякова и вперёд с вновь обретенными знаниями к славе. Соболев докажет кто самый умный! Дело за малым самостоятельно занять место испытателя, а главное составить программу с точными координатами точки и времени возврата в далёкий июньский четверг 1972 года.

Такая возможность представилась, когда Чистякова вызвали в Москву на закрытую коллегия Академии наук. По заведённым правилам, в отсутствии руководителя, все обязанности начальника лаборатории принимал на себя Соболев, все кроме прямого допуска к машине времени. Ясное дело замок на Клото не вешался, но сотрудники расписывались под правилами поведения на закрытом предприятии, где прописывались права и обязанности. Это

приложение к трудовому договору, обязательное для всех, предписывало неукоснительное выполнение всех пунктов. За невыполнение грозило увольнение или возбуждение уголовного дела.

Соболев отлично это знал, ведь сам когда-то помогал составлять договор, но как это часто принято, в каждом запрете имеются исключения. Как сказал остряк Чистяков: "Тогда и незачем эти правила составлять". В этом Николай Фёдорович абсолютно прав, чем и не преминул воспользоваться Виктор Сергеевич. Он вызвал в кабинет Юлю Широкову.

- Юлечка, срочное задание для вас, если понадобится подключите Одинцова. К моей монаде* привяжите координаты, вот я написал. Не удивляйтесь мне сегодня необходимо "слетать" по делу не терпящим отлагательства.

Широкова прочитала текст и удивлённо подняла брови.

- Это не трудно, я сама справлюсь, но без разрешения Николая Фёдоровича как же?

- Юля, вам нужно письменное разрешение или достаточно устного распоряжения. Я могу сейчас позвонить в Москву и передать вам трубку. Сможете потом смотреть мне в глаза? Ведь я сейчас главный, готов продублировать письменно, чтобы снять с вас ответственность. Так что решим?

Юлия помялась и наконец выдавила:

- Виктор Сергеевич, лучше приказом, поймите меня правильно.

- Хорошо, хвалю за бдительность. Помните как в фильме "Семнадцать мгновений весны" Мюллер говорит Штирлицу: "Верить

в наше время нельзя никому, порой даже самому себе. Мне -- можно".

Широкова хихикнула, вспомнив эпизод. Соболев быстро набросал приказ, расписался и поставил штамп лаборатории.

- Так подойдёт?

- Конечно. Мне понадобится полчаса, чтобы занести данные в программу и запустить стенд. Когда подойдёте?

- Да, через полчаса и подойду, говорю же срочно.

За помощницей программиста закрылась дверь. Вот он долгожданный час, когда можно наконец свести счёты с прошлым - никаких арестов, побегов и колонии усиленного режима в Нижнем Тагиле. "Я это заслужил своими знаниями, трудом, эрудицией и прагматизмом. За ошибки заплатил сполна в прошлой жизни, сейчас переверну страницу и утру вам всем нос". Соболев поднялся, подошёл к секретеру и достал чистяковский коньяк для представительства, открыл и плеснул в бокал - "за новую жизнь!" Через несколько минут он вернётся сюда полновластным хозяином, точно не будет рядом Чистякова, но он не знает кто из нынешних сотрудников останется в лаборатории, как он распорядится новыми возможностями в "прошлой" жизни. Интересно этот эпизод сотрётся или останется в памяти. Чистяков много говорил о временных парадоксах. Вот и узнаю заодно, узнаю судьбу Петрушевского, спасу Серебрякова, да мало ли чего...

Хлопнула входная дверь в лабораторию, это Чистяков привёз коробку с компроматом против Соболева. Виктор усмехнулся: " Ну, ну защитники закона, вот будет сейчас весело".

- Всё как вы просили, ну и жарница на улице.

- Спасибо, Федя. Положи на стол.

- Может откроем и посмотрим, что там северные умельцы навалили?

- Сейчас снова звонить будут, подожди, мне надо зарегистрировать прибор, потом можешь колдовать. Я тебя позову.

Чистяков положил на стол якобы коробку с блоком питания. Когда закрылась дверь за лаборантом, Соболев преобразился. Мгновенно распаковал картонку, через носовой платок извлёк тротилловые шашки, осмотрел устройство - ага, коллеги обезвредили. Подбежал к окну и выбросил бомбу в кусты с высоты второго этажа. Чуть слышно хрустнули ветки, компромат исчез в густой листве калины. Надо торопиться, сейчас появится группа захвата. Теперь в дело пошла посылка от смежников с блоком питания. Соболев выглянул в коридор и быстро прошмыгнул в аппаратную к прототипу. Открыл дверцу распределительного щита, вот сейчас, ещё миг! Распахнулась дверь и замкнутое пространство взорвалось жёстким окриком Серебрякова:

- Стоять! Отпусти "машинку", подыми руки! Медленно повернись ко мне, гадёныш.

- Здравствуйте, Николай Трофимович. Не пугайте так. Это всего лишь блок питания, вот взгляните, - и сделал шаг навстречу.

- Не смей открывать, - рявкнул ещё громче полковник и стремительно шагнул вперёд.

Соболеву стало страшно, он резко отпрянул и споткнулся о

железный угольник порога двери с сеткой, отгораживающей по технике безопасности распределительный щит. Пытаясь удержаться взмахнул руками, выронил злосчастную коробку и полетел на щит. Левая рука коснулась токоведущей шины, а ладонь второй на отлёте зацепила край распределительного шкафа. Раздался треск короткого замыкания. Тело Соболева выгнулось дугой, забилося и сползло. Рука осталась на шине. Запахло палёным мясом. Серебряков, вбежавшие за ним сотрудники и биолог Лидия Колыванова, заведовавшая подопытной живностью лаборатории, замерли в ужасе. В проёме двери мелькнуло лицо Чистякова.

- Оттащите его от щита! Палку надо, вот швабра.

Серебряков, насмотревшийся за свою жизнь и не такого первый взял себя в руки, схватил старшего лейтенанта за ногу и потащил от электрической ловушки. Соболев с пеной у рта, пытался что-то сказать. Наконец удалось разобрать фразу "И грянул гром". В следующий миг Соболева не стало.

* монада - индивид, личность

Эпилог

Вода тихо плескалась о берег, Чистяков взмахнул удочкой, в воздухе блеснул рыба

- Есть, Дима, в кои веки выбрался на рыбалку и сразу поклёвка. Обалдеть уже на уху набралось.

Снял судака с крючка и бросил в ведро, где плескались с десяток собратьев. Июнь в этом году выдался засушливый и друзья собрались порыбачить. У воды прохладно, да в будни народа мало, шума на берегу нет. Ещё час и собрались возвращаться. Дом Петрушевых в двадцати минутах ходьбы. По дороги болтали ни о

чём. Неожиданно Петрушевский остановился.

- Коля, вот только что вспомнил, всё хотел спросить про нашего незабвенного Соболева. Скажи, а куда после смерти делась адская машинка. Я же держал её в руках, а ты вроде как передал ему?

Чистяков наморщился, воспоминания почти пятидесятилетней давности были ему не по душе. Сколько воды утекло, смерть Соболева надолго выбило его из колеи. Да не только его, такое ЧП да на режимном объекте, да с их подачи, всколыхнуло руководство ОЛИБ и надзорную службу. Лучше не вспоминать. Вот недавно спасли Светлану Петровну, вот о чём надо надо говорить между собой и радоваться.

- Взрывчатку я нашёл в кустах, видел, как Витя выкинул её.

- И что?

- Как что, уничтожил и говорю теперь только тебе. Чего тогда трясти находкой и всё усложнять, коли фатум списал его грехи. Помнишь сколько нервов помотали. А может ты клонишь к тому чтобы вновь его спасти?

Петрушевский остановился и растерянно повернулся к собеседнику.

- Ты это серьёзно? Даже в мыслях не было, покойся с миром старший лейтенант Соболев, я тебе больше не помощник!

Июль, 2019